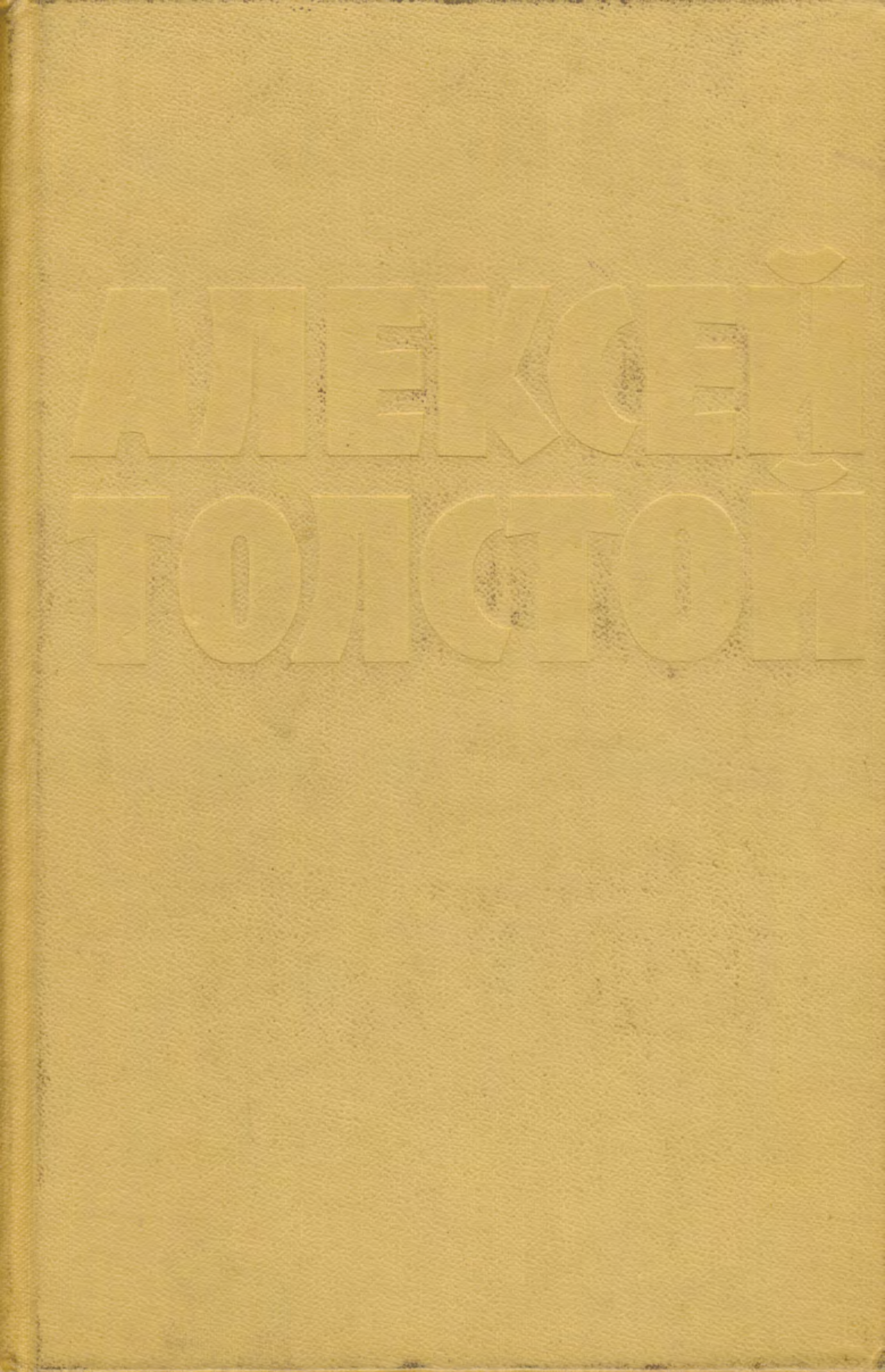

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в десяти томах

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том восьмой

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКИ

СКАЗКИ и РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК
(пьеса)

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

Под редакцией:
А. В. АЛПАТОВА, Ю. А. КРЕСТИНСКОГО
А. С. МЯСНИКОВА, В. О. ПЕРЦОВА,
Л. И. ТОЛСТОЙ, В. Р. ЩЕРБИНЫ

Подготовка текста *Ю. А. Крестинского*
Комментарии *А. Н. Нечаева*

Оформление художника
В. МАКСИНА

А. Н. ТОЛСТОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Солнечные песни

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождик сквозь солнце, крупный и теплый
Шумит по траве,
По синей реке.
И круги да пузырики бегут по ней,
Лег тростник,
Пушистые торчат початки,
В них накрепко стрекозы вцепились,
Паучки спрятались, поджали лапки,
А дождик поливает:
    Дождик, дождик пуще
    По зеленой пуще.
    Чирики, чигирики,
    По реке пузырики.
    Пробежал низенько,
    Омочил мокренько.
    Ой, ладога, ладога,
    Золотая радуга!
Рада белая береза:
    Обсыпалась почками,
    Обвесилась листочками.
    Гроза гремит, жених идет,
    По солнцу дождь, — весенний мед,
    Чтоб, белую да хмельную,
    Укрыть меня в постель свою,

Хрустальную,
Венчальную...
Иди, жених, замрела я,
Твоя невеста белая...
Обнял, обсыпал дождик березу,
Прошумел по листам
И по радужному мосту
Помчался к синему бору...
По мокрой траве бегут парень да девушка.
Уговаривает парень:

«Ты не бойся, пойдем,
Хоровод за селом
Созовем, заведем,
И, под песельный глас,
Обведут десять раз,
Обручившихся, нас.
Этой ночью красу —
Золотую косу
Расплету я в лесу».

Сорвала девушка лопух,
Закрылась.
А парень приплясывает:

«На меня погляди,
Удалее найди:
Говорят обо мне,
Что девицы во сне
Видят, около,
Ясна сокола».

На реке дед-перевозчик давно поджидает,
Поглядывает, посмеивается в бороду.
Сбежали с горы к речке парень да девушка,
Отпихнул дед перевоз,
Жалко стало внучки, стал реке выговаривать:

«Ты, река Бугай, серебром горишь;
Скатным жемчугом по песку звенишь;
Ты прими, Бугай, вено девичье,
Что даю тебе, мимо едучи;
Отдаю людям дочку милую, —
Охрани ее водной силою
От притыки, от глаза двуглазого,

От двузубого, лешего, банника,
От гуменника, черного странника,
От шишиги и нежитя разного».
И спустил в реку узелок с хлебом-солью.
Девушка к воде нагнулась,
Омакнула пальцы:
«Я тебе, река, кольцо скую —
Научи меня, молоденькую,
Как мне с мужем речь держать,
Ночью в губы целовать,
Петь над люлькой песни женские,
Домовые, деревенские.
Научи, сестра-река,
Будет счастье ли, тоска?»
А в село девушкам
Сорока-ворона на хвосте принесла.
Все доложила:
«Бегите к речке скорей!»
Прибежали девушки к речке,
Закружились хороводом на крутом берегу,
В круг вышла молодуха,
Подбоченилась,
Грудь высокая, лицо румяное, брови крутые
Звякнула монистами:
«Как по лугу, лугу майскому,
Заплетались хороводами,
Хороводами купальскими,
Над русалочьими водами.
Звезды кружатся далекие,
Посреди их месяц соколом,
А за солнцем тучки легкие
Ходят кругом, ходят около.
Вылезайте, мавки, душеньки,
Из воды на волю-волюшку,
Будем, белые подруженьки,
Хороводиться по полюшку».
А со дна зеленые глаза глядят.
Распустили русалки-мавки длинные косы.
«Нам бы вылезти охота,
Да боимся солнца;
Опостылела работа!

Колет веретенце.
На закате под ветлою
Будем веселиться,
Вас потешим ворожбою,
Красные девицы».
Обняв девушку, парень
Кричит с перевоза:
«Хороните, девки, день,
Закликайте ночку —
Подобрался ключ-кремень
К алому замочку.
Кто замочек отомкнет
Лаской или силой,
Соберет сотовый мед
Батюшки Ярилы».
Ухватили девушки парня и невесту,
Побежали по лугу,
Окружили, запели:
«За телкою, за белою,
По полю, полю синему
Ядреный бык, червленый бык
Бежал, мычал, огнем кидал:
«Уж тебя я догоню, догоню,
Молодую полоню, полоню!»
А телушка, а белая,
Дрожала, вся замрелая, —
Нагонит бык, спалит, сожжет...
Бежит, молчит, и сердце мрет...
А бык нагнал,
Червленый, пал:
«Уж тебя я полонил, полонил,
В прощах воду отворил, отворил
Горы, долы оросил, оросил».
Перекинулся дождик от леса,
Да подхватил,
Да как припустился
По травушкам, по девушкам,
Теплый да чистый:
Дождик, дождик пуще
По зеленой пуще.
Чирики, чигирики,

По воде пузырики.
Пробежал низенько,
Омочил мокренько.
Ой, ладога, ладога,
Золотая радуга,
Слава!

КУПАЛЬСКИЕ ИГРИЩА

Дни купальные —
Венчальные:
Бог сочетается с красной девицей
Зарей Заряницей.
Оком пламенным в землю глядит!
И земля замирает,
Цветы вырастают,
Деревья кудрявые,
Травы.
Оком пламенным в реки глядит!
И невмочь разгоревшимся водам,
Текут они медом,
Желтым и старым,
По бродам
И ярам.
Оком пламенным в сердце глядит
Бог Купало,
Любый, травник, лих...
Сердце — ало,
Загорается...
Явись, воплотись,
Жених!..
Чудо совершается —
Купало в Козла воплощается...
В речке воды — желтый мед,

Пьяный мед,
Белый к нам Козел идет,
К нам, девицы,
Заряницы,
Поутру жених —
Козел идет,
Круторогий нам
Дары несет.
У него венец
Золотых колец.
С нами Купало великий,
С нами Козел наш, девицы!
Скиньте, сорвите паневы!
Где ты, невеста любовная?
Где ты, Заря Заряница?
Ищет невесту Купало,
Круторогий, кудрявый...
Очами глядит, —
Где ты, Заря Заряница?
    Вот она кружится, — де́вица, де́вица,
    Кружится, кружится, де́вица, де́вица..
    Ты ль жениха не ждала,
    В небе зарею цвела,
    Ты ли вино не пила,
    Пояс тугой сорвала...
    Красная де́вица
    Заря Заряница!
Нашел Козел невесту,
Выбрал де́вицу любовнее всех.
    Возьми ее, возьми ее,
    Веди ее на реку,
    В меду купать, в меду ласкать,
    Купало! Купало!
    Люби ее, люби ее,
    Веди ее по хмелю;
    Неделю пить, допьяна пить,
    Купало! Купало!
    Целуй ее, целуй ее,
    До крови невесту!
    Твоя любовь — на теле кровь!
    Купало! Купало!

ОСЕННЕЕ ЗОЛОТО

Нет больше лета,
Не свистят зелены иволги,
Грибами пахнет...
Пришел к синей реке козленок,
Заиграл на тростинке,
И запечалились мавки-русалки:
    Тонкая сопелочка плачет над водой,
    Спой осенним мавам ты, козлик золотой
    Падают с березы последние одежды,
    Небо засинелось печалью безнадежной...
    Лебеди срываются от затонных вод...
    Скоро наш козленочек за море уйдет.
Поет на тростинке козленок:
    — Я пойду не зá море —
    Зá море далеко;
    Я пойду не зá горы —
    Зá горы высоко!
    А пойду я в красный
    Лес густой,
    Набреду на ножик,
    Острый, злой:
    Упаду на травы,
    Закричу,
    Обольюся кровью
    По мечу.

Заплакали русалки-мавки:
— Горе нам, горе, осенние красавицы!
Хочет наш песельник до́ смерти кровавиться!
Падайте, листья, стелитесь желто-алые,
Мы убаюкаем глазыньки усталые...
Спи, спи, усни...
Волна бежит
По берегу;
Трава лежит
Примятая...
Волна траве:
Ты слышала —
Она идет,
Осенняя,
Прекрасная,
Вся в золоте
И тлении,
Печальная,
Пурпурная...
Спи, спи, усни,
В листы склони
Головушку,
Рога златые
В травушку...
Она идет,
Тебе поет:
«Спи, спи, усни,
Козленочек».

ЗАМОРОЗКИ

Сковало морозом реку,
Хватило траву,
Пожелтел камыш,
Спуталась на низком берегу осока...
На лед выбежала девушка
В белых чулках, в лисьей шубке:
  — Я по речке иду,
  И боюсь, и смеюсь,
  По хрустящему льду
  Башмачком прокачусь...
  Я во льду голубом
  Залюбуюсь собой,
  В шапке с белым пером
  Будет суженый мой...
  А мороз, словно лист,
  Разрумянил лицо,
  Подарит мне Финист
  Золотое кольцо.
Ах ты, де́вица, де́вица, де́вица...
Нынче сокол Финист тебе грезится.
Добежала до березового острова,
Подобрала шубку, села, загрустила:
  Выходила на заре,
  Липе, древу на дворе,

В ветви бросила монисто,
Ворожила и спросила
Липу: «Дерево девичье,
Не свистел ли про Финиста,
Лада-липа, голос птичий?»
И не знала липа о соколе,
Не сказала — близко, далеко ли.
Облокотилась девушка,
Упали черные ресницы...
И расступились, покачнулись березы,
Вышел белый терем
О двенадцати башнях, на них двенадцать
голов медвежьих.
В терему окно стукнуло,
Вылетел белый сокол и обернулся
Финистом:
— Девушка моя, не тоскуй,
Зимнего меня поцелуй...
Я сыграю на свирели: —
На твоей горят постели
Янтари;
Я тебя, мою голубку,
Заверну в соболью шубку
До зари;
Спи, не тронет сон ни свекор,
Ни свекровь...
Спи, с тобою белый сокол
И любовь...
Встает, шатается девушка,
Смеются медвежьи головы...
Зазвенело вдруг по реке,
Позыкнулось в роще:
На березе белый дед,
Под березой снегу нет!
То ребята бегут, гонят дубинками котяши по
реке
Побелел Финист, дрогнул,
И пропал и он, и терем медвежий.
Набежали ребята,
Девушку в салазки посадили —
Покатили — смеяться не поспеешь:

На девушке сарафан,
Алым шелком белый ткан;
Что ты, ясная, бледна,
Ходишь по лесу одна?
Станем девушку катать,
Зимней песней величать:
— Царица льдяная,
Зима бура́нная,
Будь наша мати,
Дай переждати
Твои метели
В веселой хате,
Где б песни пели
Парням девицы...
Зима царица!
Белая птица!
Снежная пава!
Слава!

ПАСТУХ

Утром росы не хватило,
Стонет утроба земная.
Сверху-то высь затомила
Матушка степь голубая.
Бык на цепи золотой,
В небе высоко ревет...
Вон и корова плывет,
Бык увидал, огневой...
Вздыбился, пал...
Синь под коровою.
Ух... загремел, засверкал
Грудью багровою;
Брагой медовою
Тучно истек.
Зелень ковровую
Вымыл поток.
Пуще того духовитая
Дышит страда.
Лоснятся, богом омытые,
В поле стада.

ПОЛДЕНЬ

На косе роса горит,
Под косой трава свистит;
Коростель кричит в болоте,
В пышном поле, от зари,
Распотешились в работе,
Распотели косари.
Солнце пышет желтым жаром,
И звенит трава под жалом:
«По кошнине лапотком
За передним ходоком».

Песни долгие звенят,
Красны девки ходят в ряд;
Расстегнулися паневы,
Тело белое горит...
«Звонче пойте, чернобровы,
Только старый в полдень спит»
Солнце пышет желтым жаром,
И звенит трава под жалом.
«По кошнине лапотком
За передним ходоком».

ЗОЛОТО

Загуляли по ниве серпы;
Желтым колосом мерно кивая,
Зашепталася рожь золотая, —
И уселись рядами снопы.
Низко свесили кудри горячие,
Словно солнцевы дети, в парче
Обливает их солнце стоячее,
Разгорается сила в плече.
Медвяным молоком наливное
Проливается в горсти зерно...
Ох ты, солнце мое золотое!
Ох ты, высь, голубое вино!

ЗЕМЛЯ

Гаснет в утренник звезда;
Взрежет землю борозда...
И гудят, скрипят сошники,
И ярмо качают быки,
Белый да красный.
Не хоронит перед зарей лица,
В алых солнце тучах моется;
И, пластами до реки,
Емлют землю сошники.
«Зерна ярые мои
В чреве, черная, таи.
Станут зерна стебелиться,
Стебель тонкий колоситься,
Солнце ляжет на поля —
Стеблю влаги дай, земля!..
Я приду к тебе, моя мать,
Золотые снопы поснимать;
Я снопы смолочу до зари,
И три меры насыплю я, три.
Меру первую и полную мою
Богу господу Исусу предаю;
А вторую князю, в красном терему;
Третью меру в землю — чреву твоему!
В пашню зерна золотые полегли,
Возлелей их, чрево черное земли».

ТРАВА

Перепелка припала в траве,
Зазвенела стрела в тетиве,
И впилась между крылышек медь,
А трава начинает шуметь.
Ты зачем зашумела, трава?
Напугала ль тебя тетива?
Перепелочья ль кровь горяча,
Что твоя закачалась парча?
Или ветром по полю умчалось без края
Неизносное горе мое?
Но не ты ли, трава, шелестя и кивая,
Роковое сокрыла копье?
И, как птица в тебе, золотая подруга
От татарина злого бегла.
Натянулась татарская, метко и туго,
И подругу догнала стрела,
И приникла змеею, и в девичью спину,
Закровавив, до перьев ушла.
Так не с этой ли крови колышешь равнину
И по ветру волной полегла?

СВАТОВСТВО

Сноп тяжел золотым зерном,
А рука могутною дрожью.
Размахнусь только раз цепом —
Гулкий ток весь засыплю рожью;
На лопату зерно приму,
Кину в ветер, чтоб снес мякину,
Чистый хлеб соберу в суму
И на плечи ту сумку вскину.
В гридни княжьи пойду, хвалясь:
Кто суму приподнимет, князь?
За столы, подбоченясь, сяду.
Приподнять никому невмочь,
И зовет князь невесту дочь,
Что гуляет в венце по саду.
Вот, Настасья, тебе жених!
Колокольни дрожат от гула,
И слепец запевает стих:
«Буди жив, богатырь Микула!»

ТАЛИСМАН

Родила меня мать в гололедицу,
Умерла от лихого житья;
Но пришла золотая медведица,
Пестовала чужое дитя.
В полнолунье водила на просеки,
Ворожила при ясной луне.
И росли золотые волосики
У меня на груди и спине.
Языку научила змеиному
И шептанью священных дубрав;
Я в затонах внимал шелестиному,
Заунывному голосу мав.
Но ушла золотая медведица,
На прощанье дала талисман...
Оттого-то поется, и грезятся
Мне леса, и река, и туман.

ЛЕШАК

Все-то мавы танцевали
Кругом, около, у пня;
Заклинали, отогнали
Неуемного меня.
Всю-то ночку, одинокий,
Просидел я на бугре;
Затянулся поволокой
Бурый месяц на заре.
Встало солнце, и козлиный
Загудел в крови поток.
Я тропой пополз змеиной
На еще горячий ток.
Под сосной трава прибита,
Вянут желтые венки;
Опущу мои копыта
В золотые лепестки...
Берегись меня, прохожий!
Смеху тихому не верь.
Неуемный, непригожий,
Сын я Солнца — бог и зверь

ЗОРИ

Койт встает на закате, зовет Эммарику;
А леса между ними завалены снегом;
Старый Сивер приподнял холодную пику
И летит на оленях — белесом и пегом.
Койт зовет Эммарику: «Приди, моя зорька,
И возьми у меня золотое светило!»
А она: «Не могу — караулит нас зорко
Снежнокудрого Сивера вьюжная сила».
Сосны сини, и снег между соснами синий.
Плачет Койт, простирая к возлюбленной пальцы
А от слез опускается на землю иней;
И в сугробах пушистые прыгают зайцы.

САМАКАН

В круг девичий посадите,
Гостя чаркой обнесите;
Ой, гусляр! Ой, гусляр!
Спой про сокола Финиста,
Про чеканное монисто;
Ой, гусляр! Ой, гусляр!
Ладом в ладушки ударим,
Красным золотом ода́рим;
Ой, гусляр! Ой, гусляр!

Струны мои, струны неурывчаты!
Песни мои, песни переливчаты!
Думы мои за море летят;
За морем три старицы стоят,
Старицы, клобушные да мудрые,
Спрятали царевну на Словут-горе.

По морю, по камушкам пойду я,
Песнями царевну расколдую;
Струны мои се́ребром рассыпятся.
Встанет царь-девица в алой зыбице
Жемчугом расшитый сарафан...
Здравствуй ты, царевна Самакан!
Не понять вам песни, девицы,
Золотой не разгадать,

И в царевнин терем лестницы
Нипочто не отыскать.

Поклонился гусляр дó полу,
И пошел в студеную ночь,
От гостей, от чарки прочь,
И запел, заплакал пó полю.

Звезды мои, звезды голубые,
Очи царь-девицы золотые...
Синее ты небо запрокинулось,
Песню мою смертную я кину ввысь...
Песню о царевне-Самакан,
Запевай за мной, подхватывай, буран...

ЛЕЛЬ

Опенками полно лукошко,
А масленник некуда деть;
На камне червивом морошка
Раскинула тонкую сеть.
И мох, голубой и пахучий,
Окутал поваленный пень;
Летают по хвое горючей
Кружками и светы и тень,
Шумят, вековечные, важно
И пихты, и сосны, и ель...
А в небе лазоревом бражно,
Хмельной, поднимается Лель.
Вином одурманены, пчелы
В сырое дупло полегли.
И стрел его сладки уколы
В горячие груди земли.

СЕМИК

Ох, кукуется кукушке в лесу!
Заплетите мне тяжелую косу;
Свейте, девушки, веночек невелик —
Ожила береза-древо на Семик.
Ох, Семик, Семик, ты выгнал из бучил
Водяниц с водою чистой разлучил
И укрыл их во березовый венец.
Мы навесим много серег и колец:
Водяницы, молодицы,
Белы утицы,
Погадайте по венку,
Что бросаем на реку.
По воде венок плывет,
Парень сокола зовет,
Принести велит венок
В златоверхий теремок.
Ой, родненьки!
Ой, красные!
Ой, страшно мне,
Молоденькой.

ДОДОЛА

Над прохладною водою из криниц
Снимем платье с той, что краше всех девиц,
Тело нежное цветами опрядем,
По селениям Додолу поведем,
Осыпаем всех прохожих ячменем,
Князя-солнце нашей девице найдем.
Вон по небу, светел силою и лих,
Ходит, саблею игрáет князь-жених...
Уж ты саблей тучу нáполы руби,
В рог златой по горним долам затруби!
Вoструби — зови, а мы к тебе идем,
Во цветах Додолу красную ведем...
На, возьми ее, ожги ее огнем...
Мы над нею ветви сению согнем.

ЛЕСНАЯ ДЕВА

Хмар деревья кутает,
Мне дороги путает,
Вопит дикий кур.
Девушка весенняя!
Вот метнулась тень ее...
Кто там? Чур мне, чур!
В очи хвоей кинула
И в пещере сгинула...
А в сырую мглу
День пустил стрелу.

ПЛАЧ

Ночь — глухая темь;
Всех дверей-то семь.
За дубовыми,
Медью кованными,
Бык сидит.
У семи дверей
Семиглавый змей.
На завалине —
Сером каменье —
Крепко спит.
Поднимает лик
Златорогий бык,
Разбегается,
Ударяется
Рогом в дверь.
Но тверды замки,
Не сломать доски.
Горе черное!
Дверь упорная!
Силен зверь.
Где же ты, меч-топор
Кладенец востер?
В море лоненном
Похороненный
Синий меч!

Эх, найти бы мне
Острый меч на дне!
Змею старому,
Зверю хмарному
Главы ссечь.

За синими реками

ОБРЫ

Лихо людям в эту осень:
Лес гудит от зыков рога —
Идут Обры, выше сосен,
Серый пепел — их дорога.
Дым лесной вползает к небу,
Жалят тело злые стрелы;
Страшен смирному Дулебу
Синий глаз и волос белый.
Дети северного снега
На оленях едут, наги;
Не удержат их набега
Волчьи ямы и овраги.
И Дулеб кричит по-птичьи;
Жены, взнузданы на вожжи,
Волокут повозки бычьи,
Зло смердят святые рощи.
Обры, кинув стан на Пселе,
Беленою трут колени;
За кострами, на приколе
Воют черные олени.
Так прошли. С землей сравнялись
Море ль их укрыло рати?
Только в тех лесах остались
Рвы да брошенные гати.

ЗМЕИНЫЙ ВАЛ

Широко разлился синий Буг.
По берегу ограда.
Кузнец кует железный плуг,
В саду гуляет лада.
«Кузнец,— кричит, — оставь ковать:
Волна о брег клокочет, —
То змей из моря вышел вспять,
Ласкать меня он хочет!..»
Кузнец хватил клещи в огонь,
На дверь надвинул болты.
А змей скакал, встряхая бронь
По брюху ржаво-желтый.
«Открой, кузнец!» — был скорый зык;
Сквозь дверь лизнуло жало;
Словил кузнец клещьми язык,
Каленными доала.
Завыл от боли змей и вдруг
Затих: «Пусти на волю».
Кузнец сказал: «Впрягайся в плуг,
Иди, ори по полю».
И змей пошел, и прах степной
С бразды поднялся тучей.
К закату змей истек слюной
И встал, хрипя, над кручей...
По ребрам бил его кузнец...

А окиан червленый
Гудел. И змей, согнув крестец,
Припал к воде соленой...
И пил, мутя волну с песком.
Раздулся выше гор он...
И лопнул... Падалью влеком,
На камне граял ворон.

СКОМОРОХИ

Из болот да лесов мы идем,
Озираемся, песни поем;
Нехорошие песни — бирючьи,
Будто осенью мокрые сучья
Раскачала и плачется ель,
В гололедицу свищет метель,
Воет пес на забытом кургане,
Да чернеется яма в бурьяне,
Будто сына зарезала мать...
Мы на свадьбу идем пировать:
    Пированье — браги нет,
    Целованье — бабы нет,
    И без песен пиво — квас,
    Принимай, хозяин, нас.
Хозяину, хозяюшке — слава!
Невесте да молодцу — слава!
Всем бородам поклон да слава!
    А нам, дуракам, у порога сидеть,
    В бубенцы звенеть да песни петь,
    Песни петь, на гуслях играть,
    Под гуслярный звон веселó плясать
    Разговаривай звончее, бубенцы!
    Ходу, ходу, руки, ноги, — лапотцы́...
Напоил, хозяин, допьяна вином,
Так покажь, где до рассвета отдохнем;

Да скажи-ка, где лежит твоя казна,
Чтоб ошибкою не взять ее со сна.
Да укажь-ка, где точило мы найдем, —
Поточить ножи булатные на нем;
Нож булатный скажет сказку веселей...
Наливай-ка брагу красную полней...
   Скоморохи, скоморохи, удальцы!
   Стоном-стонут скоморошьи бубенцы!

ЕГОРИЙ — ВОЛЧИЙ ПАСТЫРЬ

В поле голодном
Страшно и скучно.
Ветер холодный
Свищет докучно.

Крадется ночью
Стая бирючья, —
Серые клочья,
Лапы что крючья.

Сядут в бурьяне,
Хмуро завоют;
Землю в кургане
Лапами роют.

Пастырь Егорий
Спит под землею.
Горькое горе,
Время ночное...

Встал он из ямы,
Бурый, лохматый,
Двинул плечами
Ржавые латы.

Прянул на зверя...
Дикая стая,
Пастырю веря,
Мчит, завывая.

Месяц из тучи
Глянул рогами,
Пастырь бирючий
Лязгнул зубами.

Горькое горе
В поле томится.
Ищет Егорий,
Чем поживиться...

ВЕДЬМА-ПТИЦА

По Волхову струги бегут,
Расписаны, червленые...
Валы плеснут, щиты блеснут,
Звенят мечи каленые.
Варяжий князь идет на рать
На Новгород из-зá моря...
И алая, на горе, знать,
Над Волховом горит заря.
Темны леса, в водах струясь.
Пустынны побережия...
И держит речь дружине князь:
«Сожгу леса медвежие.
Мой лук на Новгород согну,
И кровью город вспенится...»
... А темная по мху, по дну
Бежит за стругом вéдьмица.
Над лесом туча — черный змей
Зарею вдоль распорота.
Река кружит, и вот над ней
Семь башен Нова-Города.
И турий рог хватает князь
Железной рукавицею...
Но дрогнул струг, вода взвилась
Под ведьмой, девой птицею.
Взлетела ведьмица на щегл,

И пестрая и ясная:
«Жених мой, здравствуй, князь и сокол...
Тебя ль ждала напрасно я?
Люби меня!..» — в глаза глядясь,
Поет она, как пьяная...
И мертвый пал варяжий князь
В струи реки багряные.

ПРИВОРОТ

Покатилось солнце с горки,
Пало в кованый ларец.
Вышел ночью на задворки
Чернобровый молодец.
В красном золоте рубаха,
Стан — яровая сосна;
Расчесала кудри пряха —
Двадцать первая весна.
«Что ж, не любишь, так не надо,
Приворотом привяжу,
В расписной полюбу-ладу
Красный терем посажу.
За болотом в мочежине,
Под купальский хоровод,
Вырастает на трясине
Алым цветом Приворот.
Парень в лес. А лес дремучий:
Месяц вытянул рога;
То ли ведьмы, то ли тучи
Растянули полога.
Волчий страх сосет детину:
«Вот так пень! А, мож, старик?»
О дубовую стволину
Чешет спину лесовик.
На лету сова мигнула:

«Будет лихо, не ходи!»
За корнями подсопнуло,
Кто-то чмокнул позади.
Кочки, пни, и вот — болото:
Парень лег за буреломом:
Зачинается работа,
Завозился чертов дом!
Ведьмы ловят месяц белый, —
В черных космах, нагишом:
Легкий, скользкий, распотелый
Месяц тычется ребром.
Навалились, схоронили,
Напустили темноты,
И в осоке загнусили
Длинношеие коты.
Потянулись через кочки
Губы в рыжей бороде;
Завертелся в низкой бочке
Куреногий по воде.
И почло пыхтеть да гнуться,
Шишкой скверной обрастать,
Раскорякою тянуться,
Рожи мерзкие казать;
Перегнется, раскосится,
Уши на нос, весь в губу...
Ну и рожа! Сам дивится...
Гладит лапой по зобу.
Ведьмы тиной обливают
Разгоревшийся живот...
А по кочкам вырастает
Ясно-алый Приворот.
Парень хвать, что ближе было,
И бежать... «Лови! Держи!» —
По болоту завопило,
В ноги бросились ежи.
Машут сосны, тянут лапы,
Крылья бьют по голове...
Одноногие арапы
Кувыркаются в траве.
Рано утром закричали
На поветях кочета;

Рано утром отворяли
Красны девки ворота.
По селу паленый запах.
Парень-камень у ворот,
А на нем, в паучьих лапах,
Алой каплей — Приворот.

КЛАДОВИК

Идет старик, — борода как лунь,
Борода как лунь...
В лесу темно, — куда ни сунь,
Куда ни сунь.
Лапы тянутся лохматые,
Кошки ползают горбатые.
По кустам глаза горят,
В мураве ежи сопят,
Нежить плюхает по тине,
Бьются крылья в паутине.
И идет старик, — борода как лунь,
Ворчит под нос: «Поплюй, подунь...
Размыкайтеся замки,
Открывайтесь сундуки!..»
Корнем крышки отмыкает,
Углем золото пылает,
И — еще темней кругом...
Пляшет дед над сундуком,
Машет сивой бородою,
Черноте грозит клюкою...
Топнет, — канет сундучок, —
Вырастает борвичок.
И идет старик, — борода как лунь,
Борода как лунь...

Везде — клады, — куда ни сунь,
Куда ни сунь...
А под утро — лес как лес,
Кладовик в дупло улез.
Только сосенки да ели
Знают, шепчут еле-еле...

МАВКА

Пусть покойник мирно спит;
Есть монаху тихий скит;
Птице нужен сок плода,
Древу — ветер да вода.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою — и я ничья.
Что мне ветер! Я быстрей!
Рот мой ягоды алей!
День уйдет, а ночь глуха,
Жду я песни пастуха!
Ты, пастух, играй в трубу,
Ты найди свою судьбу,
В сизых травах у ручья
Я лежу — и я ничья.

Хлоя

I

Зеленые крылья весны
Пахнули травой и смолою...
Я вижу далекие сны —
Летящую в зелени Хлою,
Колдунью, как ивовый прут,
Цветущую сильно и тонко.
«Эй, Дафнис!» И в дремлющий пруд
Купая, бросает козленка.
Спешу к ней, и плещет трава;
Но скрылась куда же ты, Хлоя?
Священных деревьев листва
Темнеет к полудню от зноя.
«Эй, Дафнис!» И смех издали...
Несутся деревья навстречу;
Туман от несохлой земли
Отвел мимолетную встречу.
«Эй, Дафнис!» Но дальний прибой
Шумит прибережной волною...
Где встречусь, о Хлоя, с тобой
Крылатой, зеленой весною?

ГРОЗА

II

Лбистый холм порос кремнем;
Тщетно Дафнис шепчет: «Хлоя!»
Солнце стало злым огнем,
Потемнела высь от зноя.
Мгла горячая легла
На терновки, на щебень;
В душном мареве скала
Четко вырезала гребень.
Кто, свистя сухой листвой,
Поднял тело меловое?
Слышит сердце горний вой...
Ужас гонит все живое...
Всяк бегущий, выгнув стан,
Гибнет в солнечной стремнине —
То кричит в полудни Пан,
Наклонив лицо к долине...
... Вечер лег росой на пнях,
И листва и травы сыры.
Дафнис, тихий, на камнях,
Руки брошенные сиры.
Тихо так звенит струя:
«Я весенняя, я Хлоя,
Я стою, вино лия, —
И смолою дышит хвоя».

ДАФНИС И МЕДВЕДИЦА

III

Поила медведица-мать
В ручье своего медвежонка,
На лапы учила вставать,
Кричать по-медвежьи и тонко
А Дафнис, нагой, на скалу
Спускался, цепляясь за иву;
Охотник, косясь на стрелу,
Натягивал туго тетиву:
В медвежью он метит чету.
Но Дафнис поспешно ломает
Стрелу, ухватив на лету,
По лугу, как лань, убегает.
За ним медвежонок и мать
Несутся в лесные берлоги.
Медведица будет лизать
У отрока смуглые ноги;
Поведает тайны лесов,
Весенней напоит сытою,
Научит по окликам сов
Найти задремавшую Хлою.

ДАФНИС ПОДСЛУШИВАЕТ СОВ

IV

Из ночного рукава
Вылетает лунь-сова.
Глазом пламенным лучит,
Клювом каменным стучит:
«Совы! Совы! Спит ли бор?»
«Спит!» — кричит совиный хор
«Травы все ли полегли?»
«Нет, к ручью цвести ушли!»
«Нет ли следа у воды?»
«Человечьи там следы».
По траве, над зыбью вод,
Все ведут под темный свод.
Там в пещере — бирюза —
Дремлют девичьи глаза.
Это дева видит сны,
Хлоя дева, дочь весны.
«Совы! — крикнула сова. —
Наши слушают слова!»
Совы взмыли. В темноте
Дафнис крадется к воде.
Хлоя, Хлоя, пробудись,
Блекнут звезды, глубже высь.
Хлоя, Хлоя, жди беды,
Вижу я твои следы!

УТРО

V

Слышен топот над водой
Единорога;
Встречен утренней звездой,
Заржал он строго.
Конь спешит, уздцы туги,
Он машет гривой;
Утро кличет: ночь! беги, —
Горяч мой сивый!
Рогом конь леса зажжет,
Гудят дубравы,
Ветер буйных птиц впряжет,
И встанут травы;
Конь вздыбит и ввысь помчит
Крутым излогом,
Пламя белое лучит
В лазури рогом...
День из тьмы глухой восстал,
Свой венец вознес высоко,
Стали остры гребни скал,
Стала сизою осока.
Дважды эхо вдалеке:
«Дафнис! Дафнис!» — повторило;
След стопа в сыром песке,

Улетая, позабыла...
Стан откинувши тугой,
Снова дикий, снова смелый,
В чащу с девушкой нагой
Мчится отрок загорелый.

ФАВН

I

Редеет красный лист осины.
И небо синее. Вдали,
За просеками крик гусиный,
И белый облак у земли.
А там, где спелую орешню
Подмыла сонная река,
Чья осторожно и неспешно
Кусты раздвинула рука?
И взор глубокий и зеленый
В тоске окинул окоем,
Как бы покинутый влюбленный
Глядится в темный водоем.

II

В закате ясен свет звезды,
И одинокий куст черники
Роняет спелые плоды...
А он бредет к опушке, дикий,
И тихо в дудочку играет,
Его нестойкая нога
На травы желтые ступает...

А воды алые в луга
Устало осень проливает...
И далеко последний свист
Несут печальные закаты.
А на шерсти его, измятый,
Прилип полузавядший лист.

КОТ

Гладя голову мою,
Говорила мать:
«Должен ты сестру свою,
Мальчик, отыскать.
На груди у ней коралл,
Красный и сухой;
Черный кот ее украл
Осенью глухой».
Мать в окно глядит; слеза
Падает; молчим;
С поля тянутся воза,
И доносит дым...
Ходит, ходит черный кот,
Ночью у ворот.

Многие прошли года,
Но светлы мечты;
Выплывают города,
Солнцем залиты.
Помню тихий сон аллей,
В час, как дремлет Лель.
Шум кареты и коней,
И рука не мне ль
Белый бросила цветок?
(Он теперь истлел)...

Долго розовый песок
Вдалеке хрустел.
В узких улицах тону,
Где уныла глушь;
Кто измерил глубину
Сиротливых душ!
Встречи, словно звоны струй,
Полнят мой фиал;
Но не сестрин поцелуй
Я всегда встречал.
Где же ты, моя сестра?
Сдержан ли обет?
Знаю, знаю — дать пора
В сумерки ответ.
За окном мой сад затих,
Долог скрип ворот...
А у ног уснул моих
Старый черный кот.

КУЗНИЦА

Часто узким переулком
Проходил я темный дом,
В дверь смотрю на ржавый лом
Остановлен звоном гулким,
Едким дымом,
    алой сталью
        и теплом...
Крепко схватит сталь клещами
Алым залитый кузнец,
Сыплет палью, жжет конец...
Млатобойцы молотами
Бьют и, ухнув,
    бьют и, ухнув,
        гнут крестец...
Тяжко дышат груди горна...
Искры, уголья кипят,
Гнется плавленый булат...
И по стали все проворней
Молоточки,
    молоточки
        говорят...

СКАЗКИ

Русалочьи сказки

РУСАЛКА

Во льду дед Семен бьет прорубь — рыбку ловить. Прорубь не простая — налажена с умом.

Дед обчертил пешней круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешней.

Хлынула спертая, студеная вода, до краев наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки — снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу — не пускает кольцо.

Посмеялся своей хитрости дед Семен, приладил сбоку к проруби канавку — сачок заводить и пошел домой, ждать ночи — когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семен лошадь и овцу — все свое хозяйство — и полез на печь.

А жил он вдвоем со старым котом на краю села в мазанке.

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

— Что ты, неугомонный,— спрашивал дед,— или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

«Пустяки»,— думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошел на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду.

— Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завел сачок и вытянул его полный серебряной рыбешки.

«Что за диво,— думает дед,— никогда столько рыбы не лавливал. Да смирная какая, не плещется».

Завел и еще столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева не проесть».

Посветил фонарем в прорубь — и видит на дне около кольца лежит темная рыбина.

Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьет,— смирная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и — домой...

— Ну,— говорит,— котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зеленый плес, руки сложила, спит русалка, личико — спокойное, детское...

Дед — к двери, ведро уронил, а дверь забухла,— не отворяется.

Русалка спит...

Обошелся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал — не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит,— горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнес туда русалку, а чтобы тараканы не кусали,— прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спится.

Кот ходит, на решето глядит...

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из снетков варить, горшок валится, чаду напустил...

Вдруг чихнуло...

— Кот, это ты? — спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза,— светятся. Пошевелила губами:

— Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

— А я сейчас,— заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

— Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные.

Русалка говорит:

— Дед Семен, я есть хочу.

— А я сейчас, вот только,— дед помялся,— хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.

— Я леденцов хочу.

— Сейчас я, сейчас...— Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу,— куда мне овца? Куплю леденцов...»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов — да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит:

— Сплети, дед, мочальный кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решету.

— Деда, а деда, что это? — кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

— Ах ты озорник! — никогда так не сердился дед Семен; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: — Не балуй, не балуй...

Басом ревел Федька:

— Никогда к тебе не приду...

— И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда — старый рыжий кот...

— Ох, недоброе, кот, задумал,— говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или еще выдумала:

— Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать — продал дед лошадь, принес из города сундучок камушков и янтарную нитку.

— Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зеленый плес с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на нее просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

— Дед, дед! — закричала русалка.— Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота.

— Удуши кота, удуши кота,— плачет русалка.

— Кота-то удушить? — говорит дед.— Старого!..

— Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечевку, помазал салом, взял кота, пошел в хлев.

Бечевку через балку перекинул, надел на кота петлю.

— Прощай, старичок...

Кот молчал, зажмурил глаза.

Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семен окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу.

Молча соскочила с печки русалка, поднялась на руках.

Глядит в окно, не сморгнет, высоко дышит грудь.

— Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу.

— Как же мы пойдем, засмеют они нас.

— Я хочу, возьми меня.— Натерла глаза и заплакала.

Дед смекнул.

Положил русалку за пазуху, пошел на выгон, где девушки хоровод водили

— Посмотрите-ка,— закричали девушки,— старый приплелся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло — кричат, смеются, за бороду тянут. От песней, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда,— впилась...

Замотал дед головой да — к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот.

Да мало что наплести можно про старого деда!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Десятая неделя после пасхи — купальские дни.

Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера да в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлопают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься — под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

— Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты — ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...

— Слушаю, братец! — говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой?—
Ходит месяц над водой,—
В глыбко озеро взглянул,
В темных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

— Кто тут?

— Выдь к нам, выдь к нам,— говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты — хороводы русалочьи.

Русалки-мавки взялись за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут!— обступили ее мавки, венок надели...

— К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица.— Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

— Здравствуй, Марья,— захрипел водяной,— давно я тебя поджидал...— И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда,— нет сестрицы. И видит—на берегу башмаки ее лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Настала купальская неделя.

«Уйду,— думает Иван,— к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям.

Шел, шел, видит — стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул»,— подумал Иван и пошел в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

— Наважденье, — испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом:

— Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

— Сестрица, ты ли?

— Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

— А нельзя тебе от водяного уйти?

— Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы»,— подумал и зацепился за серую тучу — зыбкое место.

Пошел по туче — ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

— Зачем сюда пришел? — заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

— Я за Полынь-травою,— поклонился Иван.

— Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

— Счастье твое,— рычит мужичок,— быть бы тебе

на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву.— И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит — сидит на земле страшный дед, водит усами...

— Пусти,—кричит Иван,— знаю, кто ты, не хочешь ли этого? — И ткнул водяному в лицо Полынь-травою.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес— на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья.

ВЕДЬМАК

На пне сидит ведьмак, звезды считает когтем — раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.

...Пять, шесть, семь... И гаснут звезды, а вместо них на небе оказываются черные дырки. Их-то и нужно ведьмаку — через дырки с неба дождик льется.

А дождик с неба — хмара и темень на земле.

Рад тогда ведьмак: идет на деревню людям вредить.

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села.

Вдруг приметил его пьяненький портной: «Ах ты, говорит, гад!» — И побежал за кусты к месяцу — жаловаться. Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком — не дает ему звезд тушить. Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц,— тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил — месяц норовит зацепить и клыки оскалил.

Притихло в лесу. А месяц нацелился —да как хватит ведьмака по зубам...

Щелкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил.

Взвился месяц ущербый, свету невзвидел, укрылся за облако.

А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.

У ведьмака в животе прыгает отгрызанный месяц, жжет; вертится юлой ведьмак, и так и сяк — нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду... Расплескалась серебряная вода. Лег ведьмак на прохладном дне. Корчится. Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие... Уставились, шарахнулись, подплыли опять и говорят:

— Выплюнь, выплюнь месяц-то.

Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох.

А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину.

На дне речки стало светло, ясно и весело.

А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок, пригладился и поплыл между звезд по синему небу. Не впервые ясному бока выращивать.

ВОДЯНОЙ

Лежит на возу мужик, трубочку посасывает — продает черного козла. А народу на ярмарке — труба нетолченая.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на нем новый, а полы мокрешеньки.

— Ишь угораздило тебя на сухом месте измочиться,— сказал мужик.

Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает:

— А ты пустяки не говори; продажный козел-то?

— Не для себя же я козла привел; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увел козла, а му-

жик принялся в кисет деньги совать и видит — вместо трешницы лягушиная шкурка.

— Держите его, православные! — закричал мужик.— Водяной по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать; мужика в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили; и пошел он в сумерки домой, а дорога — лесом. Вдруг видит мужик: идет его козел, крутые рога опустил, топает ножками, а на нем верхом чучело сидит зеленое, рачьи усы растопыркой, глаза плошками.

Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе — прыг в воду, очутились на зеленом дне.

— Ну,— говорит ему чучело,— народ мутить, меня ловить будешь али нет?

— Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

— А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел?

— Мы народ рабочий,— отвечает мужик,— поработаю на тебя.

— А что делать умеешь?

— Не ученые мы, батюшка водяной, только баклуши и бьем.

— Хорошо,— говорит водяной,— бей баклуши...— и ушел.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу.

Пришел водяной и удивился:

— Ты что это вытворяешь?

— Баклуши бью, как вы приказали.

— А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

— Ложки из них делать.

— А на что мне ложки?

— Горячее хлебать.

— Ах ты дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись.

Щелкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Потом усы раздвинул, рот раскрыл и стал ерша заглатывать. А мужик, хоть и в ерша перевернулся, и тут угодить не мог; уперся водяному поперек горла щетиной. Закашлял водяной, задавился, вытащил ерша и выкинул его из воды на берег. Отдышался мужик, встал на ноги, в своем виде, почесался и сказал:

— Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то.

КИКИМОРА

Над глиняным яром — избушка, в избушке старушка живет и две внучки: старшую зовут Моря, младшую Дуничка.

Один раз — ночью — лежит Моря на печи,— не спится. Свесила голову и видит.

Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и — в дверь — и была такова.

Закричала Моря:

— Бабынька, бабынька, Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба — кикимора, что крадет детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка — искать-поискать, да, знать, кикимора под яр ушла в омут зеленый. Вот слез-то что было!

Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря:

— Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

— Куда тебе, ягодка, сама только пропадешь.

— Отыщу да отыщу,— твердит Моря. И раз, когда звезды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идет, попрыгивает с ноги на ногу и видит — стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зеленых глаза...

— Помоги мне, девочка,— кряхтит дуб,— никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря поясок, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завозилось, и встал перед Морей старый леший.

— Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь.

— Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, ее злая кикимора унесла.

Начал леший чесать затылок...

А как начесался — придумал.

Вскинул Морю на плечи и побежал под яр, вперед пятками.

— Садись за куст, жди,— сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зеленый омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке ее по пяти большеголовых младенцев — игошей — и еще один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, — не давятся.

— Теперь твоя очередь,— густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребеночка.

— Дуничка! — едва не закричала Моря.

Смотрит на звезды, улыбается Дуничка, сосет лохматую кикиморину грудь.

А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил...

Хотела кинуться кикимора в воду — никак не может.

Игоши рассыпались по траве, ревут поросячьими голосами, дрыгаются. Вот пакость!

Моря схватила Дуничку — и давай бог ноги.

— Пусти — я девчонку догоню,— взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка ее ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы...

А сзади — погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень кверху подсигивает...

— Бабушка! — закричала Моря.

Вот-вот схватит ее кикимора.

И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил ее утренний ветер, унес за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Морю, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

ДИКИЙ КУР

В лесу по талому снегу идет мужик, а за мужиком крадется дикий кур.

«Ну,— думает кур,— ухвачу я его».

Мужик спотыкается, за пазухой булькает склянка с вином.

— Теперь,— говорит мужик,— самое время выпить, верно?

— Верно! — отвечает ему кур за орешником...

— Кто это еще разговаривает? — спросил мужик и остановился.

— Я.

— Кто я?

— Кур.

— Дикий?

— Дикий...

— К чему же ты в лесу?

Кур опешил:

— Ну, это мое дело, почему я в лесу, а ты чего шляешься, меня беспокоишь?

— Я сам по себе, иду дорогой...

— А погляди-ка под ноги.

Глянул мужик,— вместо дороги — ничего нет, а из ничего нет торчит хвост петушиный и лапа — кур глаза отвел.

— Так,— сказал мужик,—значит, приходится мне пропасть.

Сел и начал разуваться, снял полушубок.

Кур подскочил, кричит:

— Как же я тебя, дурака, загублю? Очень ты покорный.

— Покорный,— засмеялся мужик,— страсть, что хочешь делай.

Кур убежал, пошептался с кем-то, прибегает и говорит:

— Давай разговляться, подставляй шапку,— повернулся к мужику и снес в шапку яйцо.

— Отлично,— сказал мужик,— давно бы так.

Стали яйцо делить. Мужик говорит:

— Ты бери нутро,— голодно, чай, тебе в лесу-то, а я шелуху пожую.

Ухватил кур яйцо и разом сглотнул.

— Теперь,— говорит кур,— давай вино пить.

— Вино у меня на донышке, пей один.

Кур выпил вино, а мужик снеговой водицы хлебнул.

Охмелел кур, песню завел — орет без толку...

Сигать стал с ноги на ногу, шум поднял по лесу, трескотню.

— Пляши и ты, мужик...

Завертел его кур, поддает крылом, под крылом сосной пахнет.

И очутился мужик у себя в хлеву на теплом назме...

Пришла баба от заутрени...

— Это ты так, мужик, за вином ходил...

— Ни-ни,— говорит мужик,— маковой росинки во рту не было, кур дикий меня путал.

— Хорошо,— говорит баба и пошла за кочергой. Принесла кочергу да вдруг и спрашивает: — Ну-ка повернись, что это под тобой?

Посмотрела, а под мужиком лежат червонцы.

— Откуда это у тебя?

Стал мужик думать.

— Вот это что,— говорит,— кур это меня шелухой кормил... Дай бог ему здоровья...

И поклонились мужик да баба лесу и сказали дикому куру — спасибо.

ПОЛЕВИК

На току, где рожь молотят,— ворох; ворох покрыт пологом, на пологу — роса. А под пологом девки спят...

Пахнет мышами, и на небе стоит месяц.

По току шагает длинный Полевик, весь соломенный, ноги тонкие...

— Ну, ну,— ворчит Полевик,— рожь недомолотили, а спят.

Подошел к вороху, потянул за полог:

— Эй, вы, разоспались, заря скоро!

Девки из-под полога высовывают головы, шепчут:

— Кто это, девоньки, или приснилось? Никак светает скоро.

Дрожат с холоду, просыпаются.

На хуторе за прудом кричат петухи.

К молотилке шагает Полевик; под молотилкой, накрывшись полушубками, спят парни.

Постаскал с них Полевик полушубки:

— Вставайте, рожь не домолочена.

Парни глаза протирают...

— Свежо, ребята, ай вставать пора...

На току ворошится народ, натягивают полушубки да кацавейки, ищут: кто вилы, кто грабли...

Холодеет месяц.

А Полевик уж в поле шагает.

— Голо, голо,— ворчит Полевик,— скучно.

Ляжет он с тоски в канаву, придет зима, занесет его снегом.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ-АЛИЦА

Скучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошел на охоту. А идти ему старым лесом.

Настала зимняя ночь.

В лесу то светло, то темно; по спелому снегу мороз потрескивает.

Откуда ни возьмись выскочил заяц; наложил Иван-царевич стрелу, а заяц обернулся клубком и покатился. Иван-царевич за ним следом побежал.

Летит клубок, хрустит снежок, и расступились сосны, открылась поляна, на поляне стоит белый терем, на двенадцати башнях — двенадцать голов медвежьих... Сверху месяц горит, переливаются стрельчатые окна.

Клубок докатился, лунь-птицей обернулся: сел на воротах. Испугался Иван-царевич,— вещую птицу застрелить хотел,— снял шапку.

— Прости глупость мою, лунь-птица, невдомек мне, когда ты зайцем бежал.

— Меня Алая-Алица, ясная красавица, жижова пленница, за тобой послала,— отвечает ему лунь-птица,— давно стережет ее старый жиж.

— Войди, Иван-царевич,— жалобно прозвенел из терема голос.

По ледяному мосту пробежал, распахнул ворота Иван-царевич — оскалились медвежьи головы. Вышиб ногой дверь в светлицу: видит — на нетопленной печурке сидит жиж, голова у него медная, глазами ворочает.

— Ты зачем объявился? Или две головы на плечах? — зарычал жиж.

Прицелился Иван-царевич и вогнал золотую стрелу между глаз старому жижу.

Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и поняло терем. Иван-царевич побежал в светлицу. У окна, серебряными цепями прикована, сидит Алая-Алица, плачет... Разрубил цепи, взял Иван-царевич на руки царевну и выскочил с ней в окошко.

Рухнул зимний терем и облаком поднялся к синему небу. Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья.

Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие еще от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришел журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался.

Шум, гам, пение птичье...

И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной.

СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ

Внизу овина, где зажигают теплины, в углу темного подлаза лежит, засунув морду в земляную нору, черный кот.

Не кот это, а овинник.

Лежит, хвостом не вильнет — пригрелся. А на воле — студено.

Прибежали в овин девушки, ногами потопали.

— Идемте в подлаз греться.

Полегли в подлазе, где дымом пахнет, близко друг к дружке, и завели такие разговоры, что — стар овинник, а чихнул и землей себе глаза запорошил.

— Что это, подружки, никак чихнуло? — спрашивают девушки.

Овинник рассердился, что глаза ему запорошило, протер их лапой и говорит:

— Ну-ка, иди сюда, которая нехорошие слова говорила!

Каждая девушка на себя подумала, и ни одна ни с места.

— Ну, что же,— говорит овинник,— или мне самому вылезать?

И стал из норы пятиться...

Тут одна, догадливая да бедная, сирота Василиса, взяла ржаной сноп, прикрыла его платком и поставила впереди всех.

— Вот тебе!..

Выскокнул из норы овинник, пыхнул зелеными глазами и стал сноп рвать, а девушки из овина выбежали и — на деревню, а та, что подогадливее — Василиса,— схоронилась за ворох соломы и говорит оттуда:

— Черный кот, старый овинник, что со мной делаешь,— все тело мое изорвал.

Фыркнул овинник, отскочил и кричит:

— Очень я злой, погоди — отойду, тогда разговаривай.

Подождала Василиса и говорит опять:

— Отошел?

— Отхожу, сейчас, только усы вылижу... Ну, что тебе надо?

— Залечи мне раны...

Фыркнул кот в землю, лапой пыль подхватил и мазнул по снопу.

А сноп так и остался снопом...

— Так ты меня обманула? — говорит кот, а самому уж смешно.

— Обманула, батюшка, — отвечает ему Василиса, — прости, батюшка, да смилуйся — найди мне жениха, чтобы краше его на свете не было.

— Уж больно я сам-то урод, — говорит овинник. — Ну да ладно. — И ударился о землю и стал из черного кота — кот белый и хвостом Василису пощекотал...

— Чем тебе не жених?

— Нет, — говорит Василиса, — за кота замуж не пойду; дай мне жениха настоящего.

Подумал овинник, походил по овину, — мыша походя сожрал. Вдруг подскочил к ржаному снопу, заурчал, облизал его, чихнул три раза и сделался из снопа — человек.

— Получай жениха, — говорит Василисе овинник. — Смотри — от сырости береги, а то прорастет.

Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером. Глядит на Василису и смеется. Василиса поклонилась ему в пояс — и они пошли в избу.

Прошло с той поры много дней. Лег снег на мерзлую землю, завыли студеные ветра, поднялись вьюги.

Соломенный жених живет у Василисы, похаживает по горнице, поглядывает в окошечко и все приговаривает:

— Скучно мне, темно, холодно...

И стала Василиса замечать, что жених ее портится, позеленело у него на кафтане и на сапожках золото, ночью стал кашлять, стонать во сне. Раз утром слез с кровати, подпоясался и говорит:

— Уйду, Василиса, искать теплого места.

— А я-то как же?..

— Ты меня жди.

И ушел, только снег скрипнул за воротами.

Жених идет, весь от инея белый. Кругом него мороз молоточками постукивает — крепко ли закована зем-

ля, не взломан ли синий лед на реке; по деревьям попрыгивает, морозит зайцам уши.

Хочет жених от мороза уйти, а молоточки все чаще, все больнее постукивают, — по жилам, по костям. Остудился жених, а степь бела кругом, ровна.

И повисло над степью, над самым краем солнце, красное и студеное. Жених к солнцу бежит, колпаком машет:

— Погоди, погоди, возьми меня в зеленые луга.

И добежал было. Вдруг выскочил из-под снега большой, косматый, крепколобый волк, доскакал большим махом до солнца, обхватил его лапами, прижался пузом, — с одной стороны, с другой приловчился и вонзил клыки в алое солнце.

Завизжали, застучали ледяные молотки, потемнела степь, завыл мертвый лес. Соломенный жених бежать пустился, упал в снег и не помнит, что дальше было.

Василиса, когда одна осталась, пораскинула бабьим умом и пошла к старому овиннику. А чтобы он не очень сердился, сунула под нос ему пирог с творогом и говорит:

— Жених от меня убежал, должно быть, замерз, очень жалею его.

— Ничего, — отвечает ей овинник, — жених твой в озимое пошел.

— А я-то как же?

— Найдешь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет — сама увидишь.

Пошла Василиса в поле, долго шла, не день и не два. Видит — большой сугроб. Разрыла его руками, видит — лежит под снегом жених.

Упала на него Василиса, омочила лицо его слезами; жених не шевелится.

Тогда легла она с ним рядом и стала глядеть в зимнее белое небо.

Снег Василису порошит, молоточки в сердце бьют, обручи набивают на тело, и говорит Василиса:

— Желанный мой.

И чудится ей — голубеет, синеет небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное солнце.

Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая черную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришел важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал.

Проходили мимо добрые люди, сели на меже отдохнуть и сказали:

— Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы...

Душисто...

СТРАННИК И ЗМЕЙ

Багряное солнце садилось над мерзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник. Полушубок на нем древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами.

Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него — под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые.

Подходит он к Акулининому двору, шапку снял и говорит ласково:

— Скучно тебе, милая?

Увидала странника Акулина, кинулась за ворота.

— Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошел странник, сел на лавку. Угощает его вдова, а сама пытает — откуда да куда, не слыхал ли про счастье: лежит, говорят, оно в океане, под горючим камнем.

Странник наелся, напился, ложку положил и спрашивает:

— Ну, а ты, милая, все — маешься?

Забилась Акулина на лавке.

— Такая маета — сказать не можно: сушит змей белое мое тело, сосет сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе — не зверь, не человек...

Улыбается странник, светятся глаза его.

— Силен враг, Акулина, трудно тебе, трудно. А ведь свистнет — опять побежишь?

Заголосила Акулина:

— Страшно мне, ночь придет, сама ко врагу потянусь, а днем руки бы на себя наложила.

Погладил ее по голове странник, и затихла молодая баба.

— Тетенька Акулина,— позвал в окно девичий голосок,— на посиделки тебя кличут, пойдешь?

А потом поглубже заглянул любопытный глаз.

— Ты и странника приводи, сказку скажет!

Рассмеялась и убежала, а странник говорит:

— Что же, Акулина, пойдем, куда зовут.

Акулина ушла за перегородку прибираться, а странник у окна запел:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба,
Ходила, била плесом
По тому ли синю морю:
Ты раздайся, синее море,
На две волны, на два берега.
Ты выплесни, выкини
Алатырь, горюч камень.

Слушает, вздыхает Акулина за перегородкой; прибралась, вышла,— красивая, глаза мрачные.

— Ну, пойдем, странник.

Пришли на посиделки.

А там народу набилось, как грибов в лукошко; тренькают на балалайке, подплясывают, подпевают, шутки шутят, и в сенях, и на лавках, и на печи — понабились.

Странника обступили, просят.

— Спой нам, скажи сказку.

Странник сел у двери и запел опять про то же:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба.

Пригорюнились девицы, подсели к парням. Кто с печи голову свесил, кто с полатей. Расселись парами — стало тихо. Одна Акулина без друга, как куст обкошен-

ный. Сдвинула брови, белая кипень, стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит.

— Акулина, Акулина, обойдись,—говорит странник.

А у нее глаза уж как озеро. Дрожит дрожью.

В это время просвистел за окном змеиный свист.

Дрогнула Акулина и — к двери.

— Не ходи, Акулина!

— Пусти!

Выскочила на улицу; странник за ней и схоронился в сенях. Акулина стала посреди двора и шепчет:

— Лети... лети.

И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором черный змей, раскинул крылья, опустился на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком — облизнул ей белое лицо.

А странник подкрался, оттолкнул Акулину да змея по голове лестовкой и ударил.

Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник петухом обернулся — зерна клевать.

Не дала ему, упала на петуха Акулина, ухватила за крылья и в избу поволокла.

— Оборотень,— закричала Акулина,— рубите ему голову!

Петух вырвался — да под лавку, крыльями бьет, в руки не дается.

Заметался народ по избе, петуха ловят. Поймали, у Акулины и топор в руках.

— Клади его на порог!

Вытянули за голову, за ноги петуха. Размахнулась Акулина топором... Да так и застыла у нее рука.

Пропали стены. Вместо девушек — березы в инее, парни — ели, а Акулина — ива плакучая, вся в сосульках.

На пне сидит странник. Улыбается, сияют серые глаза. Возле на снегу лежит петушиное перо.

Поднял странник перо, пустил по ветру, сказал:

— Лети, перышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много еще мне исходить осталось, увертлив змей, не пришло его время.

ЗВЕРИНЫЙ ЦАРЬ

У соседа за печкой жил мужичок с локоток.

Помогал соседу кое-чем, понемножку. Плохое житье на чужих хлебах.

Взяла мужика тоска, пошел в клеть; сидит, плачет. Вдруг видит — из норы в углу высунулась мордочка и повела поросячьим носом.

«Анчутка беспятый»,— подумал мужичок и обмер.

Вылез анчутка, ухо наставил и говорит:

— Здравствуй, кум!

«Какой я ему кум»,— подумал мужичок и на случай поклонился.

— Окажи, кум, услугу,— говорит анчутка,— достань золы из-под печки; мне через порог перейти нельзя, а золы надо — тещу лечить,— плоха, объелась мышами.

Мужичок сбегал, принес золы, анчутка его благодарит:

— За службу всыплю я тебе казны, сколько в шапку влезет.

— На что мне казна,— отвечает мужичок,— вот бы силой поправиться!

— Это дело пустое, попроси звериного царя...

И научил анчутка, как к звериному царю попасть и что говорить нужно.

Мужичок подумал — все равно так-то пропадать, и полез в крысиную нору, как его учили.

Там темно, сыро, мышами пахнет. Полз, полз — конца не видно, и вдруг полетел вниз, в тартарары. Встал, почесался и видит: вода бежит, и привязана у берега лодочка,— с малое корытце.

Сел мужичок в лодочку, отпихнулся и завертелся, помчался — держи шапку.

Над головой совы и мыши летают, из воды высовываются такие хари — во сне не увидишь.

Наконец загорелся свет, мужичок пригреб к берегу, выпрыгнул на траву и пошел на ясное место. Видит — высоченное дерево шумит, и под ним, на семи шкурах, сидит звериный царь.

Вместо рук у царя — лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде — тысяча глаз.

А кругом — звери, птицы и все, что есть на земле живого — сидят и на царя посматривают. Увидал мужичка звериный царь и закричал:

— Ты кто такой? Тебе чего надо?

Подошел мужичок, кланяется:

— Силешки бы мне, батюшка, звериный царь...

— Силу или половину?

— Осьмухи хватит.

— Полезай ко мне в брюхо!

И разинул царь рот, без малого — с лукошко.

Влез мужичок в звериный живот, притулился, пуповину нашел, посасывает.

Три дня сосал.

— Теперь вылезай,— зовет зверь,— чай, уж насосался.

Вылез мужичок, да уж не с локоток, а косая сажень в плечах, собольи брови, черная борода.

— Доволен? — спрашивает царь.— Выйдешь на волю, поклонись чистому полю, солнцу красному, всякому жуку и скотине.

И дунул. И подхватили мужика четыре ветра, вынесли к мосту, что у родного села.

Солнце за горку садится, стадо гонят, идут девки...

Подбоченился мужик и крикнул:

— Эй, Дунька, Акулина, Марья, Василиса, аль не признали?

Девки переглядываются.

А мужик тряхнул кудрями.

— Теперь,— говорит,— пир горой, посылай за свахой. Я теперь самого звериного царя меньшой сын.

Девки так и сели. А мужик выбрал из них самую румяную да на ней и женился.

ХОЗЯИН

В конюшне темно и тепло, жуют сено лошади, стукнет по дереву подкова, цепь недоуздка зазвенит или скрипнет перегородка — караковый почесался.

В узкое окно влезает круглый месяц.

Лошади беспокоятся.

— Опять подглядывает месяц-то,— ржет негромко вороной,— хоть бы козел пришел,— все не так страшно.

— Козла «хозяин» боится,— сказал караковый,— а месяц сам по себе, его не напугаешь.

— Куда это козел ушел? — спросила рыжая кобыла.

— На плотину, в воду глядеть.

Кобыла храпнула:

— К чему в воду глядеть? Одни страсти.

— Страшно мне,— зашептал вороной,— месяц в окно лезет. Схватить его разве зубами?

— Не трогай,— ответил караковый,— захромаешь.

Кобыла жалобно заржала.

В конюшне — опять тихо. На сеновале возятся мыши.

Захрапел вдруг, шарахнулся вороной, копытами затопал.

— Смотрите, смотрите, месяц-то,— зашептал он,— и рога у него, и глаза.

Дрогнул караковый.

— А борода есть?

— И борода веником.

Караковый захрапел:

— «Хозяин» это, берегись.

Вдруг клубком из окошка скатился в стойло вороному старичок и засмеялся, заскрипел.

Вороной стал как вкопанный, мелкой дрожью дрожит.

Рыжая кобыла легла со страха, вытянула шею.

Караковый забился в угол.

— Вороненький, соколик,— заскрипел «хозяин»,— гривку тебе заплету,— боишься меня? А зачем козла звал?.. Не зови козла, не пугай меня...— и, с вывертом, с выщипом, ухватил вороного.

Вороной застонал.

— Стонешь? Не нравится? А мне козлиный дух нравится!.. Идем за мной.

Старичок отворил дверь и вывел за гриву вороного на двор.

— Голову-то не прячь,— скрипнул он и ущипнул за губу.

Вспрыгнул на холку, и помчались в поле.

Караковый подбежал к окну.

— Ну и лупят... пыль столбом... под горку закатились. Смотри-ка. На горку вскакнули, стали; «хозяин» шею ему грызет; лягается вороной; поскакали к пруду.

В конюшню вошел козел и почесался.

— Гуляешь,— крикнул козлу караковый,— а вороного «хозяин» гоняет.

— Где? — спросил козел басом.

— У пруда.

Опустил козел рога и помчался...

Перебежал плотину, стал — кудластый, и пошел от козла смрад — в пруду вода зашевелилась, и отовсюду, из камышей, из-под ветел, повылезла вся нечисть болотная, поползла по полю, где вороной под «хозяином» бился.

Заблеял козел.

И от этого «хозяин» на лошади, как лист, забился, ноги поджал.

Подползает нечисть, блеет козел.

Побился, покружился «хозяин» и завял, свалился с коня. Ухватили его лапы, потащили в пруд. А вороной, оттопырив хвост, помчался в конюшню. Прибежал в мыле, захрапел, ухватил сено зубами, бросил и заржал на всю конюшню:

— И как только я жив остался!

А спустя время пришел козел и лег в сено.

— Ноги у меня отнялись,— стонала рыжая кобыла.

Караковый положил морду на шею вороному, а козел чесался — донимали его блохи.

Сорочьи сказки

СОРОКА

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить.

Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тетенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у черта на кулижках,— отвечала сорока-белобока, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тетенька,— пискнула синичка-птичка,— у черта на кулижках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — все равно выслежу.

Испугалась сорока-белобока, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, все дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

— Что с тобой, тетенька? — спрашивает синичка-птичка.— Или болит чего?

— Трудилась я,— охает сорока,— истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болестей целит.

— А где Сандрит-трава растет? — взмолилась сорока-белобока.

— А у черта на кулижках,— ответила синичка-птичка, крылышками детей закрыла и заснула.

«У черта на кулижке одни сосновые шишки,— подумала сорока,— да и те пустые»,— и затосковала: очень живот болел у белобокой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока — голобока.

От жадности.

МЫШКА

По чистому снегу бежит мышка, за мышкой дорожка, где в снегу лапки ступали.

Мышка ничего не думает, потому что в голове у нее мозгу — меньше горошины.

Увидала мышка на снегу сосновую шишку, ухватила зубом, скребет и все черным глазом поглядывает — нет ли хоря.

А злой хорь по мышиным следам ползет, красным хвостом снег метет.

Рот разинул — вот-вот на мышь кинется...

Вдруг мышка царапнула нос о шишку, да с перепугу — нырь в снег, только хвостом вильнула. И нет ее.

Хорь даже зубами скрипнул — вот досада. И побрел, побрел хорь по белому снегу. Злющий, голодный — лучше не попадайся.

А мышка так ничего и не подумала об этом случае, потому что в голове мышиной мозгу меньше горошины. Так-то.

КОЗЕЛ

В поле — тын, под тыном — собачья голова, в голове толстый жук сидит с одним рогом посреди лба.

Шел мимо козел, увидал тын,— разбежался да как хватит в тын головой,— тын закряхтел, рог у козла отлетел.

— То-то,— жук сказал,— с одним-то рогом сподручнее, иди ко мне жить.

Полез козел в собачью голову, только морду ободрал.

— Ты и лазить-то не умеешь,— сказал жук, крылья раскрылил и полетел.

Прыгнул козел за ним на тын, сорвался и повис на тыну.

Шли бабы мимо тына — белье полоскать, сняли козла и вальками отлупили.

Пошел козел домой без рога, с драной мордой, с помятыми боками.

Шел — молчал.

Смехота, да и только.

ЕЖ

Теленок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Задрав хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел теленок и побежал к корове-матери, жалуется:

— Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покатился в темную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лес.

— У нас еж — богатырь,— шепотом со страху говорили звери.

ЛИСА

Под осиной спала лиса и видела воровские сны.

Спит лиса, не спит ли — все равно нет от нее житья зверям.

И ополчились на лису — еж, дятел да ворона.

Дятел и ворона вперед полетели, а еж следом покатился.

Дятел да ворона сели на осину...

— Тук... тук... тук...— застучал дятел клювом по коре.

И лиса увидела сон — будто страшный мужик топором машет, к ней подбирается.

Еж к осине подбегает, и кричит ему ворона:

— Карр еж!.. Карр еж!..

«Кур ешь,— думает лиса,— догадался проклятый мужик».

А за ежом ежиха да ежата катятся, пыхтят, переваливаются...

— Карр ежи! — заорала ворона.

«Караул, вяжи!» — подумала лиса, да как спросонок вскочит, а ежи ее иголками в нос...

— Отрубили мой нос, смерть пришла,— ахнула лиса и — бежать.

Прыгнул на нее дятел и давай долбить лисе голову.

А ворона вдогонку: «Карр».

С тех пор лиса больше в лес не ходила, не воровала.

Выжили душегуба.

ЗАЯЦ

Летит по снегу поземка, метет сугроб на сугроб... На кургане поскрипывает сосна:

— Ох, ох, кости мои старые, ноченька-то разыгралась, ох, ох...

Под сосной, насторожив уши, сидит заяц.

— Что ты сидишь,— стонет сосна,— съест тебя волк,— убежал бы.

— Куда мне бежать, кругом бело, все кустики замело, есть нечего...

— А ты порой, поскреби.

— Нечего искать,— сказал заяц и опустил уши.

— Ох, старые глаза мои,— закряхтела сосна,— бежит кто-то, должно быть, волк,— волк и есть.

Заяц заметался.

— Спрячь меня, бабушка...

— Ох, ох, ну, прыгай в дупло, косой.

Прыгнул заяц в дупло, а волк подбегает и кричит сосне:

— Сказывай, старуха, где косой?

— Почем я знаю, разбойник, не стерегу я зайца, вон ветер как разгулялся, ох, ох...

Метнул волк серым хвостом, лег у корней, голову на лапы положил. А ветер свистит в сучьях, крепчает...

— Не вытерплю, не вытерплю,— скрипит сосна.

Снег гуще повалил, налетел лохматый буран, подхватил белые сугробы, кинул их на сосну.

Напружилась сосна, крякнула и сломалась...

Серого волка, падая, до смерти зашибла...

Замело их бураном обоих.

А заяц из дупла выскочил и запрыгал куда глаза глядят.

«Сирота я,— думал заяц,— была у меня бабушка-сосна, да и ту замело...»

И капали в снег пустяковые заячьи слезы.

КОТ ВАСЬКА

У Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот.

Лежит целые дни на теплой печурке и думает — как бы зубы поправить...

И надумал, а надумавши, пошел к старой колдунье.

— Баушка,— замурлыкал кот,— приставь мне зубы, да острые, железные, костяные-то я давно обломал.

— Ладно,— говорит колдунья,— за это отдашь мне то, что поймаешь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой.

Не терпится ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает.

Вдруг будто мелькнуло что-то, бросился кот, да, видно, промахнулся.

Пошел — опять метнулось.

«Погоди же!» — думает кот Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост.

Откуда ни возьмись явилась старая колдунья.

— Давай,— говорит,— хвост по уговору. Заурлыкал кот, замяукал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот — куцый. Лежит целые дни на печурке и думает: «Пропади они, железные зубы, пропадом!»

СОВА И КОТ

В дубовом дупле жила белая сова — лунь-птица, у совы было семь детенышей, семь родных сыновей.

Раз ночью улетела она,— мышей половить и яиц напиться.

А мимо дуба шел дикий, лесной кот. Услыхал кот, как совята пищат, залез в дупло и поел их — всех семь.

Наевшись, тут же, в теплом гнезде, свернулся и заснул.

Прилетела сова, глянула круглыми глазами, видит — кот спит. Все поняла.

— Котик лесной,— запела сова сладким голосом,— пусти переночевать, студено в лесу-то.

Кот спросонок не разобрал и пустил сову.

Легли они в дупле рядышком. Сова и говорит:

— Отчего у тебя, кот, усы в крови?

— Ушибся, кума, рану лизал.

— А отчего у тебя, кот, рыльце в пуху?

— Сокол меня трепал, насилу ушел я от него.

— А отчего у тебя, кот, глаза горят?

Обняла сова кота лапами и выпила глаза его.

Клюв о шерсть вытерла и закричала:

Совят!
Семь, семь.
Совят!
Кот съел.

МУДРЕЦ

По зеленой траве-мураве ходят куры, на колесе белый петух стоит и думает: пойдет дождь или не пойдет?

Склонив голову, одним глазом на тучу посмотрит и опять думает.

Чешется о забор свинья.

— Черт знает,— ворчит свинья,— сегодня арбузные корки опять отдали корове.

— Мы всегда довольны! — хором сказали куры.

— Дуры! — хрюкнула свинья.— Сегодня я слышала, как божилась хозяйка накормить гостей курятиной.

— Как, как, как, как, что такое? — затараторили куры.

— Поотвертят вам головы — вот и «как что такое»,— проворчала свинья и легла в лужу.

Сверху вниз задумчиво посмотрел петух и молвил:

— Куры, не бойтесь, от судьбы не уйдешь. А я думаю, что дождь будет. Как вы, свинья?

— А мне все равно.

— Боже мой,— заговорили куры,— вы, петух, предаетесь праздным разговорам, а между тем из нас могут сварить суп.

Петуха это насмешило, он хлопнул крыльями и кукарекнул.

— Меня, петуха, в суп — никогда!

Куры волновались.

В это время на порог избы вышла с огромным ножом хозяйка и сказала:

— Все равно,— он старый, его и сварим.

И пошла к петуху.

Петух взглянул на нее, но гордо продолжал стоять на колесе.

Но хозяйка подходила, протянула руку...

Тогда почувствовал он зуд в ногах и побежал очень шибко: чем дальше, тем шибче.

Куры разлетелись, а свинья притворилась спящей.

«Пойдет дождь или не пойдет?» — думал петух, когда его, пойманного, несли на порог, чтобы рубить голову.

И, как жил он, так и умер,— мудрецом.

ГУСАК

Идут с речки по мерзлой траве белые гуси, впереди злой гусак шею вытягивает, шипит:

— Попадись мне кто,— защиплю.

Вдруг низко пролетела лохматая галка и крикнула:

— Что, поплавали! Вода-то замерзла.

— Шушура! — шипит гусак.

За гусаком переваливаются гусенята, а позади — старая гусыня. Гусыне хочется снести яйцо, и она уныло думает: «Куда мне, на зиму глядя, яйцо нести?»

А гусенята вправо шейки нагнут и пощиплют щавель и влево шейки нагнут и пощиплют.

Лохматая галка боком по траве назад летит, кричит:

— Уходите, гуси, скорей, у погребицы ножи точат, свиней колют и до вас, гусей, доберутся.

Гусак на лету, с шипом, выхватил галке перо из хвоста, а гусыня расколыхалась:

— Вертихвостка, орешь — детей моих пугаешь.

— Щавель, щавель,— шепчут гусенята,— померз, померз.

Миновали гуси плотину, идут мимо сада, и вдруг по дороге им навстречу бежит голая свинья, ушами трясет, а за ней бежит работник, засучивает рукава.

Наловчился работник, ухватил свинью за задние ноги и поволок по мерзлым кочкам. А гусак работника за икры, с вывертом, щипом щипал, хватом хватал.

Гусенята отбежали, смотрят, нагнув головы.

Гусыня, охая, засеменила к мерзлому болоту.

— Го, го,— закричал гусак,— все за мной!

И помчались гуси полулетом на двор. На птичьем дворе стряпуха точила ножи, гусак к корыту подбежал, отогнал кур да уток, сам наелся, детей накормил и, зайдя сзади, ущипнул стряпуху.

— Ах, ты! — ахнула стряпуха, а гусак отбежал и закричал:

— Гуси, утки, куры, все за мной!

Взбежал гусак на пригорок, белым крылом махнул и крикнул:

— Птицы, все, сколько ни есть, летим за море! Летим!

— Под облака! — закричали гусенята.

— Высоко, высоко! — кокали куры.

Подул ветерок.

Гусак посмотрел на тучку, разбежался и полетел.

За ним прыгнули гусенята и тут же попадали — уж очень зобы понабили. Индюк замотал сизым носом, куры со страху разбежались, утки, приседая, крякали, а гусыня расстроилась, расплакалась — вся вспухла.

— Как же я, как же я с яйцом полечу!

Подбежала стряпуха, погнала птиц на двор.

А гусак долетел до облака. Мимо треугольником дикие гуси плыли. Взяли дикие гуси гусака с собой за море. И гусак кричал:

— Гуси, куры, утки, не поминайте лихом...

ГРИБЫ

Братца звали Иван, а сестрицу — Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка щипнет — и пошла возня, а мамка рубашонку задерет да — шлеп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи — никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в темный лес и удрали.

Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве,— никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребятишки угомонились, устали, захотели есть.

— Поесть бы,— захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать — догадываться.

— Мы гриб найдем и съедим,— сказал Иван.— Пойдем, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

— А может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

— Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

— Больно.

Пошли Иван да Косичка под березу, где рос подберезовик, и спрашивают у него:

— А тебе, подберезовик, если тебя есть, больно?

— Ужасно больно,— отвечает подберезовик.

Спросили Иван да Косичка под осиной подосинника, под сосной — белого, на лугу — рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малявку, опенку тощую, масленника, лисичку и сыроежку.

— Больно, больно,— пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлепал:

— Што вы ко мне приштали, ну ваш к лешему...

— Ну,— говорит Иван,— у меня живот подвело.

А Косичка дала реву.

Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан — плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

— Миленький гриб, можно тебя съесть?

— Можно, детки, можно, с удовольствием,— приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты,— вдруг откуда ни возьмись налетают грибы: боровик и подберезовик, подосинник и белый, опенка тощая и синявка-малявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисички и сыроежки, и давай красного гриба колотить — колошматить:

— Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...

С Мухомора только мука летит.

— Посмеяться я хотел,— вопит Мухомор...

— Мы тебе посмеемся! — кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место — лопнул.

И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...

— Ну, теперь, ребятишки, раскройте рты по-настоящему,— сказали грибы.

И все грибы до единого к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот — и проглотились.

Наелись до отвалу Иван да Косичка и тут же заснули.

А к вечеру прибежал заяц и повел ребятишек домой.

Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному шлепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:

— Ешь, барабанщик!

РАЧЬЯ СВАДЬБА

Грачонок сидит на ветке у пруда. По воде плывет сухой листок, в нем — улитка.

— Куда ты, тетенька, плывешь? — кричит ей грачонок.

— На тот берег, милый, к раку на свадьбу.

— Ну, ладно, плыви.

Бежит по воде паучок на длинных ножках, станет, огребнется и дальше пролетит.

— А ты куда?

Увидал паучок у грачонка желтый рот, испугался.

— Не трогай меня, я — колдун, бегу к раку на свадьбу.

Из воды головастик высунул рот, шевелит губами.

— А ты куда, головастик?

— Дышу, чай, видишь, сейчас в лягушку хочу обратиться, поскачу к раку на свадьбу.

Трещит, летит над водой зеленая стрекоза.

— А ты куда, стрекоза?

— Плясать лечу, грачонок, к раку на свадьбу...

«Ах ты, штука какая,— думает грачонок,— все туда торопятся».

Жужжит пчела.

— И ты, пчела, к раку?

— К раку,— ворчит пчела,— пить мед да брагу.

Плывет красноперый окунь, и взмолился ему грачонок:

— Возьми меня к раку, красноперый, летать я еще не мастер, возьми меня на спину.

— Да ведь тебя не звали, дуралей.

— Все равно, глазком поглядеть...

— Ладно,— сказал окунь, высунул из воды крутую спину, грачонок прыгнул на него,— поплыли.

А у того берега на кочке справлял свадьбу старый рак. Рачиха и рачата шевелили усищами, глядели глазищами, щелкали клешнями, как ножницами.

Ползала по кочке улитка, со всеми шепталась — сплетничала.

Паучок забавлялся — лапкой сено косил.

Радужными крылышками трещала стрекоза, радовалась, что она такая красивая, что все ее любят.

Лягушка надула живот, пела песни. Плясали три пескарика и ерш.

Рак-жених держал невесту за усище, кормил ее мухой.

— Скушай,— говорил жених.

— Не смею,— отвечала невеста,— дяденьки моего жду, окуня...

Стрекоза закричала:

— Окунь, окунь плывет, да какой он страшный, с крыльями.

Обернулись гости...

По зеленой воде что есть духу мчался окунь, а на нем сидело чудище черное и крылатое с желтым ртом.

Что тут началось... Жених бросил невесту, да — в воду; за ним — раки, лягушка, ерш да пескарики; паучок обмер, лег на спинку; затрещала стрекоза, насилу улетела.

Подплывает окунь — пусто на кочке, один паучок лежит и тот, как мертвый...

Скинул окунь грачонка на кочку, ругается:

— Ну, что ты, дуралей, наделал... Недаром тебя, дуралея, и звать-то не хотели...

Еще шире разинул грачонок желтый рот, да так и остался — дурак дураком на весь век.

ПОРТОЧКИ

Жили-были три бедовых внучонка: Лешка, Фомка и Нил. На всех троих одни только порточки приходились, синенькие, да и те были с трухлявой ширинкой.

Поделить их — не поделишь и надеть неудобно — из ширинки рубашка заячьим ухом торчит.

Без порточек горе: либо муха под коленку укусит, либо ребятишки стегнут хворостинкой, да так ловко,— до вечера не отчешешь битое место.

Сидят на лавке Лешка, Фомка и Нил и плачут, а порточки у двери на гвоздике висят.

Приходит черный таракан и говорит мальчишкам:

— Мы, тараканы, всегда без порточек ходим, идите жить с нами.

Отвечает ему старший — Нил:

— У вас, тараканов, зато усы есть, а у нас нет, не пойдем жить с вами.

Прибегает мышка.

— Мы,— говорит,— то же самое без порточек обходимся, идите с нами жить, с мышами.

Отвечает ей средний — Фомка:

— Вас, мышей, кот ест, не пойдем к мышам.

Приходит рыжий бык; рогатую голову в окно всунул и говорит:

— И я без порток хожу, идите жить со мной.

— Тебя, бык, сеном кормят — разве это еда? Не пойдем к тебе жить,— отвечает младший — Лешка.

Сидят они трое, Лешка, Фомка и Нил, кулаками трут глаза и ревут. А порточки соскочили с гвоздика и сказали с поклоном:

— Нам, трухлявым, с такими привередниками водиться не приходится,— да шмыг в сени, а из сеней за ворота, а из ворот на гумно, да через речку — поминай как звали.

Покаялись тогда Лешка, Фомка и Нил, стали прощенья у таракана, у мыша да у быка просить.

Бык простил, дал им старый хвост — мух отгонять.

Мышь простила, сахару принесла — ребятишкам давать, чтоб не очень больно хворостиной стегали. А черный таракан долго не прощал, потом все-таки отмяк и научил тараканьей мудрости:

— Хоть одни и трухлявые, а все-таки порточки.

МУРАВЕЙ

Ползет муравей, волокет соломину.

А ползти муравью через грязь, топь да мохнатые кочки; где вброд, где соломину с края на край переметнет да по ней и переберется.

Устал муравей, на ногах грязища — пудовики, усы измочил. А над болотом туман стелется, густой, непролазный — зги не видно.

Сбился муравей с дороги и стал из стороны в сторону метаться — светляка искать...

— Светлячок, светлячок, зажги фонарик.

А светляку самому впору ложись — помирай,— ног-то нет, на брюхе ползти не спорно.

— Не поспею я за тобой,— охает светлячок,— мне бы в колокольчик залезть, ты уж без меня обойдись.

Нашел колокольчик, заполз в него светлячок, зажег фонарик, колокольчик просвечивает, светлячок очень доволен.

Рассердился муравей, стал у колокольчика стебель грызть.

А светлячок перегнулся через край, посмотрел и принялся звонить в колокольчик.

И сбежались на звон да на свет звери: жуки водяные, ужишки, комары да мышки, бабочки-полуношницы. Повели топить муравья в непролазные грязи.

Муравей плачет, упрашивает:

— Не топите меня, я вам муравьиного вина дам.

— Ладно.

Достали звери сухой лист, нацедил муравей туда вина; пьют звери, похваливают.

Охмелели, вприсядку пустились.

А муравей — бежать.

Подняли звери пискотню, шум да звон и разбудили старую летучую мышь. Спала она под балконной крышей, кверху ногами. Вытянула ухо, сорвалась, нырнула из темени к светлому колокольчику, прикрыла зверей крыльями да всех и съела.

Вот что случилось темною ночью, после дождя, в топучих болотах, посреди клумбы, около балкона.

ПЕТУШКИ

На избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки и забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадется, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу.

А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют ослушаться петушки и, хоть не хочется,— прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

Радехоньки петушки; побежали на чистую кулижку, взлетели на сосну. Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегает ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснеет. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревах.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукуречут.

— Кукуреку, пропала баба-яга, солнце идет!

МЕРИН

Жил у старика на дворе сивый мерин, хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было.

Не наглядится старик на сивого, все похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овес на гумне молотили, пошел туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели,— мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцего и загоревал — без хвоста все равно что без головы —глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин — вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся — не лезет мочала в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит:

— Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

Ухватил старик кол, побежал.

Глядит — на току десять серых волков сидят и кашляют.

Старик — колом, мерин — копытом и приударили на волков.

Взвыли серые, прощенья стали просить.

— Хорошо,— говорит старик,— прощу, пришейте только мерину хвост. Взвыли еще раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком— волчий.

Ахнул старик, да поздно: на заборе ребятишки сидят, покатываются, гогочут.

— Дедка-то — лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика — хвостырь.

ВЕРБЛЮД

Вошел верблюд на скотный двор и охает:

— Ну, уж и работничка нового наняли, только и норовит палкой по горбу ожечь — должно быть, цыган.

— Так тебе, долговязому, и надо,— ответил карий мерин,— глядеть на тебя тошно.

— Ничего не тошно, чай у меня тоже четыре ноги.

— Вон у собаки четыре ноги, а разве она скотина? — сказала корова уныло.— Лает да кусается.

— А ты не лезь к собаке с рожищами,— ответил мерин, а потом махнул хвостом и крикнул верблюду:

— Ну, ты, долговязый, убирайся от колоды!

А в колоде завалено было вкусное месиво.

Посмотрел верблюд на мерина грустными глазами, отошел к забору и принялся пустую жвачку есть. Корова опять сказала:

— Плюется очень верблюд-то, хоть бы издох...

— Издох! — ахнули овцы все сразу.

А верблюд стоял и думал, как устроить, чтобы уважать его на скотном дворе стали.

В это время пролетал в гнездо воробей и пискнул мимолетом:

— Какой ты, верблюд, страшный, право!

— Ага! — догадался верблюд и заревел, словно доску где сломали.

— Что это ты,— сказала корова,— спятил?

Верблюд шею вытянул, потрепал губами, замотал тощими шишками:

— А посмотрите-ка, какой я страшный...— и подпрыгнул.

Уставились на него мерин, корова и овцы... Потом как шарахнутся, корова замычала, мерин, оттопырив хвост, ускакал в дальний угол, овцы в кучу сбились.

Верблюд губами трепал, кричал:

— Ну-ка, погляди!

Тут все, даже жук навозный, с перепугу со двора устрекнули.

Засмеялся верблюд, подошел к месиву и сказал:

— Давно бы так. Без ума-то оно ничего не делается. А теперь поедим вволю...

ГОРШОК

К ночи стряпуха умаялась, заснула на полу около печи и так захрапела — тараканы обмирали со страха, шлепались, куда ни попало, с потолка да со стен.

В лампе над столом准 пованивал голубой огонек.

И вот в печке сама собой отодвинулась заслонка, вылез пузатый горшок со щами и снял крышку.

— Здравствуй, честной народ.

— Здравствуй,— важно ответила квашня.

— Хи, хи,— залебезил глиняный противень,— здравствуйте! — и клюнул носиком.

На противень покосилась скалка.

— Не люблю подлых бесед,— сказала она громко,— ох, чешутся чьи-то бока.

Противень нырнул в печурку на шестке.

— Не трогай его,— сказал горшок.

Грязный нос вытерла худая кочерга и зашмыгала:

— Опять ругаетесь, нет на вас Угомону; мотаешься, мотаешься целый день, а ночью поспать не дадут.

— Кто меня звал? — шибыршнул Угомон под печкой.

— Это не я, а кочерга, это она сегодня по спине стряпуху съездила,— сказала скалка.

Кочерга метнулась:

— И не я, а ухват, сам хозяин ухватом съездил стряпуху.

Ухват, расставив рога, дремал в углу, ухмылялся.

Горшок надул щеки и сказал:

— Объявляю вам, что варить щей больше не желаю, у меня в боку трещина.

— Ах, батюшки! — разохалась кочерга.

— Не больно надо,— ответила скалка.

Противень выскочил из печурки и заюлил:

— Трещина, замазочкой бы, тестом тоже помогает.

— Помажь тестом,— сказала квашня.

Грызеная ложка соскочила с полки, зачерпнула тесто и помазала горшок.

— Все равно,— сказал горшок,— надоело, лопну я и замазанный.

Квашня стала пучиться и пузырями щелкать — смеялась.

— Так вот,— говорил горшок,— хочу я, честной народ, шлепнуться на пол и расколоться.

— Поживите, дяденька,— вопил противень,— не во мне же щи варить.

— Хам! — гаркнула скалка и кинулась. Едва отскочил противень, только носок отшибла ему скалка.

— Батюшки, драка! — заметалась кочерга.

Из печурки выкатилась солоница и запикала:

— Не нужно ли кого посолить?

— Успеешь, успеешь насолить,— грустно ответил горшок: он был стар и мудр.

Стряпуха стала причитать во сне:

— Родненькие мои горшочки!

Горшок заторопился, снял крышку.

— Прощай, честной народ, сейчас разобьюсь.

И совсем уже с шестка сигануть хотел, как вдруг, спросонок, ухватил его рогами дурень ухват и махнул в печь.

Противень прыгнул за горшком, заслонка закрылась сама собой, а скалка скатилась с шестка и ударила по голове стряпуху.

— Чур меня, чур...— залопотала стряпуха. Кинулась к печке — все на месте, как было.

В окошке брезжил, словно молоко снятое, утренник.

— Затоплять пора,— сказала стряпуха и зевнула, вся даже выворотилась.

А когда открыла заслонку — в печи лежал горшок, расколотый на две половинки, щи пролились, и шел по избе дух крепкий и кислый.

Стряпуха только руками всплеснула. И попало же ей за завтраком!

КУРИНЫЙ БОГ

Мужик пахал и сошником выворотил круглый камень, посреди камня дыра.

— Эге,— сказал мужик,— да это куриный бог.

Принес его домой и говорит хозяйке:

— Я куриного бога нашел, повесь его в курятнике, куры целее будут.

Баба послушалась и повесила за мочалку камень в курятнике, около насеста.

Пришли куры ночевать, камень увидели, поклонились все сразу и закудахтали:

— Батюшка Перун, охрани нас молотом твоим, камнем грозовым от ночи, от немочи, от росы, от лисиной слезы.

Покудахтали, белой перепонкой глаза закрыли и заснули.

Ночью в курятник вошла куриная слепота, хочет измором кур взять.

Камень раскачался и стукнул куриную слепоту,— на месте осталась.

За куриной слепотой следом вползла лиса, сама, от притворства, слезы точит, приловчилась петуха за шейку схватить,— ударил камень лису по носу, покатилась лиса кверху лапками.

К утру налетела черная гроза, трещит гром, полыхают молнии — вот-вот ударят в курятник.

А камень на мочалке как хватит по насесту, попадали куры, разбежались спросонок кто куда.

Молния пала в курятник, да никого не ушибла — никого там и не было.

Утром мужик да баба заглянули в курятник и подивились:

— Вот так куриный бог — куры-то целехоньки.

КАРТИНА

Захотела свинья ландшафт писать. Подошла к забору, в грязи обвалялась, потерлась потом грязным боком о забор — картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

— Плохо, скучно!

— Как? — сказала свинья и насупилась — прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

— Так мило, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул:

— Какое великое произведение!..

Прибежал тощий пес, обнюхал картину, сказал:

— Недурно, с чувством, продолжайте,— и поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и глядеть на него не захотела.

Лежала свинья на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

В это время пришел маляр, пхнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать.

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

— Пропала моя картина, замазал ее маляр краской... Я не переживу горя!..

— Варвары... варвары...— закурлыкал голубь.

Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

— Врет она... переживет.

МАША И МЫШКИ

— Спи, Маша,— говорит нянюшка,— глаза во сне не открывай, а то на глаза кот прыгнет.

— Какой кот?

— Черный, с когтями.

Маша сейчас же глаза и зажмурила. А нянька залезла на сундук, покряхтела, повозилась и носом сонные песни завела. Маша думала, что нянька из носа в лампадку масла наливает.

Подумала и заснула.

Тогда за окном высыпали частые, частые звезды, вылез из-за крыши месяц и сел на трубу...

— Здравствуйте, звезды,— сказала Маша.

Звезды закружились, закружились, закружились. Смотрит Маша — хвосты у них и лапки.— Не звезды это, а белые мыши бегают кругом месяца.

Вдруг под месяцем задымилась труба, ухо вылезло, потом вся голова — черная, усатая.

Мыши метнулись и спрятались все сразу.

Голова уползла, и в окно мягко прыгнул черный кот; волоча хвост, заходил большими шагами, все ближе, ближе к кровати, из шерсти сыпались искры.

«Глаза бы только не открыть»,— думает Маша.

А кот прыгнул ей на грудь, сел, лапами уперся, шею вытянул, глядит.

У Маши глаза сами разлепляются.

— Нянюшка,— шепчет она,— нянюшка.

— Я няньку съел,— говорит кот,— я и сундук съел.

Вот-вот откроет Маша глаза, кот и уши прижал... Да как чихнет.

Крикнула Маша, и все звезды-мыши появились откуда ни возьмись, окружили кота; хочет кот прыгнуть на Машины глаза — мышь во рту, жрет кот мышей, давится, и сам месяц с трубы сполз, поплыл к кровати, на месяце нянькин платок и нос толстый...

— Нянюшка,— плачет Маша,— тебя кот съел...— И села.

Нет ни кота, ни мышей, а месяц далеко за тучками плывет.

На сундуке толстая нянька выводит носом сонные песни.

«Кот няньку выплюнул и сундук выплюнул»,— подумала Маша и сказала:

— Спасибо тебе, месяц, и вам, ясные звезды.

СИНИЦА

Утром рано, на заре, до птиц, пробудилась княгиня Наталья. Не прибираясь,— только накинула белый опашень,— отомкнула дверь из светлицы и вышла на мокрое от росы крыльцо.

Ничего не жалел для Натальи, для милой своей хо́ти, князь Чурил: выстроил терем посреди городища, на бугре между старых кленов; поставил на витых столбах высокое крыльцо, где сидеть было не скучно, украсил его золотой маковкой, чтобы издалека горела она, как звезда, над княгининой светлицей.

В тереме зачала Наталья и родила хозяину сына Заряслава. Было ему ныне три зимы и три лунных месяца. Любил князь жену и сына и шумного слова им не сказал во всю бытность.

Городище стояло на речном берегу, обнесенное тыном, рвом и раскатами. Внутри, дым к дыму — срублены высокие избы. И выше всех — восьмишатровый красный княгинин терем. Бывало, плывут по реке в дубах торго-

вые люди, или так — молодцы пограбить, завалятся у гребцов колпаки, глядят: город не город — диво,— пестро и красно, и терем, и шатры, и башни отражаются в зеленой воде днепровской,— и начнут пригребаться поближе, покуда не выйдет на раскат князь Чурил, погрозит кулаком. Ему кричат:

— Ты, рвана шкура, слезай с раската, давай биться! И пошлют смеха ради стрелу или две.

Далеко шла слава про князя: сорок воинов стоит у его стремени; одни — сивые, в рубцах, вислоусые руссы, северные наемники, побывавшие не раз и под Цареградом; другие — свои, поднепровские, молодец к молодцу, охотники и зверобои. Богат, хорошо нагорожен город его Крутояр.

Ныне князь отъехал по зверя. В городище бабы остались с ребятами да старики. Шуму нет, тихо. Княгиня Наталья прислонилась непокрытой головой к столбу, сидит и слущает. Внизу журавель заскрипел— сонная девка тянет из колодца воду; собрались воробьи на огороде, зачирикали — собираются по ягоду; идет поперек улицы собака с мочалой на шее, стала и давай зевать; птицы и птички пробуждаются, не смеют еще петь до солнца, голоса пробуют, голос подают; заиграл рожок у северных ворот, замычали коровы, потянуло дымком. И заря за речкой обозначилась сквозь речные туманы бледными, алыми, водянистыми полосами. Сильная сегодня роса! А уж кукушка из лесу — ку-ку.

Княгине охоты нет пошевельнуться, точно сон оковал ее. Поднялась рано, сама не знает зачем, и все ей грустно — и глядеть и слушать. Так бы вот и заплакала. А с чего? Князя ли заждалась? Третий день по лесам скачет. Сына ли жалко — уж очень беленький мальчик. Мило ей все и жалко.

Княгиня в углу крыльца нагнула каменный рукомойник, омыла лицо, взглянула еще раз на кровли и башенки Крутояра, на реку, проступающую синей, синей водой из-под тумана, и вошла назад в сонную, теплую светелку.

В колыбели спал княжич, выпростал руки поверх одеяла, дышал ровно, хорошо, так весь и заливался румянцем.

Княгиня присела на лавку, опустила голову на колыбель, и слезы полились у нее. Плачет, и сама шепчет:

— Вот уж с большого-то ума.

И такою жалостью залюбила сына, что душа ее поднялась, окутала колыбель, прильнула к спящему, а тело оцепенело. На молодую княгиню напал глубокий, непробудный сон.

И не услышала она, как вдруг начали кричать птицы, садясь на крышу: «Проснись, проснись», как завыли, заскулили собаки по всему городищу, захлопали ставни, побежал куда-то народ, как у всех четырех ворот забили в медные доски, и пошла тревога: «На стены, на стены!»

Большое, тусклое, красное солнце поднялось в клубах тумана, и народ со стен, дети, старики,— увидали великую силу людей, малых ростом, с рыжими космами, в шкурах: Чудь белоглазую. Пробиралась Чудь от дерева к дереву, окружала городище, махала дубинками и с того берега плыла через реку, как собаки.

— На стены, на стены! — звали старики, тащили на раскаты бревна, камни, в колодах горячую воду.

— Чудь идет, Чудь идет! — выли бабы, мечась, хороня ребят в клети, в погреба, зарывали в солому.

А Чудь уже лезла через тын, карабкалась на раскаты, визжала. В замковую башню-детинец кидала стрелы, камни, паклю горящую. И задымился угол у башни, и закричали:

— Огонь! Лихо нам!

Били с раскатов Чудь, долбили по башкам, порошили песком в глаза, обливали варом, пыряли шестами. А те только орали шибче. Лезли, падали, опять лезли, как черви. Да и где было справиться с белоглазыми одним старикам да малолеткам. Одолел враг, добрался до раскатов. Покидали защитников, и разбежалась Чудь по городу, и начался другой клич — бабий и детский.

Потоптали в ту пору, побили много народа, остальных погнали за стены на луг. Рвали на бабах рубахи. Было горе.

С четырех концов пылал Крутояр, брошенный на поток. Из огня тащили одежду, птиц, поросят, малых детей. Ярилась Чудь. Многие сами погорели, волоса попалили. И добрались до княжьего терема.

Но высок был тын кругом и ворота крепки. Ударили в них бревном — не поддались. А головни, искры, солому так и крутило, обдавало жарким дымом. И занялся терем, задымил.

Тогда с долгим стоном пробудилась княгиня Наталья, повела очами, дико ей стало, кинулась к окну — дым в лицо пахнул, глаза выел. Схватила княжича, прикрыла его платком: «Заряслав, сын милый, спи, спи, батюшка»,— и выбежала на крыльцо и обмерла.

Внизу трещало, било пламя, дымили крыльца, занимался огонь под крышей. А кругом все маковки, крыши, избы, шатры — в огне. Дым бьет высоко и стелется над Днепром. И еще видит княгиня — над тыном поднялись плоские рыла, кажут на нее, скалятся.

И было ей тошно от смертного часа.

Заряслав забился на руках, заплакал, рвет с лица покрывало. В спину дунуло жаром. И у княгини захватило дух, стало горячо на душе. Подняла она сына, положила руки его на одно плечо свое, на другое ноги, вдохнула в последний раз запах милый и человеческий и кинулась с высокого терема. И убилась! И мертвыми руками все еще держала Заряслава, не дала ему коснуться земли. Наскочили чудинцы, вырвали княжича, понесли на луг, пялили зенки на мальчика, кукиши совали ему, а не тронули, чтобы живым отнести к жрецу своему в Чудь, на озеро.

Легкою бабочкою вылетела душа княгини Натальи из разбитого тела. И раскрытые ее глаза, еще подернутые мукой, озираясь, видели голубой свет, переливающийся, живой и животворящий. Радостней, радостней, выше становилось душе. Чаще, зорче глядели глаза. И вот слышимы стали звуки, звоны, шумы, звенения, глухие раскаты, грохоты. Трепетал весь свет в бездне бездн. Роились в нем водянистые пузыри, отсвечивали радужно и, звуча и звеня, сливались в вихри, бродили столпами.

И вот уже трепещет душа. Нестерпимо глазам от сияния, от радостного ужаса: покрывая все звуки, весь свет, по всей широте шумит весенним громом голос: «Да будет жизнь во имя мое».

Так мчится к господу светлая душа княгини Натальи. Но чем ближе ей, слаще, радостней — тем пронзительней

боль, как жало невынутое. Зачем боль? О чем память? И глубже входит жало, и тяжелеет душа, глохнет, слепнет, и глаза снова подергиваются смертной любовной пеленой. На землю опускается душа княгини, на пепелище. Как жернов — любовь. Где Заряслав? Где сын милый?

Белоглазая Чудь возвращалась на свое озеро без троп и следов,— скорее бы только ноги унести. Волокли добычу. Гнали полонянок с детьми. Княжича тащили в плетеном пещуре. Шли день, и ночь, и еще день, и настала вторая ночь — темная. Погони теперь не страшно, и Чудь полегла во мху, запалила костры от диких собак, что, учуяв поживу, подвывали по зарослям.

Колдун, старикашка гнусный, залез в горелый пень, бормотал заклятья. Кишмя здесь кишела нежить и нечисть, хоронилась за стволы, кидалась в траву, попискивала, поерзывала. То чиркнет глазом, то лапой тронет, а то уйдет колом в землю, а вынырнет в омуте, посреди болота, сострoит пакость и начнет хмыкать, хихикать.

Не любила Чудь смеха и шуток таких. Молчали, мясо вяленое ели, остерегались. Полонянки давно уж плакать перестали, вволю приняли горя. Один Заряслав спал спокойно в пещуре: тепло укрыла его княгиня Наталья сладким сном.

Укрыла, а сама понеслась клочком тумана по лесу над мхами и омутами, сквозь тяжелые от влаги деревья. Вверху за сучьями вызвездило, скоро и заря. Из-под вывороченной коряги высунул нечесаную морду леший и спрятался; на бугорке у норы лиса с лисятами увидала летящее облако, сморщила нос и зевнула, завиляла хвостом.

А вот и стреноженные кони фыркают, щиплют траву. Вповалку, завернутые с головой в попоны, спят воины. Князь Чурил лежит, опершись локтем о седло; суровые глаза его открыты, думает; проснулся перед зарей, отер усы от росы и раздумался о славе своей, о былых сечах, о том, что нет ни у кого ни города такого, ни жены такой, ни сына. От этих дум заворочался Чурил: «Все ли ладно дома?»

И видит — стелется у ног облачко. «Сыро,— думает,— кольчуга проржавеет,— и потянул на себя по-

пону. А сон летит с глаз: «От двора далеко отъехали, как бы не было чего злого?» Мочи нет. Поднялся Чурил, подтянул ремень на животе:

— Эй, ребята, заспались, заря скоро!

Зачесались воины, поскидали попоны, разбрелись за конями. Оседлали. Тронулись.

Чурил едет впереди, шагом. Совестно перед ребятами: заладились охотиться недели на две, а сейчас глаза бы не глядели на зверя. Сесть бы в княгининой светелке, Заряслава на руки взять... Милее жизни жена, милая Наталья.

Воины ворчат: едет князь ду́ром, сучья дерут лицо, лунь-птица из-под коня шарахнулась, запуталась в кустах, застучала клювом.

«Эй, князь, спишь, что ли?»

Плывет, стелется облаком перед Чурилой княгиня Наталья, манит, мается. Рвут кусты легкое тело. Нет, не слышит князь, не чувствует. Усы закрутил. Осадил коня, оперся рукой о круп, говорит дружинникам, чтобы шли в заезд на тура, что давеча навалил густо валежнику у озера.

И княгиня отлетела от Чурила, понеслась по лесу, окинула взором чащобы, видит — лежит олень рогатый, морду опустил в мох, дремлет. И вошла в него, в сонного, похитила его тело, подняла на легкие ноги и оленем помчалась навстречу охотникам.

— Стой,— говорит Чурил,—большой зверь идет.— Подался с конем в кусты, отыскал в колчане стрелу поострее, вложил в самострел и, упершись в стремена, натянул тетиву.

С шумом раздвигая кусты, выскочил олень. Стал, дрожа дрожью. Крупный самец! Рога как ветви. Эх, жаль, темно,— не промахнуться бы. И князь чувствует— глядит на него олень в ужасе, в тоске смертной.

И только начал поднимать самострел — шарахнулся олень, побежал нешибким бегом, не мечась, только голову иногда обернет к погоне. Умный зверь.

И сорок рогов затрубило по лесу. Го-го-го,— отозвалось далеко. Затрещал от топота валежник. Закричали сонные птицы. Воронье поднялось, закаркало. Стало светать.

Скакали долго. Кони вспенились. Княгиня Наталья видит — близко, близко, вон там за оврагом, залегла Чудь, может, уж и снялась со стана, заслышав рога. Не погубили бы Заряслава. Поспеть бы. И повернула к оврагу. И заметалась: впереди, пересекая путь, выскочили всадники, окружили, машут копьями. Чурил поднял самострел, приложил к ложу худое, свирепое, любимое лицо.

«Остановись, остановись!» — так бы и крикнула Наталья. И резкий, звериный вопль сам вылетел из груди. Запела стрела и впилась под лопатку у сердца. Олень осел на колени. Засмеялся князь. Вынул нож, лезет с седла, чтобы пороть зверя. Идет по мху. Споткнулся. Княгиня глядит на мужа глазами, полными слез. Чурил взял ее за рога, пригнул голову.

И чуда не было еще такого за всю бытность: олень, пронзенный стрелой, до самых перьев ушедшей в сердце, поднялся, разбросал рогами охотников, побежал, шатаясь, шибче, шибче, спустился в овраг, скачками поднялся на ту сторону, стал и глядит опять. Смотрит.

Усмехнулись в усы старые воины.

— Легка твоя стрела, князь, уйдет зверь.

Лихая досада! И опять поскакала охота.

Олень тяжелым уже скоком выбежал на поляну. Повсюду дымятся костры, раскиданы кости, тряпье. И за красные сосновые стволы хоронятся какие-то людишки, удирают.

— Чудь, Чудь! — закричали воины.

Здесь олень зашатался, опустил рога в мох и рухнул. Черная кровь хлынула из морды. И вылетела душа княгини, замученная второю смертью.

Чурил глядит на зверя. Дико ему на душе. Подскакал старый воин.

— Князь, князь,— говорит,— не твоей ли княгини эта кика? — и поднял копьем с земли рогатую, шитую золотом кику, что сняли чудинцы с волос Натальи.

Зашатался князь в седле. Кровь кинулась в голову, помутила ум. Сорвал рог с плеча, затрубил, швырнул его далече и сам впереди, а за ним сорок дружинников кинулись в угон за обидчиками. Порубили отсталых и насти-

гли всю бегущую кучей Чудь, окружившую полонянок и добычу.

Много Чуди желтоволосой. Большая будет битва. Стали воины ругаться с врагами, кричат:

— Выходи, белые глаза! Подтягивай портки!.. Молись своему паршивому богу!..

Ихний колдун, став на камень, поднял на руках Зарослава, погрозился, что живым не отдаст, если княжьи начнут драку. Тогда Чурил прыгнул с коня и, прикрываясь локтем кольчужным от стрел, пошел биться. Наскочила на него Чудь. Завизжала Чудь. На выручку кинулись дружинники, пешие и конные. Запели стрелы. Начались крики. Лязгало железо. Хватались грудь о грудь. Была великая сеча.

С ножом, поворачиваясь, стряхивая наседающих, весь испоротый, исколотый, лез князь, как тур, добирался до колдуна.

Три раза отбрасывали Чурилу. Колдун, выставив бороду, бормотал, плевался, запакостился от страха. Все же князь достал его рукой и умертвил на месте. И стоял идолом каменным над сыном. Выдергивал из себя стрелы. Убивал каждого, кто совался.

До полудня шла битва. Десять дружинников легло в ней смертью, а врагов не считали, и Чудь побежала, но немногие ушли через болота.

Дружинники стали кликать, собирать полонянок. Стали узнавать, кто жену, кто сына. Качали головами, хмурились. И вернулись все — воины, женщины, дети — гурьбой, на поле сечи, где бродили кони, торчали стрелы, шлемы валялись, люди убитые.

Князь Чурил лежал мертвым, с лицом суровым и спокойным, в руке зажат меч. Около него был мальчик, Зарослав. Над ним летала малая птица. Кружилась, попискивала, садилась на ветвь, трясла перьями, разевала клюв.

Княжич, глядя на птицу, улыбался, ручкой норовил ее схватить. На ресницах Зарослава, на щеках его горели, как роса, слезы большими каплями.

Старейший из воинов взял княжича на руки и понес. Павших положили на коней, тронулись в обратный путь к Днепру, на пепелище. Впереди несли Зарослава, и

птица, синяя синица, увязалась вслед. Ее не отпугивали — пусть тешится молодой князь. Шли долго.

У пепелища погребли усопших и замученных. Над водою, на высоком бугре, в дубовой, крытой шатром, домовине легли рядом князь Чурил с княгиней Натальей. Далеко под ногами их расстилался ясный, синий Днепр, широко раскинулись луга, лесистое, озерное понизовье.

Близ могил стали строить новое городище, где быть князем Заряславу. Зазывали на подмогу вольных людей да пропивших животишки варягов. Осенью бегали за золотом к хазарам в степи.

Заряславу разбили лучший шатер, покуда к заморозкам дыму не срубят. Мальчик глядел, как строили город, как пищу варили, как вечером большие люди садились над рекою, пели песни.

Женщины жалели мальчика, дружинники говорили: славный будет воин. Да что в том? Чужой лаской горечи не избудешь.

И одною утехою была Заряславу синяя синица. Совсем ручная. Ест ли мальчик, она — скок и клюнет из чашки. Играет ли, бродит ли по лугу — птица порхает около, на плечо сядет или падет перед Заряславом в траву, распушит крылья и глядит, глядит черными глазами в глаза. А то и надоест,— отмахнется от нее: ну, что пристала?

И не знает Заряслав, что в малой, робкой птице, в горячем сердце птичьем — душа княгини Натальи, родной матушки.

Прошла зима, снова зазеленели бугры и пущи, разлился Днепр, поплыли по нему, надувая паруса, корабли с заморскими гостями. Затрубили рога в лесах. Зашумели грозы.

Заряслав рос, крепкий становился мальчик. Играл уже отцовским мечом и приставал к дружинникам, чтобы рассказывали про битву, про охоты, про славу князя.

А когда женщины гладили его по светлой голове, жалея, что растет без матушки,— отталкивал руку.

— Уйди,— говорил,— уйди, а то побью, я сам мужик.

Однажды он побился с товарищами и сидел на крыльце сердитый, измазанный. Подлетела синица, покружилась и, чтобы заметил ее мальчик, вдруг прилегла к его груди, прижалась к тельцу.

— Ну, вот нашла время!

Взял Заряслав птицу и держал в кулаке и думал, как бы ему подраться еще с обидчиками, а когда разжал пальцы — в руке лежала птичка мертвая, задушенная.

Богатырская будет сила у молодого князя.

Так в третий раз умерла княгиня Наталья светлой и легкой смертью.

Все было исполнено на земле.

СКАЗКИ
И
РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЛКАН

На весеннем солнышке греется пес Полкан.

Морду положил на лапы, пошевеливает ушами — отгоняет мух.

Дремлет пес Полкан, зато ночью, когда на цепь посадят,— не до сна.

Ночь темна, и кажется все — крадется кто-то вдоль забора.

Кинешься, тявкнешь,— нет никого.

Или хвостом по земле застукает, по-собачьи; нет никого, а стукает...

Ну, с тоски и завоешь, и подтянет вон там, за амбаром, зальется чей-то тонкий голос.

Или над поветью глазом подмигивать начнет, глаз круглый и желтый.

А потом запахнет под носом волчьей шерстью.

Пятишься в будку, рычишь.

А уж жулики — всегда за воротами стоят, всю ночь.

Жулика не страшно, а досадно — зачем стоит.

Чего-чего не перевидишь ночью-то... охо, хо...

Пес долго и сладко зевнул и по пути щелкнул муху.

Поспать бы.

Закрыл глаза, и представилась псу светлая ночь.

Над воротами стоит круглый месяц — лапой достать можно. Страшно. Ворота желтые.

И вдруг из подворотни высунулись три волчьих головы, облизнулись и спрятались.

«Беда»,— думает пес, хочет завыть и не может.

Потом три головы над воротами поднялись, облизнулись и спрятались.

«Пропаду»,— думает пес.

Медленно отворились ворота, и вошли три жулика с волчьими головами.

Прошлись кругом по двору и начали все воровать.

— Украдем телегу,— сказали жулики, схватили, украли.

— И колодец украдем,— схватили, и пропал и журавль и колодец.

А пес ни тявкнуть, ни бежать не может.

— Ну, — говорят жулики, — теперь самое главное!

«Что самое главное?» — подумал пес и в тоске упал на землю.

— Вон он, вон он,— зашептали жулики.

Крадутся жулики ко псу, приседают, в глаза глядят.

Со всею силою собрался пес и помчался вдоль забора, кругом по двору.

Два жулика за ним, а третий забежал, присел и рот разинул. Пес с налета в зубастую пасть и махнул.

— Уф, аф, тяф, тяф...

Проснулся пес... на боку лежит и часто, часто перебирает ногами.

Вскочил, залаял, побежал к телеге, понюхал, к колодцу подбежал, понюхал — все на месте.

И со стыда поджал пес Полкан хвост да боком в конуру и полез.

Рычал.

ТОПОР

Пошел топор по дрова.

Постукивает по горелым пням, посмеивается:

— Моя воля: хочу — зарублю, хочу — мимо пройду, я здесь хозяин.

А в лесу березка росла, веселенькая, кудрявая, старым деревьям на радость. И звали ее Люлинькой.

Увидал топор березку и стал куражиться:

— Кудрявая, я тебе покудрявлю, начну рубить, только щепки полетят...

Испугалась березка.

— Не руби меня, топор, мне больно будет.

— А ну-ка, поплачь!

Золотыми слезками заплакала березка, веточки опустила.

— Меня дождик в невесты сватал, мне жить хочется.

Захохотал железный топор, наскочил на березку,— только белые щепки полетели.

Заугрюмились деревья, и пошло шептать про злое дело по всему лесу темному, вплоть до калинового моста.

Срубил топор, повалилась березка и, как была, легла, кудрявая, в зеленую траву, в цветы голубые.

Ухватил ее топор, домой поволок.

А идти топору через калиновый мост.

Мост ему и говорит:

— Ты это зачем в лесу озорничаешь, сестер моих рубишь?

— Молчи, дурак,— огрызнулся топор,— рассержусь и тебя зарублю.

Не пожалел спины, крякнул, и сломался калиновый мост. Топор шлепнулся в воду и потонул.

А березка Люлинька поплыла по реке в океан-море.

ВОРОБЕЙ

На кусту сидели серые воробьи и спорили — кто из зверей страшнее.

А спорили они для того, чтобы можно было погромче кричать и суетиться. Не может воробей спокойно сидеть: одолевает его тоска.

— Нет страшнее рыжего кота,— сказал кривой воробей, которого царапнул раз кот в прошлом году лапой.

— Мальчишки много хуже,— ответила воробьиха,— постоянно яйца воруют.

— Я уж на них жаловалась,— пискнула другая,— быку Семену, обещался пободать.

— Что мальчишки,— крикнул худой воробей,— от них улетишь, а вот коршуну только попадись на язык, беда как его боюсь! — и принялся воробей чистить нос о сучок.

— А я никого не боюсь,— вдруг чирикнул совсем еще молодой воробьеныш,— ни кота, ни мальчишек. И коршуна не боюсь, я сам всех съем.

И пока он так говорил, большая птица низко пролетела над кустом и громко вскрикнула.

Воробьи, как горох, попадали, и кто улетел, а кто притулился, храбрый же воробьеныш, опустив крылья, побежал по траве. Большая птица щелкнула клювом и упала на воробьеныша, а он, вывернувшись, без памяти, нырнул в хомячью нору.

В конце норы, в пещерке, спал, свернувшись, старый пестрый хомяк. Под носом лежала у него кучка наворованного зерна и мышиные лапки, а позади висела зимняя, теплая шуба.

«Попался,— подумал воробьеныш,— я погиб...»

И зная, что если не он, так его съедят, распушился и, подскочив, клюнул хомяка в нос.

— Что это щекочет? — сказал хомяк, приоткрыв один глаз, и зевнул.— А, это ты. Голодно, видно, тебе, малый, на — поклюй зернышек.

Воробьенышу стало очень стыдно, он скосил черные свои глаза и принялся жаловаться, что хочет его пожрать черный коршун.

— Гм,— сказал хомяк,— ах он, разбойник! Ну, да идем, он мне кум, вместе мышей ловить,— и полез вперед из норы, а воробьеныш, прыгая позади, думал, какой он, воробьеныш, маленький и несчастный, и не надо бы ему было совсем храбриться.

— Иди-ка сюда, иди,— строго сказал хомяк, вылезая на волю.

Высунул воробьеныш вертлявую головку из норы и обмер: перед ним на двух лапах сидела черная птица, открыв рот. Воробьеныш зажмурился и упал, думая, что он уже проглочен. А черная птица весело каркнула, и все воробьи кругом нее попадали на спины от смеха — то был не коршун, а старая тетка ворона...

— Что, похвальбишка,— сказал хомяк воробьенышу,— надо бы тебя посечь, ну да ладно, поди принеси шубу да зерен побольше.

Надел хомяк шубу, сел и принялся песенки насвистывать, а воробьи да вороны плясали перед норой на полянке.

А воробьеныш ушел от них в густую траву и со стыда да досады грыз когти, по дурной привычке.

ЖАР-ПТИЦА

У царевны Марьяны была нянька Дарья.

Пошла Дарья на базар, купила кенареечную птичку и повесила на окно. Царевна Марьяна в кровати лежит и спрашивает:

— Нянька, а как птицу зовут?

— Кенареечная.

— А почему?

— Потому что конопляное семя ест.

— А где ее дом?

— На солнышке.

— А зачем она ко мне прилетела?

— Чтобы тебе песни петь, чтобы ты не плакала.

— А если заплачу?

— Птичка хвостом тряхнет и улетит.

Жалко стало царевне с птичкой расстаться, глаза Марьяна потерла и заплакала.

А птичка хвостом тряхнула, открыла клетку, шмыг за окно и улетела.

Принялась Дарья царевне Марьяне глаза фартуком вытирать и говорит:

— Не плачь, я сбегаю, великана Веньку позову, он птичку нам поймает.

Пришел высокий великан Венька, о четырех глазах— два глаза видно, а два не видно.

Постоял Венька и говорит:

— Я есть хочу.

Принесла ему Дарья горшок каши.

Великан кашу съел и горшок съел, нашел нянькины башмаки и башмаки съел — такой был голодный,— рот вытер и убежал.

Прибегает великан в Марьянин сад, а в саду на яблоне кенареечная птичка сидит и клюет красные яблоки. Великан и думает: что ему сначала схватить — яблоко или птичку?

И пока думал, явился лютый медведь и говорит:

— Ты зачем кенареечную птицу ловишь? Я тебя съем.

И стал медведь лапой землю скрести.

Великан испугался, сел на дом и ноги поджал, а птичка шмыг в кусты и улетела за озеро.

Огорчился великан и принялся думать, как ему медведя перехитрить; придумал, — нарочно испугался и закричал:

— Ой, рыжий бык бежит, ой, боюсь!

Медведь одного только рыжего быка и боялся на свете, сейчас же лег на бок и морду в кусты засунул — спрятался.

А великан с крыши слез и к озеру побежал.

Озеро было длинное — не перейти, а на той стороне на ветке птичка сидит.

Великан был догадливый, сейчас же лег на берег и стал озеро пить.

Пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил и выпил все озеро вместе с лягушками.

Встал на четвереньки и побежал за птичкой по сухому дну.

А птичка дальше в темный лес улетела.

Неудобно великану по лесу идти, деревья за подмышки задевают, озеро в животе с лягушками плещется, и настает темный вечер.

По вечерам лягушки квакать привыкли, и принялись они в животе у великана громко квакать.

Великан испугался, стал аиста звать.

Проснулся белый аист; стоял он на одной ноге на сухом пеньке; глаза протер, подождал, пока луна взойдет, чтобы виднее было, подлетел к великану и говорит:

— Раскрой рот.

Великан раскрыл рот, аист туда голову сунул, поймал лягушонка и проглотил.

Тогда кричит из живота лягушиный царь:

— Прогони белого аиста, я тебе сундучок подарю, без него птички не поймаешь.

Великан знал, что лягушиный царь — честный, рот закрыл и говорит:

— Уходи, белый аист, чай, уж наелся.

А лягушиный царь вылез в великанов рот, лапой подал хрустальный сундучок и объяснил:

— В сундуке туча, в туче с одного краю молния, с другого — дождик, сначала погрозись, потом открывай, птица сама поймается.

Обрадовался великан, взял сундучок и дальше побежал за кенареечной птичкой.

А птичка через темный овраг летит и через высокую гору, и великан через овраг лезет, и на гору бежит, пыхтит, до того устал — и язык высунул, и птичка язык высунула.

Великан и кричит птичке:

— Царевна Марьяна приказала тебя поймать, остановись, а то сундучок открою...

Не послушалась птичка великана, только ногой по ветке топнула.

Тогда великан открыл сундучок.

Вылетела из сундучка сизая туча, кинулась к птичке и заворчала.

Испугалась птичка, закричала жалобно и метнулась в кусты.

И туча в кусты полезла.

Птичка под корень, и туча под корень.

Взвилась птичка в небо, а туча еще выше, да как раскатилась громом и ударила в птичку молнией — трах!

Перевернулась птичка, посыпались с нее кенареечные перья, и вдруг выросли у птицы шесть золотых крыльев и павлиний хвост.

Пошел от птицы яркий свет по всему лесу.

Зашумели деревья, проснулись птицы.

Ночные русалки с берега в воду попрыгали.

И закричали звери на разные голоса:

— Жар-птица, Жар-птица!!!

А туча напыжилась и облила Жар-птицу мокрым дождем.

Замочил дождик золотые крылья Жар-птице и павлиний хвост, сложила она мокрые крылья и упала в густую траву.

И стало темно, ничего не видно. Великан в траве пошарил, схватил Жар-птицу, сунул за пазуху и побежал к царевне Марьяне. Царевна Марьяна привередничала, губы надула сковородником, пальцы растопырила и хныкала:

— Я, нянька, без кенареечной птички спать не хочу.

Вдруг прибежал великан и на окно посадил Жар-птицу.

И в комнате светло, как днем.

Жар-птица за пазухой у великана пообсохла, теперь крылья расправила и запела:

Я медведя не боюсь,
От лисы я схоронюсь,
Улечу и от орла,
Не догонит в два крыла.
А боюсь я только слез,
Ночью дождика и рос,
И от них умчуся я
За леса и за моря.
Свету-Солнцу я сестрица,
И зовут меня Жар-птица.

Спела Жар-птица, потом сделала страшные глаза и говорит:

— Вот что, никогда, Марьяна, не хныкай, слушайся няньку Дарью, тогда я каждую ночь буду к тебе прилетать, петь песни, рассказывать сказки и во сне показывать раскрашенные картинки.

Затрещала крыльями Жар-птица и улетела.

Кинулась Дарья опять за великаном, а великан спал в саду — одна нога в пруду, другая на крыше, и в животе лягушки квакали.

Царевна же Марьяна больше плакать не стала, глазки закрыла и заснула.

Знала Марьяна, что каждую ночь будет прилетать к ней Жар-птица, садиться на кровать и рассказывать сказки.

ПРОЖОРЛИВЫЙ БАШМАК

В детской за сундуком лежал медведюшка,— его туда закинули, он и жил.

В столе стояли оловянные солдаты с ружьями наперевес.

В углу в ящике жили куклы, старый паровоз, пожарный с бочкой, дикая лошадь без головы, собачка резиновая да собачка, которая потерялась,— полон ящик.

А под кроватью валялся старый нянькин башмак и просил каши.

Когда нянька зажигала ночник на стене, говорила «ох, грехи» и валилась на сундук, слетал тогда с карниза зазимовавший комар и трубил в трубу, которая у него приделана к носу:

— На войну, на войну!

И тотчас выпрыгивали из стола солдаты, солдатский генерал на белом коне и две пушки.

Из-за сундука лез медведюшка, расправлял четыре лапы.

С ящика в углу соскакивала крышка, выезжал оттуда паровоз и на нем две куклы — Танька и Манька, пожарный катил бочку, собачка резиновая нажимала живот и лаяла, собачка, которая потерялась, нюхала пол и скребла задними лапами, лошадь без головы ржала, что ничего не видит, и вместо головы у нее торчал чулок.

А после всех вылезал из-под кровати нянькин башмак и клянчил:

— Каши, каши, каши!

Но его никто не слушал, потому что все бежали к солдатам, которые, как самые храбрые, бросались вперед к пузатому комоду.

А под комодом лежала страшная картинка. На картинке была нарисована рожа с одними руками.

Все смотрели под комод, куклы трусили, но под комодом никто не шевелился, и куклы сказали:

— Только напрасно нас напугали, мы пойдем чай пить.

И вдруг все заметили, что на картинке рожи нет, а рожа притаилась за ножкой комода.

Куклы тотчас упали без чувств, и паровоз увез их под кровать, лошадь встала на дыбы, потом на передние ноги, и из шеи у нее вывалился чулок, собачки притворились, что ищут блох, а генерал отвернулся — так ему стало страшно, и скомандовал остаткам войска:

— В штыки!

Храбрые солдаты кинулись вперед, а рожа выползла навстречу и сделала страшное лицо: волосы у нее стали дыбом, красные глаза завертелись, рот пополз до ушей, и щелкнули в нем желтые зубы.

Солдаты разом воткнули в рожу тридцать штыков, генерал сверху ударил саблей, а сзади хватили в рожу бомбами две пушки.

В дыму ничего не стало видно.

Когда же белое облако поднялось к потолку — на полу в одной куче лежали измятые и растерзанные солдаты, пушки и генерал. А рожа бежала по комнате на руках, перекувыркивалась и скрипела зубами.

Видя это, собачки упали кверху лапами, прося прощения, лошадь брыкалась, нянькин башмак стоял дурак дураком, разиня рот, только пожарный с бочкой ничего не испугался, он был «Красный Крест» — и его не трогали.

— Ну, теперь мой черед,— сказал медведь; сидел он позади всех на полу, а теперь вскочил, разинул рот и на мягких лапах побежал за рожей.

Рожа кинулась под кровать — и медведь под кровать, рожа за горшок — и медведь за горшок.

Рожа выкатилась на середину комнаты, присела, а когда медведь подбежал, подпрыгнула и отгрызла ему лапу.

Завыл медведь и улез за сундук.

Осталась рожа одна; на левую руку оперлась, правой погрозилась и сказала:

— Ну, теперь я примусь и за ребятишек, или уж с няньки начать?

И стала рожа к няньке подкрадываться, но видит — свет на полу, обернулась к окну, а в окне стоял круглый месяц, ясный, страшный, и, не смигнув, глядел на рожу.

И рожа от страха стала пятиться, пятиться прямо на нянькин башмак, а башмак разевал рот все шире и шире.

И когда рожа допятилась, башмак чмокнул и проглотил рожу.

Увидев это, пожарный с бочкой подкатился ко всем раненым и убитым и стал поливать их водой.

От пожарной воды ожили генерал, и солдаты, и пушки, и собаки, и куклы, у медведя зажила лапа, дикая лошадь перестала брыкаться и опять проглотила чулок, а комар слетел с карниза и затрубил отбой.

И все живо прыгнули по местам.

А башмак тоже попросил водицы, но и это не помогло. Башмак потащился к комоду и сказал:

— Уж больно ты, рожа, невкусная.

Понатужился, сплющился, выплюнул рожу и шмыгнул под кровать.

А рожа насилу в картинку влезла и больше из-под комода ни ногой, только иногда по ночам, когда мимо комода медведюшка пробегает или едут на паровозе куклы,— ворочает глазами, пугает.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

Дует ветер, крутится белый снег и наносит его высокими сугробами у каждой избы.

И с каждого сугроба мальчишки на салазках съезжают; повсюду можно кататься мальчишкам, и вниз к речке на ледянке турманом лететь, и скувыркиваться с ометов соломы,— нельзя только заходить за Аверьянову избу, что посередине села.

У Аверьяновой избы намело высоченный сугроб, а на нем кончанские мальчишки стоят и грозятся выпустить красные слюни.

Аверьянову же сыну — Петечке хуже всех: кончанские мальчишки грозятся, а свои кричат: ты кончанский, мы тебе скулы на четыре части расколем, и никто его не принимает играть.

Скучно стало Петечке, и принялся он в сугробе нору копать, чтобы туда залезть одному и сидеть. Долго Петечка прямо копал, потом стал в сторону забираться, а как добрался до стороны, устроил потолок, стены, лежанку, сел и посиживает.

Просвечивает со всех сторон голубой снег, похрустывает, тихо в нем и хорошо. Ни у кого из мальчишек такого дома нет.

Досиделся Петечка, пока мать ужинать позвала, вылез, вход комьями завалил, а после ужина лег на печку под полушубок, серого кота за лапу подтащил и говорит ему на ухо:

— Тебе я вот чего, Вась, расскажу — у меня дом лучше всех, хочешь со мной жить?

Но кот Вась ничего не ответил и, помурлыкав для вида, вывернулся и шмыг под печку — мышей вынюхивать и в подполье — шептаться с домовым.

Наутро Петечка только залез в снежный дом, как слышит — хрустнул снег, потом сбоку полетели комья, и вылез из стенки небольшого роста мужичок в такой рыжей бороде, что одни глаза видны. Отряхнулся мужичок, присел около Петечки и сделал ему козу.

Засмеялся Петечка, просит еще сделать.

— Не могу,— отвечает мужичок,— я домовой, боюсь тебя напугать очень.

— Так я теперь все равно тебя забоялся,— отвечает Петечка.

— Чего меня бояться: я ребятишек жалею; только у вас в избе столько народу, да еще теленок, и дух такой тяжелый — не могу там жить, все время в снегу сижу; а кот Вась давеча мне говорит: Петечка, мол, дом-то какой построил.

— Как же играть будем? — спросил Петечка.

— Я уж не знаю; мне бы поспать охота; я дочку свою кликну, она поиграет, а я вздремну.

Домовой прижал ноздрю да как свистнет... Тогда выскочила из снега румяная девочка, в мышиной шубке, чернобровая, голубоглазая, косичка торчит, мочалкой повязана; засмеялась девочка и за руку поздоровалась.

Домовой на лежанку лег, покряхтел, говорит: «Играйте, ребятишки, только меня в бок не толкайте»,— и тут же захрапел, а домовова дочка говорит шепотом:

— Давай в представленыши играть.

— Давай,— отвечает Петечка.— А это как? Чего-то боязно.

— А ты, Петечка, представляй, будто на тебе красная шелковая рубашка, ты на лавке сидишь и около крендель.

— Вижу,— говорит Петечка и потянулся за кренделем.

— И сидишь ты,— продолжает домовова дочка и сама зажмурилась,— а я избу мету, кот Вась о печку трется,

чисто у нас, и солнышко светит. Вот собрались мы и за грибами в лес побежали, босиком по траве. Дождик как припустится и впереди нас всю траву вымочил, и опять солнышко проглянуло... до леса добежали, а грибов там видимо-невидимо...

— Сколько их,— сказал Петечка и рот разинул,— красные, а вон боровик, а есть — можно? Они не поганые, представленные-то грибы?

— Есть можно; теперь купаться пойдем; катись на боку с косогора; смотри, в реке вода ясная, и на дне рыбу видно.

— А у тебя булавки нет? — спросил Петечка.— Я бы сейчас пескаря на муху поймал...

Но тут домовой проснулся, поблагодарил Петечку и вместе с дочкой обедать улез.

Назавтра опять прибежала домовова дочка, и с Петечкой они придумывали невесть что, где только не побывали, и так играли каждый день.

Но вот преломилась зима, нагнало с востока сырых туч, подул мокрый ветер, ухнули, осели снега, почернел навоз на задворках, прилетели грачи, закружились над голыми еще ветками, и стал подтаивать снежный дом.

Насилу влез туда Петечка, промок даже весь, а домовова дочка не приходит. И принялся Петечка хныкать и тереть кулаками глаза; тогда домовова дочка выглянула из дыры в стенке, пальцы растопырила и говорит:

— Мокрота, ни до чего дотронуться нельзя; теперь мне, Петечка, играть некогда: столько дела — руки отваливаются; да и дом все равно пропал.

Басом заревел Петечка, а домовова дочка плеснула в ладоши и говорит:

— Глупый ты,— вот кто. Весна идет; она лучше всяких представленышей.— Да и кричит домовому: иди, мол, сюда.

— Петечка орет, не унимается.

Домовой сейчас же явился с деревянной лопатой и весь дом раскидал,— от него, говорит, одна сырость,— Петечку за руки взял, побежал на задворки, а там уж рыжий конь стоит; вскочил на коня домовой, Петечку спереди присунул, дочку позади, коня лопатой хлоп, конь скок, и под горку по талому снегу живо до леса домчал.

А в лесу из-под снега студеные ручьи бегут, лезет на волю зеленая трава, раздвигает талые листья; ухают овраги, шумят, как вода; голые еще березы почками покрываются; прибежали зайцы, зимнюю шерсть лапами соскребают, кувыркаются; в синем небе гуси летят...

Домовой Петечку с дочкой ссадил, сам дальше поскакал, а домовова дочка сплела желтенький венок, ладони ко рту приложила и крикнула:

— Ау, русалки, ау, сестрицы-мавки, полно вам спать!

Аукнулось по лесу, и со всех сторон, как весенний гром, откликнулись русалочьи голоса.

— Побежим к мавкам,— говорит домовова дочка,— они тебе красную рубашку дадут, настоящую, не то что в снежном дому.

— Кота бы нам взять,— говорит Петечка.

Смотрит, и кот явился, хвост трубой и глаза воровские горят.

И побежали они втроем в густую чащу к русалкам играть, только не в представленыши, а в настоящие весенние игры: качаться на деревьях, хохотать на весь лес, будить сонных зверей — ежей, барсуков и медведя—и под солнцем на крутом берегу водить веселые хороводы.

ФОФКА

Детскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошие, с пестрыми цветочками.

Но никто недосмотрел,— ни приказчик, который продавал обои, ни мама, которая их купила, ни нянька Анна, ни горничная Варя, ни кухарка Паша, словом никто, ни один человек, недосмотрел вот чего.

Маляр приклеил на самом верху, вдоль всего карниза, широкую бумажную полосу. На полосе были нарисованы пять сидящих собак и посредине их — желтый цыпленок с пумпушкой на хвосте. Рядом опять сидящие кружком пять собачек и цыпленок. Рядом опять собачки и цыпленок с пумпушкой. И так вдоль всей комнаты под потолком сидели пять собачек и цыпленок, пять собачек и цыпленок...

Маляр наклеил полосу, слез с лестницы и сказал:

— Ну-ну!

Но сказал это так, что это было не просто «ну-ну», а что-то похуже. Да и маляр был необыкновенный маляр, до того замазанный мелом и разными красками, что трудно было разобрать — молодой он или старый, хороший он человек или плохой человек.

Маляр взял лестницу, протопал тяжелыми сапогами по коридору и пропал через черный ход,— только его и видели.

А потом и оказалось: мама никогда такой полосы с собаками и цыплятами не покупала.

Но — делать нечего. Мама пришла в детскую и сказала:

— Ну, что же, очень мило — собачки и цыпленок,— и велела детям ложиться спать.

Нас, детей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Зина мне и говорит:

— Знаешь что? А цыпленка зовут Фофка.

Я спрашиваю:

— Как Фофка?

— А вот так, сам увидишь.

Мы долго не могли заснуть. Вдруг Зина шепчет:

— У тебя глаза открытые?

— Нет, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я навострил оба уха, слышу — потрескивает где-то, попискивает. Открыл в одном глазу щелку, смотрю — лампадка мигает, а по стене бегают тени, как мячики. В это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчас же залезла ко мне под одеяло, закрылись мы с головой. Она и говорит:

— Фофка все масло в лампадке выпил.

Я спрашиваю:

— А шарики зачем по стене прыгали?

— Это Фофка от собак убегал, слава богу они его поймали.

Наутро проснулись мы, смотрим — лампадка совсем пустая, а наверху, в одном месте, около Фофкиного клюва — масляная капля.

Мы сейчас же все это рассказали маме, она ничему не поверила, засмеялась. Кухарка Домна засмеялась, горничная Маша засмеялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечером Зина мне опять говорит:

— Ты видел, как нянька покачала головой?

— Видел.

— Что-то будет? Нянька не такой человек, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь, зачем у нас Фофка появился? В наказанье за наши с тобой шалости. Вот почему нянька головой качала. Давай-ка лучше припомним все шалости, а то будет еще хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, как мы на даче взяли гнилую доску и положили через ручей? Шел портной в очках, мы кричим: «Идите, пожалуйста, через доску, здесь ближе». Доска сломалась, и портной упал в воду. А потом Домна ему живот утюгом гладила, потому что он чихал.

Зина отвечает:

— Неправда, этого не было, это мы читали, это сделали Макс и Мориц.

Я говорю:

— Ни в одной книжке про такую гадкую шалость не напишут. Это мы сами сделали.

Тогда Зина села ко мне на кровать, поджала губы и сказала противным голосом:

— А я говорю: напишут, а я говорю: в книжке, а я говорю: ты по ночам рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не мог. Мы сейчас же поссорились. Вдруг кто-то цапнул страшно больно меня за нос. Смотрю, и Зина за нос держится.

— Ты что? — спрашиваю Зину. И она отвечает мне шепотом:

— Фофка. Это он клюнул.

Тогда мы поняли, что нам не будет от Фофки житья.

Зина сейчас же заревела. Я подождал и тоже заревел. Пришла нянька, развела нас по постелям, сказала, что если мы не заснем сию же минуту, то Фофка отклюет нам весь нос до самой щеки.

На другой день мы забрались в коридоре за шкаф. Зина говорит:

— С Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, как нам избавиться от Фофки. У Зины были деньги — на переводные картинки. Решили купить кнопок. Отпросились гулять и прямо побежали в магазин «Пчела». Там двое гимназистов приготовительного класса покупали картинки для наклеиванья. Целая куча этих замечательных картинок лежала на прилавке, и сама госпожа «Пчела», с подвязанной щекой, любовалась, жалея с ними расстаться. И все-таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопок на все тридцать копеек.

Потом вернулись домой, подождали, когда отец и мама уйдут со двора, прокрались в кабинет, где стояла деревянная лакированная лестница от библиотеки, и притащили лестницу в детскую.

Зина взяла коробочку с кнопками, залезла на лестницу под самый потолок и сказала:

— Повторяй за мной: я с моим братом Никитой даем честное слово никогда не шалить, а если мы будем шалить, то не очень, а если даже очень будем шалить, то сами потребуем, чтобы нам не давали сладкого ни за обедом, ни за ужином, ни в четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чур, чур, пропади!

И когда мы сказали это оба громко в один голос, Зина приколола Фофку кнопкой к стене. И так приколола быстро и ловко,— не пикнул, ногой не дрыгнул. Всех было шестнадцать Фофок, и всех приколола кнопками Зина, а собачкам — каждой — носик помазала вареньем.

С тех пор Фофка нам больше не страшен. Хотя вчера поздно вечером на потолке началась было возня, писк и царапанье, но мы с Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое-какие кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

КОТ СМЕТАННЫЙ РОТ

Кот на печке. Кот, ты спишь?
Кот устал, не слышит.
Из-под печки лезет мышь,
Трусит — еле дышит.
    Видит кот приятный сон:
    На скамейке, у окон —
    Из большого чана
    Льет сметана...
Тут и сливки,— целый пруд...
Лижет кот и там и тут,
Съесть все это хочет,
Лапы мочит.
    Мышь смекнула: дремлет вор
    Будет нам раздолье!
    «Эй, скорей, из темных нор,
    Мыши, из подполья!»
На разбой идут ночной,—
Шмыг да шмыг по лавке.
Лапу маленькой одной
Отдавили в давке.
    Месяц светит сквозь стекло.
    Кот храпит беззубый.
    Мыши кутаны тепло
    В серенькие шубы.
Утащили под кровать,
Обглодали свечку.

Говорят: «Пойдем кусать
Нос коту на печку».
    А уж кот в приятном сне
    Лижет ус сметанный.
    Вдруг он видит — мышь на дне
    Случай очень странный!
Прыгнул кот что было сил,
Слюни даже проглотил:
«Вот такой-то ужин
Нам, котам, и нужен!»
    Облизнулся,
    Потянулся...
    Мышь кота за морду — хвать,
    И в сметану — прыг опять...
    Вздрогнул кот, проснулся...
Дыбом шерсть, глаза горят, —
Ни сметаны, ни мышат.
Свет в избе потушен,
Нос горит, укушен.
    Верно,— думает,— блоха...
    А в подполье: «Ха-ха-ха!
    Будешь помнить, котофей,
    Как ловить во сне мышей,
    Пропадет охота,
    То-то...»

КАК НИ В ЧЕМ НЕ БЫВАЛО

ДВА БРАТА

Жили два брата — Никита и Митя.

Никита был не совсем еще большой, но и не маленький. Он читал книги с приключениями.

Когда он читал эти книги с приключениями, то садился под стол, поджимал ноги по-турецки и затыкал уши указательными пальцами. Или он забирался в другие места, где обыкновенному человеку не понравилось бы читать книги с приключениями.

Он находил, что так ему удобнее.

Иногда он собирал спичечные коробки и делал из них автомобили и лодки. К несчастью, эти лодки скоро раскисали в воде, и это было главным недостатком лодок из спичечных коробок.

Иногда он бегал страшно быстро по коридору, вероятно, со скоростью сорока пяти километров в час. Бывало, кухарка несет блюдо с котлетами, вдруг мимо нее что-то пролетает, как ветер. Кухарка не успеет моргнуть,— ай, ах! — и блюдо и котлеты летят на пол.

Никиту часто и громко ругали за беганье по коридору.

Но так как голова у него была полна прочитанными приключениями, то он не обижался на мелочи, говоря страшно быстро:

— Прости, прости, мамочка, я не буду.

И продолжал бегать со скоростью сорока пяти километров в час.

У Никиты были горохового цвета брови и ресницы, стриженая голова и уши такие тонкие, что после мытья их горячей водой они некоторое время висели, как тряпочки.

Второй брат, Митя, был еще малыш и карапуз.

Он жил тоже самостоятельной жизнью, что бы там про него ни говорили.

Когда он хотел пить, он говорил:

— Дигн, дигн.

Пауков, которые попадали в квартиру вместе с дровами, он называл:

— Носсе.

Это вовсе не значило, что он не умел говорить. Он разговаривал очень, очень хорошо. Но только деревянную лошадь называл «вевит», собаку — «авава», а плюшевого медведя — «патапум».

Так Митя лучше понимал, и лошадь, собака, медведь, пауки лучше понимали.

Митя был очень работящий. Он всегда что-нибудь делал. Или молча и старательно размазывал себе по лицу черничный кисель, или вымазывался молочными пенками.

Или, взяв стул, он возил его по всем комнатам, отчего происходил страшный шум. Но Митя не обращал внимания на страдания взрослых.

Он любил подметать пол веником. Или на кухне брал котлетную колотушку и колотил ею в медный таз, что также производило большой шум.

Он очень любил рисовать, и у него был несомненный талант к живописи.

Он рисовал догадки и напрямки. Это были очень интересные вещи. Например:

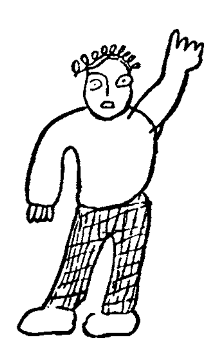
Это была догадка.

А это:

напрямка.

Они рисовались в разных местах на листе бумаги. Но если быстро посмотреть на догадку, а потом быстро посмотреть на напрямку, то получался обыкновенный человек:

Никита и Митя очень любили друг друга и часто возились, как щенята, на полу среди игрушек.

ОТЕЦ И МАТЬ

Отец Никиты и Мити каждый день уходил на службу. Мать тоже часто уходила по делам. Ростом отец и мать были с буфет, и оттого, что оба так высоко выросли, многое интересное шло у них мимо носа.

Сколько раз им предлагали — лечь на пол и смотреть под шкаф.

Дело в том, что под шкафом жили: козявка с пятнышками, две мокрицы и голодный паучок Нооссе— скучноватое животное.

Временно под шкафом появлялись: черный таракан и веселый мышонок, который грыз сахар и катал шахмату.

Там же водились: обыкновенная пробка, дохлые мухи, пыль, похожая на вату, и оловянный солдат, которого никак нельзя было достать оттуда.

На предложение, лечь на пол и глядеть на эти прекрасные вещи, мать отвечала с досадой:

— Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того руки отваливаются.

Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал — когда у нее начнут отваливаться руки.

На отца Никита и Митя давно махнули рукой. Отец был добрый человек, но не умел играть ни во что. Разве — посадит Митю на колено:

— Ну, давай, малыш, поскачем. Хоп, хоп...

Мите было тряско на жесткой коленке. Того и гляди упадешь, и совсем не похоже на лошадь.

А если играть по-настоящему:

> Никита на щетке, Митька на венике,— галопом по коридору, да кругом стола, да брыкать, заржать, завизжать — «ииииигогогогогогого!»

Отец швырнет газету, зажмет уши, закрутит головой:

— Пощадите мои уши, я уйду из этого дома...

В свободное от службы время родители занимались воспитанием.

Во время обеда каждый раз говорилось одно и то же:

— Никита, изволь есть лапшу, иначе ты уйдешь в темную комнату!

— Митя, перестань стучать ложкой по тарелке!

— Дети, не чавкайте, вы не поросята!

— Дети, перестаньте надуваться водой, когда на столе молоко!

Никита делал старое лицо, потому что лапша не лезла в живот. Тёмной комнаты он не боялся,— ее в квар-

тире даже и не было. Но попробуйте-ка не есть лапши, когда два человека, каждый ростом с буфет, глядят тебе в рот и повторяют:

— Ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь!

В это время Митька вдруг хватал ложкой по кувшину так, что отец и мать подскакивали.

Митю сейчас же шлепали по рукам. Он сопел, молчал. А Никита, будто бы доев лапшу, бежал с тарелкой на кухню со скоростью сорока пяти километров в час.

Однажды Никите здорово попало:

> Он прочел похождения Макса и Морица. Он сразу понял, что это замечательная книга. Он рассказал Митьке об этой книге. Митя слушал, сопел и на все согласился. Рано утром Никита налил воды во все калоши. Он вымазался сажей и вымазал Митьку. Они на четвереньках побежали на кухню и страшно напугали кухарку.
>
> Они протянули веревочки поперек коридора, чтобы все спотыкались. Они наложили в чайник, который уже стоял на самоваре, картофельной шелухи. В это утро они сделали много удивительных шалостей...

Да, да, Митька был наказан легче, Никита был наказан серьезнее, как зачинщик. Да, да, в это утро обоим попало. После того как им попало и мать и отец ушли на службу, Никита сказал Мите:

— На родителей-то много не рассчитывай, Митька: надо самому себя воспитывать.

БРАТЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТЯМ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМ

— Скажи ты мне, малыш и карапуз...

Так однажды сказал Никита, бросив на пол книгу с приключениями. Он засунул руки в карманы. Он прищурился, что совершенно необходимо, когда человек решается на какой-либо отважный поступок...

— Скажи мне, малыш и карапуз,— ты мущина, или ты какая-нибудь сластена, плакса, девчонка?

— Я мущина,— не задумываясь, ответил Митя.

Он сидел на полу и ремонтировал паровоз, который почему-то сломался.

Дети! Если у вас есть паровоз,— не чините его до тех пор, покуда он не сломается. Если же он будет сломан, то ремонтируйте его умеючи. Не нужно совать внутрь паровоза посторонних вещей, нельзя приклеивать трубу слюнями, потому что слюни клеят не прочно. И, главное, берегите колеса, не делайте их четырехугольными...

Такой паровоз называется сломанным паровозом.

После Митиного ответа Никита пошевелил кожей на голове.

— Молодец! — сказал он.— Другого ответа я от тебя и не ждал: сразу видно, что ты мой брат. Знаешь что, надоело сидеть дома. Едем путешествовать!

— Мы куда поедем путешествовать? В зоологический сад? — спросил Митя.

— Нет, я терпеть не могу зверей в клетках. С тигром, с бешеным слоном, с разъяренным носорогом и с голодным удавом нужно встречаться на свободе.

Так сказал Никита и выпятил челюсть.

Митя задышал и тоже выпятил челюсть. Им обоим представились дикие животные в диких лесах.

Вот то, что им представилось. Но это не имеет никакого значения: будем думать, что они по-настоящему попали в какой-то огромный лес, населенный удавами, львами, носорогами, крокодилами, пауками и множеством маленьких обезьян...

Никита очень быстро совершил несколько мужественных подвигов.

Он ловко увернулся от носорога, который вонзил нос в баобаб и так и остался.

Он ловко засунул крокодилу палку в рот поперек, и крокодил так и остался.

Он ловко связал целой куче обезьян хвосты в один узел,— вот была потеха!

Льву он набил полны глаза песком, а удаву дал проглотить вместо себя старое, драное кресло, которым удав сразу же подавился.

Митя для борьбы с чудовищами был мал. Он струсил и сейчас же очутился у себя в комнате. Никита, покончив в это время с бешеным слоном, выскочил из фантастических лесов и тоже очутился в комнате рядом с Митей...

— Значит, едем, Митька! — сказал он.— Подымай паруса!

Митя оглянулся: про какие паруса говорит Никита? И спросил:

— Мы поедем на лодке?

— Не глупо сказано, малыш,— поедем на лодке. Собирайся. Ничего лишнего. Возьмешь с собою одеяло, оружие и бутылку молока.

— А мячик взять можно? — спросил Митя.

— Нельзя.

— А лопатку и ведерко можно взять?

— Нельзя.

— А человека с тачкой, который заводится,— тоже нельзя?

— Нельзя. Молчи, не спрашивай, иначе останешься дома.

— А медведя мы возьмем? Он плюшевый,— спросил Митя.

Но Никита уже не отвечал на глупые вопросы. Не теряя времени, он готовился к отъезду. Он похитил из кухни сумку для провизии. Он положил туда два байковых одеяла.

Всем известно, что путешественники и североамериканские индейцы шагу не ступят без байкового одеяла.

Он положил в сумку английский ключ от двери, два яблока, соли в бумажке, кусок ситного хлеба, Митькину бутылку с молоком, запас пистонов для ружья, пучок стрел, умело отравленных при помощи макания в грязное ведро на кухне, два запасных меча и много, много сахару, насыпанного из сахарницы в чулок.

Никита стащил со своей постели простыню. Вывернул палку из половой щетки. Привязал к этой палке, к двум концам, простыню,— получился превосходный парус.

Затем Никита и Митя вооружились с головы до ног.

Никита взял сумку, Митя парус, и, крадучись, припадая к полу при каждом подозрительном шуме, они пробрались на лестницу, захлопнули за собой дверь на английский замок и горохом скатились вниз.

Они выбежали на набережную реки Ждановки, где у Тучкова моста стояла маленькая лодочная пристань. В это время к ним подошел цыган.

ЦЫГАН

Этот цыган был не настоящий цыган,— черный, бородатый, с серьгами в ушах, с медным котлом за плечами.

Этот Цыган была собака. Он сунул Мите в щеку холодный нос. Поднял лапу и подал ее Никите, после чего вежливо улыбнулся.

Цыган была серая, худая и очень добрая собака, большой друг Никиты и Мити, и такая умная, что про нее один мальчик со Ждановки рассказывал, будто она умеет даже говорить по-русски, но не всегда, а когда захочет.

Однажды вечером Цыган сидел с этим мальчиком на берегу реки Ждановки и вдруг взял да и рассказал историю своей жизни.

«Я родился на Крестовском острове, рано лишился матери, и детство мое было очень плачевно.

Мальчишки таскали меня за хвост, драли за уши и кидали в пруд, чтобы я научился плавать. Кошки фыркали мне в морду и царапали когтями. Куры ужасно больно клевали меня, когда, бывало, подберешься ухватить из куриного корыта кусочек.

Но я рос, и характер мой от этих испытаний закалялся. Одно время попал я на плохую дорожку: Бровка, дрянная собачонка, подговорила заняться налетами на лавки с продуктами питания.

Слов нет,— стащишь с прилавка баранинки или вареную колбасу и так плотно покушаешь — хвостом лень муху отогнать. Но в одном кооперативе угостили меня гирей, в другом — мясники-приказчики отрубили часть хвоста и грозились в другой раз поймать — смолоть меня на краковскую колбасу. Нет, хлебнул я горя с этими налетами.

Спустили на нас на одном дворе собаку, ростом с теленка. От Бровки только шерсть полетела. Я с разодранными ушами кое-как унес ноги. «Довольно грабежей»,— сказал я сам себе. И поступил в батраки к одному хозяину — бегать, гавкать по ночам на цепи. Сидишь около будки: «Э-хе-хе, скука, зря жизнь проходит, продал Цыган себя за ведро помоев... А провались, думаю, этот хозяин со своим добром, пускай сам сидит в будке...»

Ушел я от него и заголодал. Неорганизованная наша жизнь собачья, пробиваемся в одиночку. Лежу я однажды на солнышке в саду, даже тошнит — есть хочется. Вдруг подходят ко мне Никита и Митя, жалеют меня, гладят, дают булочку. Не забуду этой минуты. Булочку я проглотил не жуя и в благодарность походил перед мальчиками на задних лапах. С тех пор я — счастливый бродяга. Промышляю художеством среди детского населения: с доброй мордой подбегаю к детям, лаю, перекувыркиваюсь, верчусь, ловлю свой хвост. Даже самому смешно. А увижу няньку — начинаю глядеть на нее грустно, со слезой, покуда она не поймет, что собака голодная.

Вот и все мое скромное жизнеописание».

Итак, это знаменитый Цыган подбежал к Никите и Мите в то время, когда они присматривали — какую им выбрать лодку для путешествия.

Из домика на плоту вышел караульщик лодок, старый водяной человек с густой бородой и в ватном жилете.

Его звали Панкрат Иваныч Ершов-Карасев. Он был хороший знакомый Никиты.

— Лодку хотите? А вот я вам лодку дам, а вы возь-

мете и потонете, и лодка моя пропадет,— сказал Панкрат Иваныч Ершов-Карасев таким простуженным басом, что Митя попятился и сел на траву, а Цыган зарычал.

Но Никита не растерялся. Он вынул из спичечной коробки 65 копеек и протянул их лодочнику, обещаясь под честным словом не тонуть и лодки не терять.

Панкрат Иваныч долго сопел трубкой, чесал бороду, чесал себе под ватным жилетом, наконец согласился и вынес из домика на плоту два весла.

Лодочка, на которую он указал Никите, была внутри желтая, снаружи зеленая, с красной каймой. Звалась она «Воробей».

В лодку погрузили пледы, оружие, парус и провизию, Никита сел на весла, Митя на корму за руль. Панкрат Иваныч Ершов-Карасев вынул трубку изо рта и закричал басом:

— Отчаливай, команда!

В это время в лодку прыгнул Цыган и сел посредине, улыбаясь во всю свою собачью морду.

— Молодец, Цыган! — сказал Никита.— Едем с нами.

Он ударил в весла. «Воробей» отделился от пристани и поплыл с тремя путешественниками вниз по тихой реке Ждановке мимо зеленых и низких берегов.

БИТВА С ДИКАРЯМИ

По левому берегу Ждановки тянется высокий липовый парк, называемый Петровским. У самой воды растут старые, тенистые ивы.

«Воробей» тихо скользил по течению. Солнце взошло уже на полдень. Было жарко, и Никита держал курс ближе к левому берегу, под тенью ив.

Позади остались: строящийся огромный стадион для олимпийских игр, белые палатки лагерей военной школы и старенькая усадебка сторожа, где бродили куры и поросенок терся о корыто.

Вот к озеру, в глубь парка, рысью провели купать двух дюжих лошадей.

Вот паслась коза на веревке, и беленький козленок, поднявшись передними ножками на дерево, силился ущипнуть листочек.

Вот прошли со знаменем и барабаном, голые по пояс, маленькие пионеры.

Вот высоко на дерево взобрался коричневый человек, болтнул ногами в воздухе, бухнулся в Ждановку и поплыл.

Вот между деревьями появились мальчишки. Они кривлялись, высовывали языки, размахивали палками и дико приплясывали.

Никита сразу понял, что это дикари. Цыган зарычал, Митя выпятил челюсть.

— Эй, вы, в лодке! подчаливай к берегу, уши вам надерем! — закричали дикари, чернокожие черти.

> Всем известно, что лучше вступить в смертный бой с дикими, чем отдаться им живьем. Так говорят и пишут все знаменитые путешественники.

— Подъезжайте, мы вас бить будем! — кричали они, кучей подбегая к берегу.

— Козявки, пузыри несчастные! От земли не видно, а туда же — на лодке! Подгребай к берегу! — наводя ужас, визжали дикари.

Цыган ощетинился и залаял. Митя все дальше выпячивал нижнюю губу,— дальше уже было некуда, оставалось только зареветь.

Трое, четверо, пятеро дикарей вошли в воду по пояс, стараясь зацепить лодку палками. Положение путешественников казалось отчаянным и почти безнадежным.

Тогда Никита бросил весла и схватил старый, испытанный лук.

> Боевой лук делать нужно так: срежьте ивовый прут. Очистите его от коры. Высушите. На концах надрежьте перочинным ножом зарубки. Согнув прут, привяжите к концам тетиву, то есть прочную бечевку, а лучше бычью струну. Вот и все.
>
> Из такого лука первый человек убил первого мамонта.

Хитрый грек Парис выстрелил с троянской башни Ахиллесу в Ахиллесову пяту.

Илья Муромец поразил знаменитого бандита и налетчика Соловья Разбойника, сидевшего на семи дубах.

Веселые англичане вдребезги разбили веселых французов в битве под Кресси, пронзая рыцарей сквозь латы вместе с конем.

Итак, Никита схватил это страшное оружие, выдернул из-за пояса отравленную стрелу, наложил на тетиву, откинулся, чтобы изо всей силы растянуть лук, и выстрелил в дикаря, подбиравшегося к самой лодке.

Отравленная в кухонном ведре стрела попала дикарю прямо в живот.

— Эх ты, леший! — крикнул дикарь и сейчас же повернул к берегу.

Митька в то же время пронзительно-нестерпимо завизжал...

Он один умел так визжать и не раз бывал за этот уховертный визг наказан.

Цыган бешено лаял, раскачивая лапами лодку.

Никита схватил вторую стрелу и, нацелившись в дикаря, который как раз собирался лезть в воду,— попал ему в незащищенное место, находящееся ниже спины.

— Ай, ай! — закричал несчастный дикарь.

Третья, четвертая и пятая стрелы, полетели в кучу кривляющихся на берегу диких чертей. Они завыли и под тучей стрел стали отступать.

Один из них, самый маленький и без штанов, лег на живот и заревел:

— Маааaама!

Лодку в это время отнесло течением от места битвы. Никита положил лук. Уши у него были все еще красные, как ломтики помидора.

Путешественники были спасены.

Нужно твердо помнить, что путешественники всегда от одной опасности переходят к другой. Нет ничего приятнее, как преодолевать опасность и смело плыть навстречу новым приключениям.

Торопиться было некуда. Никита положил весла, и «Воробей» все плыл да плыл вниз по Ждановке мимо лесопильных заводов, заборов и рыбаков.

Рыбаки стояли кто на мосту, кто пристроился на сваях, кто уселся — носом в коленки — на траве.

Наденут червяка на крючок, поплюют, чтобы червяку было бодрее, закинут удочку и глядят на поплавок.

А ерш, или окунь, или плотва глядят на рыбака из-под воды. Вся хитрость рыбу удить в том — кто кого пересидит: рыбак рыбу или рыба рыбака.

Иной окунь глядит, глядит на червяка,— слюни текут, а схватить — опасно: попадешь на крючок.Но голод не тетка: «Авось как-нибудь сорву»,— подумает окунь, цап! — и попался.

А иной ерш, старый, бывалый, самая хитрая рыба,— начнет рыбака мучить. Схватит губами червяка за хвост и дергает. Рыбак: на-ка,— думает,— клюнь еще, клюнь, голубчик, клюнь, сердешный...

А ерш, подлец, возьмет да и заведет крючок на дне речки за какой-нибудь старый башмак, или калошу, или дохлую кошку.

И вытаскивает рыбак, вместо рыбы, такую мокрую гадость, что все кругом покатываются от смеха.

Один Митя в лодке находил, что рыбу удить приятно. Никита и Цыган относились с презрением к этому занятию. Но Митя, как уже известно, любил посидеть спокойно, подумать не спеша, посопеть носом.

Он просил Никиту пристать к берегу, половить рыбу. В лодке произошел спор между путешественниками. Никита кричал морские проклятия:

— Ты, Митька, старый, гнилой кашалот, замолчи, иначе я заткну тебе горло бутылкой от рома.

Митя уже выпячивал до последней возможности нижнюю губу. Но в это время подул ветерок, зарябил воду, и Никита стал налаживать парус.

Никита вставил в гнездо под передней скамейкой небольшую мачту. На верху мачты находилось колесико,— на морском языке оно называется *шкив*. Через шкив он перекинул веревку,— на морском языке она называется *фал*.

Помните раз и навсегда — в морском деле не было и не существует слово «веревка». На корабле есть *ванты*, есть *фалы*, есть *шкоты*, есть канаты якорные и причальные. Самая обыкновенная веревочка на корабле называется *конец*.

Но если вы в открытом море скажете «веревка» — вас молча выбросят за борт, как безнадежно сухопутного человека.

К фалу был привязан парус, сделанный из простыни и щеточной палки,— все же на морском языке такой парус называется *марсель*. А палка от половой щетки — *рея*.

Другой конец фала, называемый *шкот*, Никита держал в руке.

— Выбирай фалы, подымай марселя, ложись на правый галс, крепи шкоты! — закричал Никита морским, соленым голосом.

Парус поднялся. Ветер наполнил его. «Воробей» накренился и все быстрее и быстрее заскользил мимо рыбаков, заборов, лодок к устью Ждановки, впадающей у лесопильного завода в Малую Невку.

Здесь началась качка. Волна била в борт. «Воробей» стал нырять, зарываться носом и, как стрела, полетел через Малую Невку к Крестовскому острову.

В лицо било брызгами, посвистывал ветер. Митя тихо шипел от восторга.

У самого острова, у камышей, Никита сделал поворот. Парус плеснуло.

И вдруг — сильный толчок, раздался треск,— лодка ударилась носом в зеленую сваю.

Митины ноги болтнулись в воздухе, и он клубочком перелетел за борт лодки в воду.

ЦЫГАН ПОКАЗЫВАЕТ СВОЙ ГЛАВНЫЙ ФОКУС

У себя в детской можно смело и безопасно переживать самые страшные кораблекрушения. Единственная неприятность — это: растворяется дверь и вбегают отец с газетой и мать, схватившаяся за голову:

— Тише, дети!

Но в настоящей лодке на настоящей воде плавать не так просто.

Вода опасна и коварна. Моряк должен быть всегда настороже, начеку.

От моряка прежде всего требуется:

мужество
быстрота соображения
и *хладнокровие.*

Итак, авария на «Воробье» произошла мгновенно. Вы не успели бы сосчитать до трех,— лодка с налета ударилась в сваю, Митя упал за борт. Перед Никитой мелькнули испуганные глаза, Митины руки, ноги, светлые волосы,— все это кубарем полетело в воду.

У Никиты остановилось дыхание. В ту же секунду он вскочил. Никита был смелый мальчик.

Из него вышел бы неплохой моряк. У него было мужество, быстрота соображения и хладнокровие.

Он увидел Митю в пяти шагах от лодки. При падении Митя погрузился, но затем, барахтаясь, вынырнул на поверхность. Его уносило течением.

— Никита! — долетел его слабый голос.

Никита большим прыжком кинулся в речку.

Он также ушел под воду и сейчас же вынырнул. Митю снова отнесло шагов на пять. Никита хорошо держался, но плавал не быстро. Он не знал еще приема — плыть саженками, когда работают все мускулы, вынося тело пловца почти на поверхность. Напрягая силы, он закричал:

— Держись, держись... Еще немножко...

А Митя барахтался все слабее. Вот голова его ушла под воду. Опять показалась.

И в это время мимо Никиты, фыркая и шлепая лапами, проплыл Цыган.

Он плыл так, точно в нем работал мотор. Митина голова опять исчезла, над водой показались одни его растопыренные пальцы. И тогда Цыган, нырнув, схватил Митю за шею, за рубашку и поплыл с ним к берегу.

Вот он уже у камышей. Вот он с трудом вылезает на

берег, таща в зубах Митю. Вытащил, положил на траву и, болтая ушами, отряхнулся,— брызги полетели с него во все стороны.

Отряхнувшись, Цыган снова вошел в реку и поплыл к Никите. Это было сделано вовремя. Никита начал слабеть. Цыган, подплывая, глядел ему в глаза умным, серьезным взглядом,— будто хотел сказать:

«Не робей, не теряйся, не делай лишних движений, хватайся крепче за меня...»

Никита понял. Когда Цыган подплыл, он схватился ему за кожу на шее. Сразу стало легче держаться, и мальчик и собака повернули к берегу, где сидел Митька, несчастный и мокрый, выплевывая воду.

Так Цыган показал свой самый лучший в жизни фокус.

НАПАДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ

Митя понимал, что плакать сейчас было бы неуместно, но сами губы у него складывались сковородником. Он страшно сопел.

У Никиты гудело во всем теле от усталости. Не было силы даже расшнуровать башмаки.

Раньше всех пришел в хорошее настроение Цыган. Он основательно вытряхнулся и сейчас ползал то на одном боку, то на другом, вытираясь о траву досуха.

За особыми выражениями благодарности Цыган, видимо, не гонялся.

Вдруг Никита вскочил и крикнул отчаянно:

— Лодка!!!

Лодки не было ни у берега, ни на реке. У Никиты стало сразу старое лицо.

«Погибло оружие, провизия, пледы... А что скажет Панкрат Иваныч Ершов-Карасев?»

Никита побежал вдоль берега. Завернул за лесок. «Воробей» исчез бесследно.

Да, да — приходилось утешаться тем, что с путешественниками бывают приключения и похуже этого.

Как вам понравится, например, после кораблекрушения попасть на коралловый остров, где вы шесть месяцев будете питаться одними склизкими ракушками? Брррр!

Или вы на обломке мачты несетесь по морю, кишащему акулами. В руке у вас кинжал, которым вы распарываете брюхо дерзким чудовищам.

Я уже не буду напоминать о всех надоевших случаях, когда путешественника привязывают к раскрашенному столбу и скачут у него перед носом, отвратительно размахивая ножами и томогавками...

Подобные воспоминания вернули Никите мужество, быстроту соображения и хладнокровие. Он повернул обратно, к своим. И в это время услышал злобный лай Цыгана и крик Мити:

— Ай, ай, беда, беда!..

Никита выбежал из леска и увидел картину, от которой у него уши вспыхнули, как ломтики помидора.

Митя стоял и махал руками так, точно его облепили мошки. Около него, ощетинившись, лаял Цыган.

Справа на них набегало стадо гусей. Они вытягивали шеи и зловеще шипели. Слева рысью подходил пегий теленок, весь вид его не предвещал ничего доброго. А в лоб наступал старый, грязный, бородатый козел.

Враги подавляли численностью. Положение путешественников становилось отчаянным.

У Никиты покраснели уши. Но это было не от страха, нет,— у храбрых мальчиков уши краснеют от желания подраться. Никита схватил попавшийся под ноги сучок. Никита крикнул страшный боевой клич:

— Даешь козла, даешь пегого теленка, даешь гусей!..

И, размахивая сучком, побежал с тылу на зверей.

Под этим натиском гуси подались, шипя еще более зловеще. Пегий теленок остановился и, в недоумении размахивая хвостом, глядел глазами в разные стороны.

Но хитрый козел, бородатый бездельник,— не такое было животное, чтобы легко отказаться от удовольствия

забодать маленького мальчишку. Козлиные бока видывали сучки и покрепче Никитиного.

Козел живо повернулся на задних копытцах, нагнул рога и бросился на Никиту.

Никита отскочил, увернулся и ударил козла так, что сучок разлетелся на куски. Козел снова пошел в атаку, и вертелся, и крутился около Никиты, справа и слева, грозил рогами, и наконец с наскоку боднул его под зад.

Никита упал. Козлу только того и было нужно. Он стал в двух шагах, бороду опустил до земли,— глаза белые, в точках,— и закричал гнусно, издевательски:

— Побббэээээээээээээда!

В то же время гуси снова начали наступать на Митю, а теленок, скача и бодаясь, занялся Цыганом.

Не отделались бы дешево путешественники от этой беды. Но вдруг раздался резкий, дробный треск. И на поле битвы появился барабанщик.

БАРАБАНЩИК

Это был стройный мальчик, голый до пояса, коричневого цвета, через плечо у него на широком ремне висел барабан.

Барабанщик бил тревогу. Губы у него были поджаты. Лицо выражало решимость. Гуси изумились и снова стали отступать. Теленок вдруг невероятно глупо замычал, взмахнул хвостом и поскакал телячьим галопом кругом поля битвы.

Козел оставил Никиту и пошел на барабанщика. Но барабанщик продолжал все так же спокойно и резко бить тревогу. Из леса, бегом через поле, подходила подмога— трое таких же, как он, загорелых мальчиков.

Они схватили козла за рога и всыпали ему по бокам ременным поясом:

— Не бодайся.

Затем они отогнали гусей, а теленок сам ускакал, задирая хвост, на чужие огороды.

Покончив со зверями, мальчики подошли к Никите и Мите. Барабанщик спросил:

— Вы откуда, товарищи?

— Мы со Ждановки,— ответил Никита,— мы путешественники.

— Э, да вы оба славно искупались. Это не ваша ли лодка плыла сейчас к Петровскому мосту?

— Зеленая? с красной каймой? «Воробей»,— самая наша лодка!

— Ладно,— сказал барабанщик,— идемте с нами в лагерь.

И все — барабанщик и трое мальчиков, Никита с Митей за руку и сзади Цыган — пошли через поле в лагерь пионеров. По дороге Никита рассказал подробно все приключения.

НИКИТА И МИТЯ СУШАТСЯ У КОСТРА

Лагерь на лесной поляне был почти пуст. Около палатки на траве сидел мальчик, поджав ноги, и читал книгу. Другой мальчик — караульный, — неподвижно стоял у красного знамени под деревом. Третий возился у костра, где над огнем на треноге висел котел. Шумели деревья в синем небе над поляной.

Барабанщик объяснил, что пионеры сейчас разбрелись,— кто на земляных работах, кто купается, кто занимается тренировкой в беге, прыганье и бросанье диска. Скоро они станут подтягиваться в лагерь есть картошку.

Барабанщик указал Никите и Мите место у огня и посоветовал раздеться донага и высушить одежду и обувь. Так и было сделано.

У костра было очень славно сидеть,— попахивало дымком и варевом из котла.

После всего пережитого у Никиты сосал голодный червячок в животе. Митька молча глотал слюни. Цыган, положив морду на лапы, глядел на котел.

Мальчик, хлопотавший у костра, вытащил из золы три большие картофелины. Две из них разломил, дуя на пальцы, густо посолил и подал Мите и Никите.

— Такой картошки вы сроду не едали,— сказал мальчик с уверенностью. Третью картофелину он бросил Цыгану.

Нет слов для описания удивительного вкуса картошки, которую Никита, Митя и Цыган ели у костра пионеров. У Мити выпятился живот в виде горбушки.

Попробуйте сами, тогда поймете, что это за картошка.

Наконец барабанщик сказал:

— Одежда просохла, одевайтесь, а то домой запоздаете,— вам отец, мать всыпят.

И он сказал двум мальчикам:

— Малышей надо проводить.

Оба мальчика вскочили, и каждый из них ответил:

— Готов!

Барабанщик опять надел через плечо барабан, и все пошли быстрым шагом к Петровскому мосту.

По пути Никита видел, как один пионер прыгал с высоким шестом.

Трое бежали вперегонки.

Другие тренировались футбольным мячом, кувыркаясь в траву и хохоча.

А еще другие лазали по деревьям, раскачиваясь на сучках, старались друг друга стащить за ноги.

Всюду между стволами в этом веселом, зеленом лесу мелькали полуголые мальчики. Даже хладнокровный Митя, которого трудно было чем-нибудь удивить, молча пошел к березе и полез на нее, но шлепнулся и крякнул.

У Петровского моста Никита увидел привязанного к сваям «Воробья». Маленький сердитый пионер караулил лодку. Никита, Митя и Цыган закричали:

— Ура!

У Цыгана это вышло так:

— Ууууу pppppp ау ау ау...

Никита, Митя и Цыган влезли в лодку, где все было в целости; один пионер сел на весла, другой на руль, барабанщик на берегу ударил в барабан, маленький сердитый мальчик запустил камнем пятьдесят пять блинов по воде, и «Воробей» с путешественниками поплыл в обратный путь.

На обратном пути подул свежий ветерок. У Митьки не попадал зуб на зуб, и тут-то и пригодились одеяла, предусмотрительно взятые в путешествие.

Митьку завернули в них, дали в руку бутылку молока, он вытянул ее всю и сейчас же заснул в мягко покачивающейся лодке.

Никита достал чулок с сахаром и угостил им пионеров и грыз сам. Сахар съели весь. А запасы хлеба, не жуя, были проглочены Цыганом.

Когда проплывали мимо знаменитого теперь места битвы с дикими, Никита и двое пионеров, которым уже все было известно, громко крикнули все разом:

— Даешь, краснокожие черти!

Никита потрясал мечом и луком. Цыган рычал, как пещерный медведь. А на берегу, между липами, угрюмо кривляясь, трусили подходить близко остатки разбитых дикарей.

В пятом часу дня «Воробей» подошел к пристани.

На мостках стоял с трубкой Панкрат Иваныч Ершов-Карасев все в том же ватном жилете и с бородой, где, как говорили на Ждановке, водились у него даже тараканы.

Солнце ослепительно горело в тихой воде между низким левым берегом и высокими домами на правом берегу. Панкрат Иваныч щурился, щурился и вдруг...

Чихнул:

Ап-ап-ап-апчьхииии!!!

Да так чихнул, что:

> закачались мостки, заскрипели лодки, ворона, присевшая почистить нос на крышу домика на мостках, взъерошилась, сорвалась и полетела, каркая и долго еще оборачиваясь на Ершова-Карасева:
>
> — Дуррррак!.. Дурррррак!!
>
> Вот как здорово чихнул Панкрат Иваныч Ершов-Карасев.

На мостках пионеры простились с Никитой и Митей, стали в затылок, поджали локти и бегом пошли через

дамбу, через деревянный мостик, что ведет с Тучкова моста на стадион,— и дальше через Петровский остров к лагерю.

Никита и Митя захватили оружие, парус и багаж и тоже побежали к дому.

У ворот они простились с Цыганом:

— До завтра, собака!

Цыган вежливо посмотрел путешественникам в глаза, помотал хвостом и отправился по своим частным делам.

Никита открыл дверь английским ключом. Никита и Митя на цыпочках прокрались в детскую. Быстро разобрали все вещи по местам — пледы на кровати, оружие под кровать, простыню под подушку, щеточную палку воткнули в щетку и выставили в коридор.

Никита сел к окну и раскрыл книгу с приключениями. Митька сел на пол и продолжал ремонт паровоза.

Сидели как ни в чем не бывало, как будто ничего и не случилось.

Через несколько минут раздался звонок — это пришли со службы отец и мать.

Дети вышли их встречать как ни в чем не бывало.

За обедом Никита и Митя приналегли на лапшу. Подали мясо с хреном,— они приналегли и на мясо. Наелись. Попросили молока, напились. Никита толкнул Митьку, и оба фыркнули в тарелки.

Фыркнули они потому, что родители, которые в начале обеда, как обычно, принялись за воспитание,— теперь замолчали и с удивлением поглядывали на детей.

— Папа, а тебя никогда не бодал козел? — спросил Митя.

— Не бодал, отстань,— ответил отец,— скажите, пожалуйста, что с вами такое случилось? Я ничего не понимаю.

Тогда Никита сказал равнодушно:

— Мы путешествовали на парусном корабле «Воробей». На реке Ждановке, около сломанной ивы, мы разбили племя краснокожих дикарей. После этого потерпели кораблекрушение и подверглись нападению зверей, но нас спас храбрый барабанщик. Мы гостили в лагере у одного очень дружественного народа и благополучно вернулись.

— Панкрат Иваныч вот так чихает! Папа, а ты умеешь так чихать? — спросил Митя.

Отец сделал обиженное лицо.

— Вы оба несете чепуху! Я замечаю, что вы с каждым днем все более дичаете. Хотя хороший аппетит меня радует, но посмотрите — на что вы похожи: носы ободраны... А руки... А платье... Вы стали похожи на разбойников, налетчиков, только не на наших детей...

— А барабанщик сказал, что мы славные ребята,— проговорил Никита.

Митя сейчас же спросил:

— Папа, а ты умеешь барабанить в барабан?

Отец махнул рукой, взял газету и ушел читать ее на балкон. Мать, собирая со стола, задумчиво улыбалась и покачивала головой.

Ей было немного грустно оттого, что нельзя уже теперь взять, как бывало, крошечного Никиту или крошечного Митю на руки, целовать и тискать. И было смешно оттого, что они, такие все маленькие и такие независимые, ходят с отравленными стрелами, носы у них исцарапаны и глаза дикие.

В детской Никита сказал Мите:

— Родители так и не поверили, что мы путешествовали по-настоящему. Знаешь что,— напишу-ка я рассказ про это путешествие, а ты нарисуй к нему картинки. Мы издадим книжку — тогда поверят.

Никита сейчас же принялся писать этот рассказ, а Митя рисовать тысячи догадок и напрямок.

РАССКАЗ О КАПИТАНЕ ГАТТЕРАСЕ, О МИТЕ СТРЕЛЬНИКОВЕ, О ХУЛИГАНЕ ВАСЬКЕ ТАБУРЕТКИНЕ И ЗЛОМ КОТЕ ХАМЕ

Солнце светило в глубокий двор. Точнее говоря, солнце освещало одну из стен многоэтажного дома, где из раскрытых окон были высунуты для проветривания детские матрасики, подушки и ватные одеяла.

На пятом этаже в одном из окон виднелась стриженая круглая голова мальчика десяти лет. Он сидел у стола и читал «Капитана Гаттераса» — роман Жюля Верна. Нельзя удивляться тому, что в будний день он сидел и читал «Капитана Гаттераса»,— школа была распущена по случаю скарлатины.

Противоположная стена дома находилась в тени. Там в первом этаже у окна стоял отвратительный молодой человек лет шестнадцати, курносый, с желтыми от табаку толстыми губами и припухшими глазками. На низенький лоб его свисал вихор. Это был — гроза всех детей, горе для всего населения дома, хулиган Васька Табуреткин.

Он совершенно ничем не занимался, отнимал у матери деньги и только и думал о том, какую бы ему устроить бузу или где раздобыть два полтинника на пиво и на дорогие папиросы «Самородок».

Сейчас, например, Васька думал, что хорошо бы раздобыть резинку и крупной дроби и запустить в окно, в стриженую голову Мите Стрельникову,— вот-то подскочит! Кроме того, он ждал часа, когда начнется радиопередача: ему это нужно было для одной хулиганской выходки, которая уже несколько недель выводила из терпения всех в доме, у кого были ламповые приемники.

Митя Стрельников читал «Капитана Гаттераса». Он до того замечтался над приключениями этого отважного и благородного капитана, что не замечал ни матрасов в окнах, ни Васькина вихра и вздернутого носа внизу, ни кухонного чада, струившегося со всего двора к весеннему небу.

Перед Митиными глазами по зелено-синим волнам плыл чудный корабль среди льдин или айсбергов. На капитанском мостике стоял мужественный капитан Гаттерас, с открытой головой, с черной бородой, в тюленьих сапогах.

Он плыл к таинственному Северному полюсу. Он думал, что, пробившись сквозь льды и снега, он увидит на полюсе теплое море и остров, согреваемый вулканами. Там — высокие леса, сверкающие водопады, лебеди и пингвины, там живет неизвестная человеческая раса, люди с белыми волосами и розовыми глазами.

Капитан Гаттерас глядел с капитанского мостика вдаль, где поднимались снежные вьюги, льдины, бродили белые медведи, и шерсть их светилась от северного сияния. С шелестом и тихим потрескиванием северное сияние развертывалось и спадало с неба в виде розовых, голубых и зеленоватых лент!

Корабль летел все вперед, и сердце капитана Гаттераса отважно стучало: вперед, вперед!

Над Митиным окошком раздался хриплый и зловещий вой. Митя оторвал от книги уставшие глаза. Это кричало второе отвратительное существо на дворе — рыжий кривой кот, по прозванию Хам. Он был длиною в аршин, с оторванным хвостом, с глубоким шрамом на морде. Он был свиреп и так силен, что его трусили даже фокстерьеры, которые, как известно, никого не боятся.

Хам недаром дико кричал на крыше. Он намеревался, так или иначе, через чердачное окно и черную лестницу

пробраться на кухню. Ему был нужен белый сибирский кот Снежок, чтобы избить его до смерти.

Снежок был красивый пушистый кот. Когда он садился на подоконнике и синими глазами глядел вниз,— все кошки сладенько мяукали. Хам кровожадно ненавидел его, подкарауливал повсюду и вступал в бой. Один раз Снежка едва спасли от Хамовых зубов и когтей и с тех пор не выпускали из квартиры. Но стоило кухарке приотворить дверь, Хам врывался на кухню,— шерсть торчком, горящие глаза,— выл и шипел на весь дом. Приходилось гнать его щеткой, которую он грыз и кусал. Таков был Хам.

Сейчас он как-то особенно угрожающе кричал на крыше. Митя представил себе, что так именно завывали белые медведи в ту ночь, когда капитан Гаттерас, стоя около саней, запряженных собаками, увидел далеко на горизонте огромный столб огня и дыма,— это в полярное небо взлетели обломки коварно взорванного его корабля. Медведи выли тогда и царапали когтями лед, чувствуя, что капитан Гаттерас не уйдет от них.

Но, конечно, Митя не слушал бы так спокойно Хамовы вопли, если бы знал, что кухарка ушла в сарай, дверь на кухне оставила приоткрытой и Снежок удрал на лестницу.

Но вот настал час радиопередачи. Васьки Табуреткина уже не было у окна. Он сидел за сломанным шкафом в углу и настраивал двухламповый приемник. Странно предположить, что такой бездельник завел себе отличный аппарат с лампочками. Странно, но это так. Откуда он раздобыл деньги на это и почему, раздобыв, не истратил их на дорогие папиросы «Самородок» и на пиво,— тоже не выяснено. Мы сейчас увидим, для чего понадобился приемник.

Передавалась очень интересная лекция: «История открытия Северного полюса». Вот уже все наушники проговорили: «Слушайте, слушайте, слушайте...» Митя Стрельников, не выпуская из рук книжки, сел с другой стороны стола у детекторного приемника, устроенного в пенале, с тем, чтобы одновременно читать и слушать.

Ученый голос начал говорить:

«Уже давно пытливый человеческий ум стремился разгадать тайну Северного полюса. Жюль Верн в своем замечательном романе «Капитан Гаттерас» изобразил одну из таких отважных попыток...»

«Гы, гы, Гаттерас, Матерас, наплевал я на вас»,— перебил профессора хулиганский голос Васьки Табуреткина, и во все наушники во всем доме начало получаться так:

«Первая попытка достичь Северного полюса... Черти полосатые, носы конопатые, дураки сопатые... Но отважный мореплаватель погиб вместе с кораблем, затертый льдами севернее Гренландии... Мордандии, чепухандии, всех вас вместе с Гаттерасом облить кислым квасом...» И тут Васька начал так ругаться, что всякий уважающий себя мальчик бросил бы радионаушники.

Объяснялось все очень просто: Васька Табуреткин, сидя в углу за шкафом, кричал и ругался в ламповый приемник. А, как известно, катодный аппарат принимает звуковые волны, которые образуют слабые индуктивные токи, и посылает магнитные волны на небольшое пространство — на несколько десятков метров. Во всяком случае, все антенны на дворе принимали Васькину ругань, и во всех наушниках получалась невероятная чепуха... Этого Ваське только и нужно было...

Митя Стрельников сорвал наушники, швырнул книжку. От злости стриженые волосы на его голове стали торчком. Кончено! Митя был председателем санитарной комиссии в «Г» классе, членом учкома и секретарем стенгазеты. Он долго не задумывался над тем, как нужно действовать.

Он побежал на лестницу и стал звонить во все квартиры, где были радиолюбители. «Товарищ,— говорил он каждому,— приглашаю вас на двор, на общее собрание по поводу хулиганства Табуреткина...»

Радиолюбители, кто постарше,— отказались, кто помоложе,— пошли на двор к дровяному сараю. Собралось двенадцать мальчиков и девочек. И тут выяснилось — сколько непоправимого зла буквально всем причинил Табуреткин. Все жаловались, все предлагали Ваську заклеймить. Но когда дошло дело — как клеймить? — никто ничего путного не предложил.

А Табуреткин, высунувшись из окошка, издевался и плевал на шестнадцать шагов в сторону собрания.

Тогда выступил возмущенный Митя Стрельников.

— Товарищи,— сказал он,— наука изобрела аэропланы, радио, говорящее кино и еще многое. Изобретатель Циолковский скоро полетит на луну. Товарищи, перед нами близкий пример человека, которого не могли остановить никакие препятствия в мире,— это капитан Гаттерас. А мы даже не можем придумать, как обуздать Табуреткина. Позор!

Тогда все почувствовали позор и опустили головы.

— Товарищи,— продолжал Митя,— я предлагаю не выбирать никаких комиссий, а тут же, не сходя с места, решить,— как обуздать хулигана...

Опустив головы, все молчали. Одни боялись Васьки, у других просто ничего не придумывалось. А Васька Табуреткин кривлялся в окно: пронзительно свистал, хохотал, высовывал язык с бородавками.

Позор, позор!

— Эй, вы, мелочь,— кричал он,— разбегайтесь кто куда, всем сейчас уши пооторву!

И он стал перелезать через окно. Мальчики и девочки с необыкновенной поспешностью разбежались кто куда. Остался один Митя Стрельников. Он сжал кулаки и смело, как капитан Гаттерас, глядел на Табуреткина.

Очевидно, что Мите пришлось бы очень плохо, но в это время произошло следующее: весь двор огласился воплями двух котов. Все, кто был на дворе, подняли головы, люди высунулись из окошек. По крыше, по самому краю, шел Хам, волоча огрызок хвоста.

Там, куда он шел, на крыше, также на самом краю, стоял Снежок, выгнув спину, шевеля опущенным хвостом. Вся шерсть у него поднялась дыбом. Он шипел.

Хам полз,— волоча брюхо, прижимал уши. Он приближался все медленнее. У Снежка изо рта раздалось шипение, как из паровоза, когда выпускают пар. Вот Хам приблизился — совсем носом к носу. Он орал хриплым мявом, забирая все выше и выше,— крики его не были похожи ни на что в природе.

Васька Табуреткин забыл про Митю. «Вали, вали, вали,— кричал он котам,— бей его, бей его, Хам!..»

Снежок плюнул Хаму в нос: «Пфф, пфф, пфф...» Хам поднял лапу. Снежок ударил его по морде, разорвал ухо. Мгновенно Хам нанес ему две пощечины.

— Уау! — взвыл Снежок.— Пфф, пфф, пфф...

Он приподнялся и заколотил лапами по Хамовой морде. Хам кинулся вперед. Коты сцепились, покатились клубком по краю крыши. Васька Табуреткин заржал от удовольствия. Снежок отскочил. Хам отскочил.

Оба кота тихо выли, усы и уши совсем спрятали под шерсть. Поджимали лапки для прыжка. Кинулись. Подскочили оба на аршин, сцепились в воздухе. Клочками летела белая и рыжая шерсть.

Несомненно, Хам был сильнее, но, должно быть, Снежок повредил ему единственный глаз. Хам прыгнул и промахнулся. Снежок увертывался, норовя сесть верхом. Но каждый раз Хам подскакивал — вверх, в сторону, секунду передыхал и снова кидался в драку. Вот он еще раз промахнулся, и Снежок так ударил его, что Хам лег на спину, но и тут справился. Хам не такой был кот, чтобы дешево продать жизнь.

Он что-то задумал... Он пятился к самому краю крыши, отбиваясь и фыркая. Снежок глядел ему в глаза, не понимая опасности. И вот на самом краю Хам поднялся на задние лапы, передними обхватил Снежка, взвыл и кинулся вместе с ним с высоты пятого этажа. Сидя сверху, он крепко сжимал лапами несчастного Снежка.

Под самым окном Васьки Табуреткина коты тяжело ударились об асфальт: Снежок — спиной, Хам — верхом на нем. Васька загоготал:

— Молодец, Хам, знай наших! — и махнул вихром в сторону Мити Стрельникова.— Ну-ка, ты теперь ко мне подходи...

Митя Стрельников подошел. Он увидел, что Снежок не шевелится. Хам, оглушенный падением, все еще сидит на нем.

— Думаешь, я тебя боюсь? — сказал Митя.— Ты сильнее, а не боюсь. Ты хулиган, а мы организованные.

— Ах, ты вот как? — сказал Васька, засучивая рукав.

Тогда Митя вспомнил находчивость в борьбе с медведями капитана Гаттераса, вспомнил, что ему, как пред-

седателю санитарной комиссии, члену учкома и секретарю стенгазеты, пятиться нельзя. Он схватил Хама за шиворот, не обращая внимания на вой и на острые когти, оттащил от Снежка и швырнул его в окно, в Ваську.

Обезумевший от злости кот вцепился Ваське в голову, и оба они кубарем покатились в глубину комнаты. Васька старался отодрать кота. Но не тут-то было. Хам царапался и кусался, плевал в лицо, рвал на Ваське рубашку.

И тогда весь двор с удивлением узнал, что непобедимый хулиган Табуреткин просто — жалкий трус. Он метался и катался вместе с котом по комнате и орал громче Хама.

— Ой-ооООй, спасиИИИтееееееЕЕЕ, бешшШШШенный кооООт!..

Двенадцать мальчиков и девочек появились изо всех дверей, побежали к Васькину окну. В это время с грохотом повалился старый комод, и под его обломками погиб двухламповый приемник.

— Мамкааа, ууу,— завопил Табуреткин...

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Но вот появился дворник Константин, бывший красноармеец, видавший битвы пострашнее, он налил ведро воды и, подойдя к окну, плеснул на Ваську и на кота.

Тогда только Ваське удалось отодрать от себя разъяренное животное. Плача, с распухшими губами и расцарапанными щеками, он швырнул Хама на двор.

— Так тебе и надо за твое хулиганство,— сказал Константин.

Из окон высовывались люди и говорили:

— И поделом, так и надо, и давно бы так.

А Васька только и мог, что злобно косился припухшими глазками из окна на детей. Радиоприемник его был сломан, хулиганская слава навек погибла.

Хам молча, прыжками унесся за дровяной сарай. Там он начал вылизываться, что, как известно, у кошек заменяет медицину. Снежок тоже отошел понемногу после падения и, прихрамывая, поплелся на кухню — жалобно мяукать у кухаркиной юбки.

Митя Стрельников сказал мальчикам и девочкам, что «повестка дня исчерпана», и пошел к себе на пятый этаж дочитывать приключения капитана Гаттераса, который

взбирался с невероятными трудностями на ледяную гору, откуда он должен был увидеть наконец открытое море. Там солнце не заходило,— только касалось снежных пустынь, и снова начинался день. По следам Гаттераса гуськом шли голодные медведи...

В доме все радиолюбители сидели за радиоприемниками и ловили волны то из Берлина, то из Стокгольма, то из Лондона, то из Москвы.

Посвящаю эту книгу
Людмиле Ильиничне Толстой

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я был маленький,— очень, очень давно,— я читал одну книжку; она называлась «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы» (деревянная кукла по-итальянски — буратино).

Я часто рассказывал моим товарищам, девочкам и мальчикам, занимательные приключения Буратино. Но так как книжка потерялась, то я рассказывал каждый раз по-разному, выдумывал такие похождения, каких в книге совсем и не было.

Теперь, через много-много лет, я припомнил моего старого друга Буратино и надумал рассказать вам, девочки и мальчики, необычайную историю про этого деревянного человечка.

Алексей Толстой

СТОЛЯРУ ДЖУЗЕППЕ ПОПАЛОСЬ ПОД РУКУ ПОЛЕНО, КОТОРОЕ ПИЩАЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ГОЛОСОМ

Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе, по прозванию Сизый Нос.

Однажды ему попалось под руку полено, обыкновенное полено для топки очага в зимнее время.

— Неплохая вещь,— сказал сам себе Джузеппе,— можно смастерить из него что-нибудь вроде ножки для стола...

Джузеппе надел очки, обмотанные бечевкой,— так как очки были тоже старые,— повертел в руке полено и начал его тесать топориком. Но только он начал тесать, чей-то необыкновенно тоненький голосок пропищал:

— Ой-ой, потише, пожалуйста!

Джузеппе сдвинул очки на кончик носа, стал оглядывать мастерскую,— никого...

Он заглянул под верстак,— никого...

Он посмотрел в корзине со стружками,— никого...

Он высунул голову за дверь,— никого на улице...

«Неужели мне почудилось? — подумал Джузеппе.— Кто бы это мог пищать?..»

Он опять взял топорик и опять,— только ударил по полену...

— Ой, больно же, говорю! — завыл тоненький голосок.

На этот раз Джузеппе испугался не на шутку, у него даже вспотели очки... Он осмотрел все углы в комнате,

залез даже в очаг и, свернув голову, долго смотрел в трубу.

— Нет никого...

«Может быть, я выпил чего-нибудь неподходящего и у меня звенит в ушах?» — размышлял про себя Джузеппе.

Нет, сегодня он ничего неподходящего не пил... Немного успокоясь, Джузеппе взял рубанок, стукнул молотком по задней его части, чтобы в меру,— не слишком много и не слишком мало,— вылезло лезвие, положил полено на верстак и — только повел стружку...

— Ой, ой, ой, ой, слушайте, чего вы щиплетесь? — отчаянно запищал тоненький голосок...

Джузеппе уронил рубанок, попятился, попятился и сел прямо на пол: он догадался, что тоненький голосок шел изнутри полена.

ДЖУЗЕППЕ ДАРИТ ГОВОРЯЩЕЕ ПОЛЕНО СВОЕМУ ДРУГУ КАРЛО

В это время к Джузеппе зашел его старинный приятель, шарманщик, по имени Карло.

Когда-то Карло в широкополой шляпе ходил с прекрасной шарманкой по городам и пением и музыкой добывал себе на хлеб.

Сейчас Карло был уже стар и болен, и шарманка его давно сломалась.

— Здравствуй, Джузеппе,— сказал он, зайдя в мастерскую.— Что ты сидишь на полу?

— А я, видишь ли, потерял маленький винтик... Да ну его! — ответил Джузеппе и покосился на полено.— Ну, а ты как живешь, старина?

— Плохо,— ответил Карло.— Все думаю — чем бы мне заработать на хлеб... Хоть бы ты мне помог, посоветовал бы, что ли...

— Чего проще, — сказал весело Джузеппе и подумал про себя: «Отделаюсь-ка я сейчас от этого проклятого полена».— Чего проще: видишь — лежит на верстаке

превосходное полено, возьми-ка ты это полено, Карло, и отнеси домой...

— Эх-хе-хе,— уныло ответил Карло,— что же дальше-то? Принесу я домой полено, а у меня даже и очага в каморке нет.

— Я тебе дело говорю, Карло... Возьми ножик, вырежь из этого полена куклу, научи ее говорить всякие смешные слова, петь и танцевать, да и носи по дворам. Заработаешь на кусок хлеба и на стаканчик вина.

В это время на верстаке, где лежало полено, пискнул веселый голосок:

— Браво, прекрасно придумано, Сизый Нос!

Джузеппе опять затрясся от страха, а Карло только удивленно оглядывался,— откуда голос?

— Ну, спасибо, Джузеппе, что посоветовал, давай, пожалуй, твое полено.

Тогда Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.

— Ах, вот какие твои подарки! — обиженно крикнул Карло.

— Прости, дружище, это не я тебя стукнул.

— Значит, я сам себя стукнул по голове?

— Нет, дружище,— должно быть, само полено тебя стукнуло.

— Врешь, ты стукнул...

— Нет, не я...

— Я знал, что ты пьяница, Сизый Нос,— сказал Карло,— а ты еще и лгун.

— Ах, ты — ругаться! — крикнул Джузеппе.— Ну-ка, подойди ближе!..

— Сам подойди ближе, я тебя схвачу за нос!..

Оба старика надулись и начали наскакивать друг на друга. Карло схватил Джузеппе за сизый нос. Джузеппе схватил Карло за седые волосы, росшие около ушей.

После этого они начали здорово тузить друг друга под микитки. Пронзительный голосок на верстаке в это время пищал и подначивал:

— Вали, вали хорошенько!

Наконец старики устали и запыхались. Джузеппе сказал:

— Давай помиримся, что ли...

Карло ответил:

— Ну что ж, давай помиримся...

Старики поцеловались. Карло взял полено под мышку и пошел домой.

КАРЛО МАСТЕРИТ ДЕРЕВЯННУЮ КУКЛУ И НАЗЫВАЕТ ЕЕ БУРАТИНО

Карло жил в каморке под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага — в стене против двери.

Но красивый очаг, и огонь, и котелок, кипящий на огне, были не настоящие — нарисованы на куске старого холста.

Карло вошел в каморку, сел на единственный стул у безногого стола и, повертев так и этак полено, начал ножом вырезывать из него куклу.

«Как бы мне ее назвать? — раздумывал Карло.— Назову-ка я ее Буратино. Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство,— всех их звали Буратино: отец— Буратино, мать — Буратино, дети — тоже Буратино... Все они жили весело и беспечно...»

Первым делом он вырезал на полене волосы, потом — лоб, потом — глаза...

Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...

Карло и виду не подал, что испугался, только ласково спросил:

— Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня?

Но кукла молчала,— должно быть потому, что у нее еще не было рта. Карло выстругал щеки, потом выстругал нос — обыкновенный...

Вдруг нос сам начал вытягиваться, расти, и получился такой длинный, острый нос, что Карло даже крякнул:

— Нехорошо, длинен...

И начал срезать у носа кончик. Не тут-то было. Нос вертелся, вывертывался, так и остался — длинным-длинным, любопытным, острым носом.

Карло принялся за рот. Но только успел вырезать губы,— рот сразу открылся:

— Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

И высунулся из него, дразнясь, узенький красный язык.

Карло, уже не обращая внимания на эти проделки, продолжал строгать, вырезывать, ковырять... Сделал кукле подбородок, шею, плечи, туловище, руки...

Но едва окончил выстругивать последний пальчик, Буратино начал колотить кулачками Карло по лысине, щипаться и щекотаться.

— Послушай,— сказал Карло строго,— ведь я еще не кончил тебя мастерить, а ты уже принялся баловаться... Что же дальше-то будет... А?

И он строго поглядел на Буратино. И Буратино круглыми глазами, как мышь, глядел на папу Карло.

Карло сделал ему из лучинок длинные ноги с большими ступнями. На этом окончив работу, поставил деревянного мальчишку на пол, чтобы научить ходить.

Буратино покачался, покачался на тоненьких ножках, шагнул раз, шагнул другой, скок, скок,— прямо к двери, через порог и — на улицу.

Карло, беспокоясь, пошел за ним.

— Эй, плутишка, вернись!..

Куда там! Буратино бежал по улице, как заяц, только деревянные подошвы его — туки-тук, туки-тук — постукивали по камням...

— Держите его! — закричал Карло.

Прохожие смеялись, показывая пальцами на бегущего Буратино. На перекрестке стоял огромный полицейский с закрученными усами и в треугольной шляпе.

Увидев бегущего деревянного человечка, он широко расставил ноги, загородив ими всю улицу. Буратино хотел проскочить у него между ног, но полицейский схватил его за нос и так держал, покуда не подоспел папа Карло...

— Ну, погоди ж ты, я с тобой ужо расправлюсь,— отпыхиваясь, проговорил Карло и хотел засунуть Буратино в карман куртки...

Буратино совсем не хотелось в такой веселый день при всем народе торчать ногами кверху из кармана курт-

ки,— он ловко вывернулся, шлепнулся на мостовую и притворился мертвым...

— Ай, ай,— сказал полицейский,— дело, кажется, скверное.

Стали собираться прохожие. Глядя на лежащего Буратино, качали головами.

— Бедняжка,— говорили одни,— должно быть, с голоду...

— Карло его до смерти заколотил,— говорили другие,— этот старый шарманщик только притворяется хорошим человеком, он дурной, он злой человек...

Слыша все это, усатый полицейский схватил несчастного Карло за воротник и потащил в полицейское отделение.

Карло пылил башмаками и громко стонал:

— Ох, ох, на горе себе я сделал деревянного мальчишку!

Когда улица опустела, Буратино поднял нос, огляделся и вприпрыжку побежал домой...

ГОВОРЯЩИЙ СВЕРЧОК ДАЕТ БУРАТИНО МУДРЫЙ СОВЕТ

Прибежав в каморку под лестницей, Буратино шлепнулся на пол около ножки стула.

— Чего бы еще такое придумать?

Не нужно забывать, что Буратино шел всего первый день от рождения. Мысли у него были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые.

В это время послышалось:

— Крри-кри, крри-кри, крри-кри.

Буратино завертел головой, оглядывая каморку.

— Эй, кто здесь?

— Здесь я,— крри-кри...

Буратино увидел существо, немного похожее на таракана, но с головой, как у кузнечика. Оно сидело на стене над очагом и тихо потрескивало,— крри-кри,— глядело выпуклыми, как из стекла, радужными глазами, шевелило усиками.

— Эй, ты кто такой?

— Я — Говорящий Сверчок,— ответило существо,— живу в этой комнате больше ста лет.

— Здесь я хозяин, убирайся отсюда.

— Хорошо, я уйду, хотя мне грустно покидать комнату, где я прожил сто лет,— ответил Говорящий Сверчок,— но прежде чем я уйду, выслушай полезный совет.

— Оччччень мне нужны советы старого сверчка...

— Ах, Буратино, Буратино,— проговорил сверчок,— брось баловство, слушайся Карло, без дела не убегай из дома и завтра начни ходить в школу. Вот мой совет. Иначе тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения. За твою жизнь я не дам и дохлой сухой мухи.

— Почччему? — спросил Буратино.

— А вот увидишь — почччему,— ответил Говорящий Сверчок.

— Ах ты, столетняя букашка-таракашка! — крикнул Буратино.— Больше всего на свете я люблю страшные приключения. Завтра чуть свет убегу из дома — лазить по заборам, разорять птичьи гнезда, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек... Я еще не то придумаю!..

— Жаль мне тебя, жаль, Буратино, прольешь ты горькие слезы.

— Почччему? — опять спросил Буратино.

— Потому что у тебя глупая деревянная голова.

Тогда Буратино вскочил на стул, со стула на стол, схватил молоток и запустил его в голову Говорящему Сверчку.

Старый умный сверчок тяжело вздохнул, пошевелил усами и уполз за очаг,— навсегда из этой комнаты.

БУРАТИНО ЕДВА НЕ ПОГИБАЕТ ПО СОБСТВЕННОМУ ЛЕГКОМЫСЛИЮ. ПАПА КАРЛО КЛЕИТ ЕМУ ОДЕЖДУ ИЗ ЦВЕТНОЙ БУМАГИ И ПОКУПАЕТ АЗБУКУ

После случая с Говорящим Сверчком в каморке под лестницей стало совсем скучно. День тянулся и тянулся. В животе у Буратино тоже было скучновато.

Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу на тарелке.

Живо открыл глаза,— курица на тарелке исчезла.

Он опять закрыл глаза,— увидел тарелку с манной кашей пополам с малиновым вареньем.

Открыл глаза,— нет тарелки с манной кашей пополам с малиновым вареньем.

Тогда Буратино догадался, что ему ужасно хочется есть.

Он подбежал к очагу и сунул нос в кипящий на огне котелок. Но длинный нос Буратино проткнул насквозь котелок, потому что, как мы знаем, и очаг, и огонь, и дым, и котелок были нарисованы бедным Карло на куске старого холста.

Буратино вытащил нос и поглядел в дырку,— за холстом в стене было что-то похожее на небольшую дверцу, но там было так затянуто паутиной, что ничего не разобрать.

Буратино пошел шарить по всем углам,— не найдется ли корочки хлебца или куриной косточки, обглоданной кошкой.

Ах, ничего-то, ничего-то не было у бедного Карло запасено на ужин!

Вдруг он увидел в корзинке со стружками куриное яйцо. Схватил его, поставил на подоконник и носом — тюк-тюк — разбил скорлупу.

Внутри яйца пискнул голосок:

— Спасибо, деревянный человечек.

Из разбитой скорлупы вылез цыпленок с пухом вместо хвоста и с веселыми глазами.

— До свиданья! Мама Кура давно меня ждет на дворе.

И цыпленок выскочил в окно,— только его и видели.

— Ой, ой,— закричал Буратино,— есть хочу!..

День наконец кончил тянуться. В комнате стало сумеречно.

Буратино сидел около нарисованного огня и от голода потихоньку икал.

Он увидел: из-под лестницы, из-под пола показалась толстая голова. Высунулось, понюхало и вылезло серое животное на низких лапах.

Не спеша оно пошло к корзине со стружками влезло туда, нюхая и шаря,— сердито зашуршало стружками. Должно быть, оно искало яйцо, которое разбил Буратино.

Потом оно вылезло из корзины и подошло к Буратино. Понюхало его, крутя черным носом с четырьмя длинными волосками с каждой стороны. От Буратино съестным не пахло,— оно пошло мимо, таща за собой длинный тонкий хвост.

Ну, как его было не схватить за хвост! Буратино сейчас же и схватил.

Это оказалась старая злая крыса Шушара.

С испугу она, как тень, кинулась было под лестницу, волоча Буратино, но увидела, что это всего-навсего деревянный мальчишка,— обернулась и с бешеной злобой набросилась, чтобы перегрызть ему горло.

Теперь уже Буратино испугался, отпустил холодный крысиный хвост и вспрыгнул на стул. Крыса — за ним.

Он со стула перескочил на подоконник. Крыса — за ним.

С подоконника он через всю каморку перелетел на стол. Крыса — за ним... И тут на столе она схватила Буратино за горло, повалила, держа его в зубах, соскочила на пол и поволокла под лестницу, в подполье.

— Папа Карло! — успел только пискнуть Буратино.

— Я здесь! — ответил громкий голос.

Дверь распахнулась, вошел папа Карло. Стащил с ноги деревянный башмак и запустил им в крысу.

Шушара, выпустив деревянного мальчишку, скрипнула зубами и скрылась.

— Вот до чего доводит баловство! — проворчал папа Карло, поднимая с пола Буратино. Посмотрел, все ли у него цело. Посадил его на колено, вынул из кармана луковку, очистил.

— На, ешь!..

Буратино вонзил голодные зубы в луковицу и съел ее, хрустя и причмокивая. После этого стал тереться головой о щетинистую щеку папы Карло.

— Я буду умненький-благоразумненький, папа Карло... Говорящий Сверчок велел мне ходить в школу.

— Славно придумано, малыш...

— Папа Карло, но ведь я — голенький, деревянненький,— мальчишки в школе меня засмеют.

— Эге,— сказал Карло и почесал щетинистый подбородок.— Ты прав, малыш!

Он зажег лампу, взял ножницы, клей и обрывки цветной бумаги. Вырезал и склеил курточку из коричневой бумаги и ярко-зеленые штанишки. Смастерил туфли из старого голенища и шапочку — колпачком с кисточкой — из старого носка.

Все это надел на Буратино.

— Носи на здоровье!

— Папа Карло,— сказал Буратино,— а как же я пойду в школу без азбуки?

— Эге, ты прав, малыш...

Папа Карло почесал в затылке. Накинул на плечи свою единственную старую куртку и пошел на улицу.

Он скоро вернулся, но без куртки. В руке он держал книжку с большими буквами и занимательными картинками.

— Вот тебе азбука. Учись на здоровье.

— Папа Карло, а где твоя куртка?

— Куртку-то я продал... Ничего, обойдусь и так... Только ты живи на здоровье.

Буратино уткнулся носом в добрые руки папы Карло.

— Выучусь, вырасту, куплю тебе тысячу новых курток...

Буратино всеми силами хотел в этот первый в его жизни вечер жить без баловства, как научил его Говорящий Сверчок.

БУРАТИНО ПРОДАЕТ АЗБУКУ И ПОКУПАЕТ БИЛЕТ В КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Рано поутру Буратино положил азбуку в сумочку и вприпрыжку побежал в школу.

По дороге он даже не смотрел на сласти, выставленные в лавках,— маковые на меду треугольнички, сладкие пирожки и леденцы в виде петухов, насаженных на палочку.

Он не хотел смотреть на мальчишек, запускающих бумажный змей...

Улицу переходил полосатый кот Базилио, которого можно было схватить за хвост. Но Буратино удержался и от этого.

Чем ближе он подходил к школе, тем громче неподалеку, на берегу Средиземного моря, играла веселая музыка.

— Пи-пи-пи,— пищала флейта.

— Ла-ла-ла-ла,— пела скрипка.

— Дзинь-дзинь,— звякали медные тарелки.

— Бум! — бил барабан.

В школу нужно поворачивать направо, музыка слышалась налево. Буратино стал спотыкаться. Сами ноги поворачивали к морю, где:

— Пи-пи, пиииии...

— Дзин-лала, дзин-ла-ла...

— Бум!

— Школа же никуда же не уйдет же,— сам себе громко начал говорить Буратино,— я только взгляну, послушаю и бегом — в школу.

Что есть духу он пустился бежать к морю. Он увидел полотняный балаган, украшенный разноцветными флагами, хлопающими от морского ветра.

Наверху балагана, приплясывая, играли четыре музыканта.

Внизу полная улыбающаяся тетя продавала билеты.

Около входа стояла большая толпа — мальчики и девочки, солдаты, продавцы лимонада, кормилицы с младенцами, пожарные, почтальоны,— все, все читали большую афишу:

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР
ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ТОРОПИТЕСЬ!
ТОРОПИТЕСЬ!
ТОРОПИТЕСЬ!

Буратино дернул за рукав одного мальчишку.

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит входной билет?

Мальчик ответил сквозь зубы, не спеша:

— Четыре сольдо, деревянный человечек.

— Понимаете, мальчик, я забыл дома мой кошелек... Вы не можете мне дать взаймы четыре сольдо?..

Мальчик презрительно свистнул:

— Нашел дурака?..

— Мне ужжжжжжжасно хочется посмотреть кукольный театр! — сквозь слезы сказал Буратино.— Купите у меня за четыре сольдо мою чудную курточку...

— Бумажную куртку за четыре сольдо? Ищи дурака.

— Ну, тогда мой хорошенький колпачок...

— Твоим колпачком только ловить головастиков... Ищи дурака.

У Буратино даже похолодел нос — так ему хотелось попасть в театр.

— Мальчик, в таком случае возьмите за четыре сольдо мою новую азбуку...

— С картинками?

— С чччудными картинками и большими буквами.

— Давай, пожалуй,— сказал мальчик, взял азбуку и нехотя отсчитал четыре сольдо.

Буратино подбежал к полной улыбающейся тете и пропищал:

— Послушайте, дайте мне в первом ряду билет на единственное представление кукольного театра.

ВО ВРЕМЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМЕДИИ КУКЛЫ УЗНАЮТ БУРАТИНО

Буратино сел в первом ряду и с восторгом глядел на опущенный занавес.

На занавесе были нарисованы танцующие человечки, девочки в черных масках, страшные бородатые люди в колпаках со звездами, солнце, похожее на блин с носом и глазами, и другие занимательные картинки.

Три раза ударили в колокол, и занавес поднялся.

На маленькой сцене справа и слева стояли картонные деревья. Над ними висел фонарь в виде луны и отражался в кусочке зеркала, на котором плавали два лебедя, сделанные из ваты, с золотыми носами.

Из-за картонного дерева появился маленький человечек в длинной белой рубашке с длинными рукавами. Его лицо было обсыпано пудрой, белой, как зубной порошок.

Он поклонился почтеннейшей публике и сказал грустно:

— Здравствуйте, меня зовут Пьеро... Сейчас мы разыграем перед вами комедию под названием: «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника». Меня будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия...

Из-за другого картонного дерева выскочил другой человек, весь клетчатый, как шахматная доска.

Он поклонился почтеннейшей публике:

— Здравствуйте, я — Арлекин!

После этого обернулся к Пьеро и отпустил ему две пощечины, такие звонкие, что у того со щек посыпалась пудра.

— Ты чего хнычешь, дуралей?

— Я грустный потому, что я хочу жениться,— ответил Пьеро.

— А почему ты не женился?

— Потому что моя невеста от меня убежала...

— Ха-ха-ха,— покатился со смеху Арлекин,— видели дуралея!..

Он схватил палку и отколотил Пьеро.

— Как зовут твою невесту!

— А ты не будешь больше драться?

— Ну нет, я еще только начал.

— В таком случае ее зовут Мальвина, или девочка с голубыми волосами.

— Ха-ха-ха,— опять покатился Арлекин и отпустил Пьеро три подзатыльника.— Послушайте, почтеннейшая публика... Да разве бывают девочки с голубыми волосами?

Но тут он, повернувшись к публике, вдруг увидел на передней скамейке деревянного мальчишку со ртом до ушей, с длинным носом, в колпачке с кисточкой...

— Глядите, это Буратино!— закричал Арлекин, указывая на него пальцем.

— Живой Буратино! — завопил Пьеро, взмахивая длинными рукавами.

Из-за картонных деревьев выскочило множество кукол — девочки в черных масках, страшные бородачи в колпаках, мохнатые собаки с пуговицами вместо глаз, горбуны с носами, похожими на огурец...

Все они подбежали к свечам, стоявшим вдоль рампы, и, вглядываясь, затараторили:

— Это Буратино! Это Буратино! К нам, к нам, веселый плутишка Буратино!

Тогда он с лавки прыгнул на суфлерскую будку, а с нее на сцену.

Куклы схватили его, начали обнимать, целовать, щипать... Потом все куклы запели «Польку-птичку»:

Птичка польку танцевала
На лужайке в ранний час.
Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Карабас».

Два жука — на барабане,
Дует жаба в контрабас.
Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Барабас».

Птичка польку танцевала,
Потому что — весела.
Нос налево, хвост направо
Вот так полечка была...

Зрители были растроганы. Одна кормилица даже прослезилась. Один пожарный плакал навзрыд.

Только мальчишки на задних скамейках сердились и топали ногами:

— Довольно лизаться, не маленькие, продолжайте представление!

Услышав весь этот шум, из-за сцены высунулся человек, такой страшный с виду, что можно было окоченеть от ужаса при одном взгляде на него.

Густая нечесаная борода его волочилась по полу, выпученные глаза вращались, огромный рот лязгал зубами, будто это был не человек, а крокодил. В руке он держал семихвостую плетку.

Это был хозяин кукольного театра, доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас.

— Га-га-га, гу-гу-гу! — заревел он на Буратино.— Так это ты помешал представлению моей прекрасной комедии?

Он схватил Буратино, отнес в кладовую театра и повесил на гвоздь. Вернувшись, погрозил куклам семихвостой плеткой, чтобы они продолжали представление.

Куклы кое-как закончили комедию, занавес закрылся, зрители разошлись.

Доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас пошел на кухню ужинать.

Сунув нижнюю часть бороды в карман, чтобы не мешала, он сел перед очагом, где на вертеле жарились целый кролик и два цыпленка.

Помуслив пальцы, он потрогал жаркое, и оно показалось ему сырым.

В очаге было мало дров. Тогда он три раза хлопнул в ладоши.

Вбежали Арлекин и Пьеро.

— Принесите-ка мне этого бездельника Буратино,— сказал синьор Карабас Барабас.— Он сделан из сухого дерева, я его подкину в огонь, мое жаркое живо зажарится.

Арлекин и Пьеро упали на колени, умоляли пощадить несчастного Буратино.

— А где моя плетка? — зарычал Карабас Барабас. Тогда они, рыдая, пошли в кладовую, сняли с гвоздя Буратино и приволокли на кухню.

СИНЬОР КАРАБАС БАРАБАС, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ СЖЕЧЬ БУРАТИНО, ДАЕТ ЕМУ ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ И ОТПУСКАЕТ ДОМОЙ

Когда куклы приволокли Буратино и бросили на пол у решетки очага, синьор Карабас Барабас, страшно сопя носом, мешал кочергой угли.

Вдруг глаза его налились кровью, нос, затем все лицо собралось поперечными морщинами. Должно быть, ему в ноздри попал кусочек угля.

— Аап... аап... аап...— завыл Карабас Барабас, закатывая глаза,— аап-чхи!..

И он чихнул так, что пепел поднялся столбом в очаге.

Когда доктор кукольных наук начинал чихать, то уже не мог остановиться и чихал пятьдесят, а иногда и сто раз подряд.

От такого необыкновенного чихания он обессилевал и становился добрее.

Пьеро украдкой шепнул Буратино:

— Попробуй с ним заговорить между чиханьем...

— Аап-чхи! Аап-чхи! — Карабас Барабас забирал разинутым ртом воздух и с треском чихал, тряся башкой и топая ногами.

На кухне все тряслось, дребезжали стекла, качались сковороды и кастрюли на гвоздях.

Между этими чиханьями Буратино начал подвывать жалобным тоненьким голоском:

— Бедный я, несчастный, никому-то меня не жалко.

— Перестань реветь! — крикнул Карабас Барабас.— Ты мне мешаешь... Аап-чхи!

— Будьте здоровы, синьор,— всхлипнул Буратино.

— Спасибо... А что — родители у тебя живы? Аап-чхи!

— У меня никогда, никогда не было мамы, синьор. Ах я несчастный!— И Буратино закричал так пронзительно, что в ушах у Карабаса Барабаса стало колоть, как иголкой.

Он затопал подошвами:

— Перестань визжать, говорю тебе! Аап-чхи! А что, отец у тебя жив?

— Мой бедный отец еще жив, синьор.

— Воображаю, каково будет узнать твоему отцу, что я на тебе изжарил кролика и двух цыплят. Аап-чхи!

— Мой бедный отец все равно скоро умрет от голода и холода. Я его единственная опора в старости. Пожалейте, отпустите меня, синьор.

— Десять тысяч чертей! — заорал Карабас Барабас.— Ни о какой жалости не может быть и речи. Кролик и цыплята должны быть зажарены. Полезай в очаг.

— Синьор, я не могу этого сделать.

— Почему? — спросил Карабас Барабас только для того, чтобы Буратино продолжал разговаривать, а не визжал в уши.

— Синьор, я уже пробовал однажды сунуть нос в очаг и только проткнул дырку.

— Что за вздор! — удивился Карабас Барабас.— Как ты мог носом проткнуть в очаге дырку?

— Потому, синьор, что очаг и котелок над огнем были нарисованы на куске старого холста.

— Аап-чхи! — чихнул Карабас Барабас с таким шумом, что Пьеро отлетел налево, Арлекин — направо, а Буратино завертелся волчком.

— Где ты видел очаг, и огонь, и котелок нарисованными на куске холста?

— В каморке моего папы Карло.

— Твой отец — Карло! — Карабас Барабас вскочил со стула, взмахнул руками, борода его разлетелась.— Так, значит, это в каморке старого Карло находится потайная...

Но тут Карабас Барабас, видимо не желая проговориться о какой-то тайне, обоими кулаками заткнул себе рот. И так сидел некоторое время, глядя выпученными глазами на погасающий огонь.

— Хорошо,— сказал он наконец,— я поужинаю недожаренным кроликом и сырыми цыплятами. Я тебе дарю жизнь, Буратино. Мало того...

Он залез под бороду в жилетный карман, вытащил пять золотых монет и протянул их Буратино.

— Мало того... Возьми эти деньги и отнеси их Карло. Кланяйся и скажи, что я прошу его ни в коем случае не умирать от голода и холода и самое главное — не уезжать из его каморки, где находится очаг, нарисованный на куске старого холста. Ступай, выспись и утром пораньше беги домой.

Буратино положил пять золотых монет в карман и ответил с вежливым поклоном:

— Благодарю вас, синьор. Вы не могли доверить деньги в более надежные руки...

Арлекин и Пьеро отвели Буратино в кукольную спальню, где куклы опять начали обнимать, целовать,

толкать, щипать и опять обнимать Буратино, так непонятно избежавшего страшной гибели в очаге.

Он шепотом говорил куклам:

— Здесь какая-то тайна.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ БУРАТИНО ВСТРЕЧАЕТ ДВУХ НИЩИХ—КОТА БАЗИЛИО И ЛИСУ АЛИСУ

Рано утром Буратино пересчитал деньги,— золотых монет было столько, сколько пальцев на руке,— пять.

Зажав золотые в кулаке, он вприпрыжку побежал домой и напевал:

— Куплю папе Карло новую куртку, куплю много маковых треугольничков, леденцовых петухов на палочках.

Когда из глаз скрылся балаган кукольного театра и развевающиеся флаги, он увидел двух нищих, уныло бредущих по пыльной дороге: лису Алису, ковыляющую на трех лапах, и слепого кота Базилио.

Это был не тот кот, которого Буратино встретил вчера на улице, но другой,—тоже Базилио и тоже полосатый.

Буратино хотел пройти мимо, но лиса Алиса сказала ему умильно:

— Здравствуй, добренький Буратино. Куда так спешишь?

— Домой, к папе Карло.

Лиса вздохнула еще умильнее:

— Уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от голода и холода...

— А ты это видела? — Буратино разжал кулак и показал пять золотых.

Увидев деньги, лиса невольно потянулась к ним лапой, а кот вдруг широко раскрыл слепые глаза, и они сверкнули у него, как два зеленых фонаря.

Но Буратино ничего этого не заметил.

— Добренький, хорошенький Буратино, что же ты будешь делать с этими деньгами?

— Куплю куртку для папы Карло... Куплю новую азбуку...

— Азбуку, ох, ох! — сказала лиса Алиса, качая го-

ловой.— Не доведет тебя до добра это ученье... Вот я училась, училась, а — гляди — хожу на трех лапах.

— Азбуку,— проворчал кот Базилио и сердито фыркнул в усы.— Через это проклятое ученье я глаз лишился...

На сухой ветке около дороги сидела пожилая ворона. Слушала, слушала и каркнула:

— Врут, врут!..

Кот Базилио сейчас же высоко подскочил, лапой сшиб ворону с ветки, выдрал ей полхвоста,— едва она улетела. И опять представился, будто он слепой.

— Вы за что так ее, кот Базилио? — удивленно спросил Буратино.

— Глаза-то слепые,— ответил кот,— показалось — это собачонка на дереве...

Пошли они втроем по пыльной дороге. Лиса сказала:

— Умненький, благоразумненький Буратино, хотел бы ты, чтобы у тебя денег стало в десять раз больше?

— Конечно, хочу! А как это делается?

— Проще простого. Пойдем с нами.

— Куда?

— В Страну Дураков.

Буратино немного подумал.

— Нет, уж я, пожалуй, сейчас домой пойду.

— Пожалуйста, мы тебя за веревку не тянем,— сказала лиса,— тем хуже для тебя.

— Тем хуже для тебя,— проворчал кот.

— Ты сам себе враг,— сказала лиса.

— Ты сам себе враг,— проворчал кот.

— А то бы твои пять золотых превратились в кучу денег...

Буратино остановился, разинул рот...

— Врешь!

Лиса села на хвост, облизнулась:

— Я тебе сейчас объясню. В Стране Дураков есть волшебное поле,— называется Поле Чудес... На этом поле выкопай ямку, скажи три раза: «Крекс, фекс, пекс», положи в ямку золотой, засыпь землей, сверху посыпь солью, полей хорошенько и иди спать. Наутро из ямки вырастет небольшое деревцо, на нем вместо листьев будут висеть золотые монеты. Понятно?

Буратино даже подпрыгнул.

— Врешь!

— Идем, Базилио,— обиженно свернув нос, сказала лиса,— нам не верят — и не надо...

— Нет, нет,— закричал Буратино,— верю, верю!.. Идемте скорее в Страну Дураков!..

В ХАРЧЕВНЕ «ТРЕХ ПЕСКАРЕЙ»

Буратино, лиса Алиса и кот Базилио спустились под гору и шли, шли — через поля, виноградники, через сосновую рощу, вышли к морю и опять повернули от моря, через ту же рощу, виноградники...

Городок на холме и солнце над ними виднелись то справа, то слева...

Лиса Алиса говорила, вздыхая:

— Ах, не так-то легко попасть в Страну Дураков, все лапы сотрешь...

Под вечер они увидели сбоку дороги старый дом с плоской крышей и с вывеской над входом:

ХАРЧЕВНЯ «ТРЕХ ПЕСКАРЕЙ»

Хозяин выскочил навстречу гостям, сорвал с плешивой головы шапочку и низко кланялся, прося зайти.

— Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой,— сказала лиса.

— Хоть коркой хлеба угостили бы,— повторил кот.

Зашли в харчевню, сели около очага, где на вертелах и сковородках жарилась всякая всячина.

Лиса поминутно облизывалась, кот Базилио положил лапы на стол, усатую морду — на лапы, уставился на пищу.

— Эй, хозяин,— важно сказал Буратино,— дайте нам три корочки хлеба...

Хозяин едва не упал навзничь от удивления, что такие почтенные гости так мало спрашивают.

— Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин,— захихикала лиса.

— Он шутит,— буркнул кот.

— Дайте три корочки хлеба и к ним — вон того чудно зажаренного барашка,— сказала лиса,— и еще того гусенка, да парочку голубей на вертеле, да, пожалуй, еще печеночки...

— Шесть штук самых жирных карасей,— приказал кот,— и мелкой рыбы сырой на закуску.

Короче говоря, они взяли все, что было на очаге; для Буратино осталась одна корочка хлеба.

Лиса Алиса и кот Базилио съели всё вместе с костями. Животы у них раздулись, морды залоснились.

— Отдохнем часок,— сказала лиса,— а ровно в полночь выйдем. Не забудьте нас разбудить, хозяин...

Лиса и кот завалились на двух мягких кроватях, захрапели и засвистели. Буратино прикорнул в углу на собачьей подстилке...

Ему снилось деревцо с кругленькими золотыми листьями... Только он протянул руку...

— Эй, синьор Буратино, пора, уже полночь...

В дверь стучали. Буратино вскочил, протер глаза. На кровати — ни кота, ни лисы,— пусто.

Хозяин объяснил ему:

— Ваши почтенные друзья изволили раньше подняться, подкрепились холодным пирогом и ушли...

— Мне ничего не велели передать?

— Очень даже велели,— чтобы вы, синьор Буратино, не теряя минуты, бежали по дороге к лесу...

Буратино кинулся к двери, но хозяин стал на пороге, прищурился, руки упер в бока:

— А за ужин кто будет платить?

— Ой,— пискнул Буратино,— сколько?

— Ровно один золотой...

Буратино сейчас же хотел прошмыгнуть мимо его ног, но хозяин схватил вертел,— щетинистые усы, даже волосы над ушами у него встали дыбом.

— Плати, негодяй, или проткну тебя, как жука!

Пришлось заплатить один золотой из пяти. Пошмыгивая от огорчения, Буратино покинул проклятую харчевню.

Ночь была темна,— этого мало — черна, как сажа. Все кругом спало. Только над головой Буратино неслышно летала ночная птица Сплюшка.

Задевая мягким крылом за его нос, Сплюшка повторяла:

— Не верь, не верь, не верь!

Он с досадой остановился:

— Чего тебе?

— Не верь коту и лисе...

— А ну тебя!..

Он побежал дальше и слышал, как Сплюшка верещала вдогонку:

— Бойся разбойников на этой дороге...

НА БУРАТИНО НАПАДАЮТ РАЗБОЙНИКИ

На краю неба появился зеленоватый свет,— всходила луна.

Впереди стал виден черный лес.

Буратино пошел быстрее. Кто-то позади него тоже пошел быстрее.

Он припустился бегом. Кто-то бежал за ним вслед бесшумными скачками.

Он обернулся.

Его догоняли двое,— на головах у них были надеты мешки с прорезанными дырками для глаз.

Один, пониже ростом, размахивал ножом, другой, повыше, держал пистолет, у которого дуло расширялось, как воронка...

— Ай-ай! — завизжал Буратино и, как заяц, припустился к черному лесу.

— Стой, стой! — кричали разбойники.

Буратино, хотя и был отчаянно перепуган, все же догадался,— сунул в рот четыре золотых и свернул с дороги к изгороди, заросшей ежевикой... Но тут двое разбойников схватили его...

— Кошелек или жизнь!

Буратино, будто бы не понимая, чего от него хотят,

только часто-часто дышал носом. Разбойники трясли его за шиворот, один грозил пистолетом, другой обшаривал карманы.

— Где твои деньги? — рычал высокий.

— Деньги, паршшшивец! — шипел низенький.

— Разорву в клочки!

— Голову отъем!

Тут Буратино от страха так затрясся, что золотые монеты зазвенели у него во рту.

— Вот где у него деньги! — завыли разбойники.— Во рту у него деньги...

Один схватил Буратино за голову, другой — за ноги. Начали его подбрасывать. Но он только крепче сжимал зубы.

Перевернув его кверху ногами, разбойники стукали его головой об землю. Но и это ему было нипочем.

Разбойник, тот, что пониже, принялся широким ножом разжимать ему зубы. Вот-вот уже и разжал.... Буратино изловчился — изо всей силы укусил его за руку... Но это оказалась не рука, а кошачья лапа. Разбойник дико взвыл. Буратино в это время вывернулся, как ящерица, кинулся к изгороди, нырнул в колючую ежевику, оставив на колючках клочки штанишек и курточки, перелез на ту сторону и помчался к лесу.

У лесной опушки разбойники опять нагнали его. Он подпрыгнул, схватился за качающуюся ветку и полез на дерево. Разбойники — за ним. Но им мешали мешки на головах.

Вскарабкавшись на вершину, Буратино раскачался и перепрыгнул на соседнее дерево. Разбойники — за ним...

Но оба тут же сорвались и шлепнулись на землю.

Пока они кряхтели и почесывались, Буратино соскользнул с дерева и припустился бежать, так быстро перебирая ногами, что их даже не было видно.

От луны деревья отбрасывали длинные тени. Весь лес был полосатый...

Буратино то пропадал в тени, то белый колпачок его мелькал в лунном свете.

Так он добрался до озера. Над зеркальной водой висела луна, как в кукольном театре.

Буратино кинулся направо — топко. Налево — топко... А позади опять затрещали сучья...

— Держи, держи его!..

Разбойники уже подбегали, они высоко подскакивали из мокрой травы, чтобы увидеть Буратино.

— Вот он!

Ему оставалось только броситься в воду. В это время он увидел белого лебедя, спавшего близ берега, засунув голову под крыло.

Буратино кинулся в озерцо, нырнул и схватил лебедя за лапы.

— Го-го,— гоготнул лебедь, пробуждаясь,— что за неприличные шутки! Оставьте мои лапы в покое!

Лебедь раскрыл огромные крылья, и в то время, когда разбойники уже хватали Буратино за ноги, торчащие из воды, лебедь важно полетел через озеро.

На том берегу Буратино выпустил его лапы, шлепнулся, вскочил и по моховым кочкам, через камыши пустился бежать прямо к большой луне — над холмами.

РАЗБОЙНИКИ ВЕШАЮТ БУРАТИНО НА ДЕРЕВО

От усталости Буратино едва перебирал ногами, как муха осенью на подоконнике.

Вдруг сквозь ветки орешника он увидел красивую лужайку и посреди ее — маленький, освещенный луной домик в четыре окошка. На ставнях нарисованы солнце, луна и звезды.

Вокруг росли большие лазоревые цветы.

Дорожки посыпаны чистым песочком. Из фонтана била тоненькая струя воды, в нёй подплясывал полосатый мячик.

Буратино на четвереньках влез на крыльцо. Постучал в дверь. В домике было тихо. Он постучал сильнее,— должно быть, там крепко спали.

В это время из леса опять выскочили разбойники. Они переплыли озеро, вода лила с них ручьями. Увидев Буратино, низенький разбойник гнусно зашипел по-кошачьи, высокий затявкал по-лисичьи...

Буратино колотил в дверь руками и ногами.

— Помогите, помогите, добрые люди!..

Тогда в окошко высунулась кудрявая хорошенькая девочка с хорошеньким приподнятым носиком.

Глаза у нее были закрыты.

— Девочка, откройте дверь, за мной гонятся разбойники!

— Ах, какая чушь! — сказала девочка, зевая хорошеньким ртом.— Я хочу спать, я не могу открыть глаза...

Она подняла руки, сонно потянулась и скрылась в окошке.

Буратино в отчаянии упал носом в песок и притворился мертвым.

Разбойники подскочили:

— Ага, теперь от нас не уйдешь!..

Трудно вообразить, чего только они не выделывали, чтобы заставить Буратино раскрыть рот.

Если бы во время погони они не обронили ножа и пистолета,— на этом месте и можно было бы окончить рассказ про несчастного Буратино.

Наконец разбойники решили его повесить вниз головой. Привязали к ногам веревку, и Буратино повис на дубовой ветке... Они сели под дубом, протянув мокрые хвосты, и ждали, когда у него вывалятся изо рта золотые...

На рассвете поднялся ветер, зашумели на дубу листья. Буратино качался, как деревяшка. Разбойникам наскучило сидеть на мокрых хвостах...

— Повиси, дружок, до вечера,— сказали они зловеще и пошли искать какую-нибудь придорожную харчевню.

ДЕВОЧКА С ГОЛУБЫМИ ВОЛОСАМИ ВОЗВРАЩАЕТ БУРАТИНО К ЖИЗНИ

За ветвями дуба, где висел Буратино, разлилась утренняя заря.

Трава на поляне стала сизой, лазоревые цветы покрылись капельками росы.

Девочка с кудрявыми голубыми волосами опять высунулась в окошко, протерла и широко открыла заспанные хорошенькие глаза.

Эта девочка была самой красивой куклой из кукольного театра синьора Карабаса Барабаса.

Не в силах выносить грубых выходок хозяина, она убежала из театра и поселилась в уединенном домике на сизой поляне.

Звери, птицы и некоторые из насекомых очень полюбили ее,— должно быть, потому, что она была воспитанная и кроткая девочка.

Звери снабжали ее всем необходимым для жизни.

Крот приносил питательные коренья.

Мыши — сахар, сыр и кусочки колбасы.

Благородная собака — пудель Артемон — приносил булки.

Сорока воровала для нее на базаре шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

Лягушки приносили в ореховых скорлупах лимонад.

Ястреб — жареную дичь.

Майские жуки — разные ягоды.

Бабочки — пыльцу с цветов — пудриться.

Гусеницы выдавливали из себя пасту для чистки зубов и смазывания скрипящих дверей.

Ласточки уничтожали вблизи дома ос и комаров...

Итак, открыв глаза, девочка с голубыми волосами сейчас же увидела Буратино, висящего вниз головой.

Она приложила ладони к щекам и вскрикнула:

— Ах, ах, ах!

Под окном, трепля ушами, появился благородный пудель Артемон. Он только что выстриг себе заднюю половину туловища, что делал каждый день. Кудрявая шерсть на передней половине туловища была расчесана, кисточка на конце хвоста перевязана черным бантом. На передней лапе — серебряные часы.

— Я готов!

Артемон свернул в сторону нос и приподнял верхнюю губу над белыми зубами.

— Позови кого-нибудь, Артемон! — сказала девочка.— Надо снять бедняжку Буратино, отнести в дом и пригласить доктора...

— Готов!

Артемон от готовности так завертелся, что сырой песок полетел от его задних лап...

Он кинулся к муравейнику, лаем разбудил все население и послал четыреста муравьев — перегрызть веревку, на которой висел Буратино.

Четыреста серьезных муравьев поползли гуськом по узенькой тропинке, влезли на дуб и перегрызли веревку.

Артемон подхватил передними лапами падающего Буратино и отнес его в дом...

Положив Буратино на кровать, собачьим галопом помчался в лесную заросль и тотчас привел оттуда знаменитого доктора Сову, фельдшерицу Жабу и народного знахаря Богомола, похожего на сухой сучок.

Сова приложила ухо к груди Буратино.

— Пациент скорее мертв, чем жив,— прошептала она и отвернула голову назад на сто восемьдесят градусов.

Жаба долго мяла влажной лапой Буратино. Раздумывая, глядела выпученными глазами сразу в разные стороны.

Пролепетала большим ртом:

— Пациент скорее жив, чем мертв...

Народный лекарь Богомол сухими, как травинки, руками начал дотрагиваться до Буратино.

— Одно из двух,— прошелестел он,— или пациент жив, или он умер. Если он жив — он останется жив или он не останется жив. Если он мертв — его можно оживить или нельзя оживить.

— Шшшарлатанство,— сказала Сова, взмахнула мягкими крыльями и улетела на темный чердак.

У Жабы от злости вздулись все бородавки.

— Какакокое отвррратительное невежество! — квакнула она и, шлепая животом, запрыгала в сырой подвал.

Лекарь Богомол на всякий случай притворился высохшим сучком и вывалился за окошко.

Девочка всплеснула хорошенькими руками:

— Ну, как же мне его лечить, граждане?

— Касторкой,— квакнула Жаба из подполья.

— Касторкой! — презрительно захохотала Сова на чердаке.

— Или касторкой, или не касторкой,— проскрежетал за окном Богомол.

Тогда ободранный, в синяках, несчастный Буратино простонал:

— Не нужно касторки, я очень хорошо себя чувствую.

Девочка с голубыми волосами заботливо наклонилась над ним:

— Буратино, умоляю тебя — зажмурься, зажми нос и выпей.

— Не хочу, не хочу, не хочу!..

— Я тебе дам кусочек сахару...

Тотчас же по одеялу на кровать взобралась белая мышь, она держала кусочек сахару.

— Ты его получишь, если будешь меня слушаться,— сказала девочка.

— Один саааааахар дайте...

— Да пойми же,— если не выпьешь лекарства, ты можешь умереть.

— Лучше умру, чем пить касторку...

Тогда девочка сказала строго, взрослым голосом:

— Зажми нос и гляди в потолок... Раз, два, три.

Она влила касторку в рот Буратино, сейчас же сунула ему кусочек сахару и поцеловала.

— Вот и все...

Благородный Артемон, любивший все благополучное, схватив зубами свой хвост, вертелся под окном, как вихрь из тысячи лап, тысячи ушей, тысячи блестящих глаз.

ДЕВОЧКА С ГОЛУБЫМИ ВОЛОСАМИ ХОЧЕТ ВОСПИТЫВАТЬ БУРАТИНО

Наутро Буратино проснулся веселый и здоровый как ни в чем не бывало.

Девочка с голубыми волосами ждала его в саду, сидя за маленьким столом, накрытым кукольной посудой.

Ее лицо было свеже вымыто, на вздернутом носике и щеках — цветочная пыльца.

Ожидая Буратино, она с досадой отмахивалась от надоевших бабочек:

— Да ну вас, в самом деле...

Оглянула деревянного мальчишку с головы до ног, поморщилась. Велела ему сесть за стол и налила в крошечную чашечку какао.

Буратино сел за стол, подвернул под себя ногу. Миндальные пирожные он запихивал в рот целиком и глотал не жуя.

В вазу с вареньем залез прямо пальцами и с удовольствием их обсасывал.

Когда девочка отвернулась, чтобы бросить несколько крошек пожилой жужелице, он схватил кофейник и выпил все какао из носика.

Поперхнулся, пролил какао на скатерть.

Тогда девочка сказала ему строго:

— Вытащите из-под себя ногу и опустите ее под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки.

От возмущения она хлопала ресницами.

— Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?

— Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.

— Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.

«Вот так влип!» — подумал Буратино.

На траве вокруг дома носился пудель Артемон за маленькими птичками. Когда они садились на деревья, он задирал голову, подпрыгивал и лаял с подвыванием.

«Здóрово птиц гоняет»,— с завистью подумал Буратино.

От приличного сиденья за столом у него по всему телу ползли мурашки.

Наконец мучительный завтрак окончился. Девочка велела ему вытереть с носа какао. Оправила складочки и бантики на платье, взяла Буратино за руку и повела в дом — заниматься воспитанием.

А веселый пудель Артемон носился по траве и лаял, птицы, нисколько не боясь его, весело свистали, ветерок весело летал над деревьями.

— Снимите ваши лохмотья, вам дадут приличную куртку и штанишки,— сказала девочка.

Четверо портных: мастер-одиночка, угрюмый рак Шепталло, серый Дятел с хохолком, большой жук Рогач и мышь Лизетта — шили из старых девочкиных

платьев красивый мальчишеский костюм. Шепталло кроил, Дятел клювом протыкал дырки и шил. Рогач задними ногами сучил нитки, Лизетта их перегрызала.

Буратино было стыдно надевать девчонкины обносы, но пришлось все-таки переодеться. Сопя носом, он спрятал в карман новой куртки четыре золотые монеты.

— Теперь сядьте, положите руки перед собой. Не горбитесь,— сказала девочка и взяла кусочек мела.— Мы займемся арифметикой... У вас в кармане два яблока...

Буратино хитро подмигнул.

— Врете, ни одного...

— Я говорю,— терпеливо повторила девочка,— предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

— Два.

— Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился,— так здóрово подумал.

— Два...

— Почему?

— Я же не отдам же некту яблоко, хоть он дерись!

— У вас нет никаких способностей к математике,— с огорчением сказала девочка.— Займемся диктантом.

Она подняла к потолку хорошенькие глаза.

— Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот.

Нам уже известно, что Буратино никогда даже не видел пера и чернильницы.

Девочка сказала: «Пишите»,— и он сейчас же сунул в чернильницу свой нос и страшно испугался, когда с носа на бумагу упала чернильная клякса.

Девочка всплеснула руками, у нее даже брызнули слезы.

— Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны!

Она высунулась в окошко.

— Артемон, отведи Буратино в темный чулан.

Благородный Артемон появился в дверях, показывая белые зубы. Схватил Буратино за курточку и, пятясь, потащил в чулан, где по углам в паутине висели большие пауки. Запер его там, порычал, чтобы хорошенько напугать, и опять умчался за птичками.

Девочка, бросившись на кукольную кружевную кровать, зарыдала оттого, что ей пришлось поступить так жестоко с деревянным мальчиком. Но если уж взялась за воспитание, дело нужно довести до конца.

Буратино ворчал в темном чулане:

— Вот дура девчонка... Нашлась воспитательница, подумаешь... У самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое...

В чулане послышался тоненький скрип, будто кто-то скрежетал мелкими зубами:

— Слушай, слушай...

Буратино поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой летучую мышь.

— Тебе чего?

— Дождись ночи, Буратино.

— Тише, тише,— шуршали пауки по углам,— не качайте наших сетей, не отпугивайте наших мушек...

Буратино сел на сломанный горшок, подпер щеку. Он был в переделках и похуже этой, но возмущала несправедливость.

— Разве так воспитывают детей?.. Это мученье, а не воспитание... Так не сиди да так не ешь... Ребенок, может, еще букваря не освоил,— она сразу за чернильницу хватается... А кобель небось гоняет за птицами,— ему ничего...

Летучая мышь опять пискнула:

— Дождись ночи, Буратино, я тебя поведу в Страну Дураков, там ждут тебя друзья — кот и лиса, счастье и веселье. Жди ночи.

БУРАТИНО ПОПАДАЕТ В СТРАНУ ДУРАКОВ

Девочка с голубыми волосами подошла к двери чулана.

— Буратино, мой друг, вы раскаиваетесь наконец?

Он был очень сердит, к тому же у него совсем другое было на уме.

— Очень нужно мне раскаиваться! Не дождетесь...

— Тогда вам придется просидеть в чулане до утра...

Девочка горько вздохнула и ушла.

Настала ночь. Сова захохотала на чердаке. Жаба выползла из подполья, чтобы шлепать животом по отражениям луны в лужах.

Девочка легла спать в кружевную кроватку и долго огорченно всхлипывала, засыпая.

Артемон, уткнув нос под хвост, спал у дверей ее спальни.

В домике часы с маятником пробили полночь.

Летучая мышь сорвалась с потолка.

— Пора, Буратино, беги! — пискнула ему над ухом.— В углу чулана есть крысиный ход — в подполье... Жду тебя на лужайке.

Она вылетела в слуховое окно. Буратино кинулся в угол чулана, путаясь в паутиновых сетях. Вслед ему злобно шипели пауки.

Он пополз крысиным ходом в подполье. Ход был все уже и уже. Буратино теперь едва протискивался под землей... И вдруг вниз головой полетел в подполье.

Там он едва не попал в крысоловку, наступил на хвост ужу, только что напившемуся молока из кувшина в столовой, и через кошачий лаз выскочил на лужайку.

Над лазоревыми цветами бесшумно летала мышь.

— За мной, Буратино, в Страну Дураков!

У летучих мышей нет хвоста, поэтому мышь летает не прямо, как птица, а вверх и вниз — на перепончатых крыльях, вверх и вниз, похожая на чертика; рот у нее всегда открыт, чтобы, не теряя времени, по пути ловить, кусать, глотать живьем комаров и ночных бабочек.

Буратино бежал за ней по шею в траве, мокрые кашки хлестали его по щекам.

Вдруг мышь высоко метнулась к круглой луне и оттуда крикнула кому-то:

— Привела!

Буратино сейчас же кубарем полетел вниз с крутого обрыва. Катился, катился и шлепнулся в лопухи.

Исцарапанный, полон рот песку, с вытаращенными глазами сел.

— Ух, ты!..

Перед ним стояли кот Базилио и лиса Алиса.

— Храбренький, отважненький Буратино, должно быть, свалился с луны,— сказала лиса.

— Странно, как он жив остался,— мрачно сказал кот.

Буратино обрадовался старым знакомым, хотя ему показалось подозрительным, что у кота перевязана тряпкой правая лапа, а у лисы весь хвост испачкан в болотной тине.

— Нет худа без добра,— сказала лиса,— зато ты попал в Страну Дураков...

И она лапой указала на сломанный мост через высохший ручей. По ту сторону ручья среди куч мусора виднелись полуразвалившиеся домишки, чахлые деревья с обломанными ветвями и колокольни, покосившиеся в разные стороны...

— В этом городе продаются знаменитые куртки на заячьем меху для папы Карло,— облизываясь, пела лиса,— азбуки с раскрашенными картинками... Ах, какие продаются сладкие пирожки и леденцовые петушки на палочках! Ты ведь не потерял еще твои денежки, чудненький Буратино?

Лиса Алиса помогла ему встать на ноги; помуслив лапу, почистила ему курточку и повела через сломанный мост.

Кот Базилио угрюмо ковылял сзади.

Была уже середина ночи, но в Городе Дураков никто не спал.

По кривой грязной улице бродили тощие собаки в репьях, зевали от голода:

— Э-хе-хе...

Козы с драной шерстью на боках щипали пыльную траву у тротуара, трясли огрызками хвостов.

— Б-э-э-э-да.

Повесив голову, стояла корова; у нее кости торчали сквозь кожу...

— Мууучение...— повторяла она задумчиво.

На кочках грязи сидели общипанные воробьи,— они не улетали — хоть дави их ногами...

Шатались от истощения куры с выдранными хвостами...

Зато на перекрестках стояли навытяжку свирепые бульдоги-полицейские в треугольных шляпах и в колючих ошейниках.

Они кричали на голодных и шелудивых жителей:

— Прррходи! Дерржи прррраво! Не задерррживайся!...

Лиса тащила Буратино дальше по улице. Они увидели гуляющих под луной по тротуару сытых котов в золотых очках, под руку с кошками в чепчиках.

Гулял толстый Лис — губернатор этого города, важно подняв нос, и с ним — спесивая лисица, державшая в лапе цветок ночной фиалки.

Лиса Алиса шепнула:

— Это гуляют те, кто посеял деньги на Поле Чудес... Сегодня последняя ночь, когда можно сеять. К утру соберешь кучу денег и накупишь всякой всячины... Идем скорее...

Лиса и кот привели Буратино на пустырь, где валялись битые горшки, рваные башмаки, дырявые калоши и тряпки... Перебивая друг друга, затараторили:

— Рой ямку.

— Клади золотые.

— Посыпь солью.

— Зачерпни из лужи, полей хорошенько.

— Да не забудь сказать «крекс, фекс, пекс».

Буратино почесал нос, испачканный в чернилах.

— А вы уйдите все-таки подальше...

— Боже мой, да мы и смотреть не хотим, где ты зароешь деньги,— сказала лиса.

— Боже сохрани,— сказал кот.

Они отошли немного и спрятались за кучей мусора.

Буратино выкопал ямку. Сказал три раза шепотом: «Крекс, фекс», пекс», положил в ямку четыре золотые монеты, засыпал, из кармана вынул щепотку соли, посыпал сверху. Набрал из лужи пригоршню воды, полил.

И сел ждать, когда вырастет дерево...

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ХВАТАЮТ БУРАТИНО И НЕ ДАЮТ ЕМУ СКАЗАТЬ НИ ОДНОГО СЛОВА В СВОЕ ОПРАВДАНИЕ

Лиса Алиса думала, что Буратино уйдет спать, а он все сидел на мусорной куче, терпеливо вытянув нос.

Тогда Алиса велела коту остаться караулить, а сама побежала в ближайшее полицейское отделение.

Там, в накуренной комнате, за столом, закапанным чернилами, густо храпел дежурный бульдог.

Лиса самым благонамеренным голоском сказала ему:

— Господин мужественный дежурный, нельзя ли задержать одного беспризорного воришку? Ужасная опасность грозит всем богатеньким и почтенненьким гражданам этого города.

Спросонок дежурный бульдог так рявкнул, что под лисой со страха оказалась лужа.

— Воррришка! Гам!

Лиса объяснила, что опасный воришка — Буратино — обнаружен на пустыре.

Дежурный, все еще рыча, позвонил. Ворвались два добермана-пинчера, сыщики, которые никогда не спали, никому не верили и даже самих себя подозревали в преступных намерениях.

Дежурный приказал им доставить опасного преступника живым или мертвым в отделение.

Сыщики ответили коротко:

— Тяф!

И помчались на пустырь особым хитрым галопом, занося задние ноги вбок.

Последние сто шагов они ползли на животах и враз кинулись на Буратино, схватили его под мышки и потащили в отделение.

Буратино болтал ногами, умолял сказать — за что? за что? Сыщики отвечали:

— Там разберут...

Лиса и кот, не теряя времени, выкопали четыре золотые монеты. Лиса так ловко начала делить деньги, что у кота оказалась одна монета, у нее — три.

Кот молча вцепился когтями ей в рожу.

Лиса плотно обхватила его лапами. И они оба неко-

торое время катались клубком по пустырю. Кошачья и лисья шерсть летела клочками в лунном свете.

Ободрав друг другу бока, они разделили монеты поровну и в ту же ночь скрылись из города.

Тем временем сыщики привели Буратино в отделение. Дежурный бульдог вылез из-за стола и сам обыскал его карманы.

Не обнаружив ничего, кроме кусочка сахара и крошек миндального пирожного, дежурный кровожадно засопел на Буратино:

— Ты совершил три преступления, негодяй: ты — беспризорный, беспаспортный и безработный. Отвести его за город и утопить в пруду.

Сыщики ответили:

— Тяф!

Буратино пытался рассказать про папу Карло, про свои приключения. Все напрасно! Сыщики подхватили его, галопом оттащили за город и с моста бросили в глубокий грязный пруд, полный лягушек, пиявок и личинок водяного жука.

Буратино шлепнулся в воду, и зеленая ряска сомкнулась над ним.

БУРАТИНО ЗНАКОМИТСЯ С ОБИТАТЕЛЯМИ ПРУДА, УЗНАЕТ О ПРОПАЖЕ ЧЕТЫРЕХ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ И ПОЛУЧАЕТ ОТ ЧЕРЕПАХИ ТОРТИЛЫ ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Не нужно забывать, что Буратино был деревянный и поэтому не мог утонуть.

Все же он до того испугался, что долго лежал на воде, весь облепленный зеленой ряской.

Вокруг него собрались обитатели пруда: всем известные своей глупостью черные пузатые головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, личинки, которые кушали все, что попадалось, вплоть до самих себя, и наконец разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на колпаке. Пиявки заполз-

ли в карман курточки. Один водяной жук несколько раз влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду — ласточкой.

Мелкие инфузории, извиваясь и торопливо дрожа волосками, заменявшими им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам водяного жука.

Буратино это наконец надоело, он зашлепал пятками по воде:

— Пошли прочь! Я вам не дохлая кошка.

Обитатели шарахнулись кто куда. Он перевернулся на живот и поплыл.

На круглых листьях водяных лилий под луной сидели большеротые лягушки, выпученными глазами глядели на Буратино.

— Какая-то каракатица плывет,— квакнула одна.

— Нос, как у аиста,— квакнула другая.

— Это морская лягушка,— квакнула третья.

Буратино, чтобы передохнуть, вылез на большой лист водяной лилии. Сел на нем, плотно обхватил коленки и сказал, стуча зубами:

— Все мальчики и девочки напились молока, спят в теплых кроватках, один я сижу на мокром листе... Дайте поесть чего-нибудь, лягушки.

Лягушки, как известно, очень хладнокровны. Но напрасно думать, что у них нет сердца. Когда Буратино, мелко стуча зубами, начал рассказывать про свои несчастные приключения, лягушки одна за другой подскочили, мелькнули задними ногами и нырнули на дно пруда.

Они принесли оттуда дохлого жука, стрекозиное крылышко, кусочек тины, зернышко рачьей икры и несколько гнилых корешков.

Положив все эти съедобные вещи перед Буратино, лягушки опять вспрыгнули на листья водяных лилий и сидели, как каменные, подняв большеротые головы с выпученными глазами.

Буратино понюхал, попробовал лягушиное угощенье.

— Меня стошнило,— сказал он,— какая гадость!..

Тогда лягушки опять — все враз — бултыхнулись в воду...

Зеленая ряска на поверхности пруда заколебалась, и появилась большая, страшная змеиная голова. Она поплыла к листу, где сидел Буратино.

У него дыбом встала кисточка на колпаке. Он едва не свалился в воду от страха.

Но это была не змея. Это была никому не страшная, пожилая черепаха Тортила с подслеповатыми глазами.

— Ах ты безмозглый, доверчивый мальчишка с коротенькими мыслями! — сказала Тортила.— Сидеть бы тебе дома да прилежно учиться! Занесло тебя в Страну Дураков.

— Так я же хотел же добыть побольше золотых монет для папы Карло... Я оччень хороший и благоразумный мальчик...

— Деньги твои украли кот и лиса,— сказала черепаха.— Они пробегали мимо пруда, остановились попить, и я слышала, как они хвастались, что выкопали твои деньги, и как подрались из-за них... Ох ты, безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями...

— Не ругаться надо,— проворчал Буратино,— тут помочь надо человеку... Что я теперь буду делать? Ой-ой-ой!.. Как я вернусь к папе Карло? Ай-ай-ай!..

Он тер кулаками глаза и хныкал так жалобно, что лягушки вдруг все враз вздохнули:

— Ух-ух... Тортила, помоги человеку.

Черепаха долго глядела на луну, что-то вспоминала...

— Однажды я вот так же помогла одному человеку, а он потом из моей бабушки и моего дедушки наделал черепаховых гребенок,— сказала она. И опять долго глядела на луну.— Что ж, посиди тут, человечек, а я поползаю по дну,— может быть, найду одну полезную вещицу.

Она втянула змеиную голову и медленно опустилась под воду.

Лягушки прошептали:

— Черепаха Тортила знает великую тайну.

Прошло долгое, долгое время. Луна уже клонилась за холмы... Снова заколебалась зеленая ряска, появилась черепаха, держа во рту маленький золотой ключик.

Она положила его на лист у ног Буратино.

— Безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями,— сказала Тортила,— не горюй, что лиса и кот

украли у тебя золотые монеты. Я даю тебе этот ключик. Его обронил на дно пруда человек с бородой такой длины, что он ее засовывал в карман, чтобы она не мешала ему ходить. Ах, как он просил, чтобы я отыскала на дне этот ключик...

Тортила вздохнула, помолчала и опять вздохнула так, что из воды пошли пузыри...

— Но я не помогла ему, я тогда была очень сердита на людей за мою бабушку и моего дедушку, из которых наделали черепаховых гребенок. Бородатый человек много рассказывал про этот ключик, но я все забыла. Помню только, что нужно отворить им какую-то дверь, и это принесет счастье...

У Буратино забилось сердце, загорелись глаза. Он сразу забыл все свои несчастья. Вытащил из кармана курточки пиявок, положил туда ключик, вежливо поблагодарил черепаху Тортилу и лягушек, бросился в воду и поплыл к берегу. Когда он черненькой тенью показался на краю берега, лягушки ухнули ему вслед:

— Буратино, не потеряй ключик!

БУРАТИНО БЕЖИТ ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ И ВСТРЕЧАЕТ ТОВАРИЩА ПО НЕСЧАСТЬЮ

Черепаха Тортила не указала дороги из Страны Дураков.

Буратино бежал куда глаза глядят. За черными деревьями блестели звезды. Над дорогой свешивались скалы. В ущелье лежало облако тумана.

Вдруг впереди Буратино запрыгал серый комочек. Сейчас же послышался собачий лай.

Буратино прижался к скале. Мимо него, свирепо сопя носами, промчались два полицейских бульдога из Города Дураков.

Серый комочек метнулся с дороги вбок — на откос. Бульдоги за ним.

Когда топот и лай ушли далеко, Буратино припустился бежать так быстро, что звезды быстро-быстро поплыли за черными ветвями.

Вдруг серый комочек опять перескочил дорогу. Буратино успел разглядеть, что это заяц, а на нем верхом, держа его за уши, сидел бледный маленький человечек.

С откоса посыпались камешки,— бульдоги вслед за зайцем перескочили дорогу, и опять все стихло.

Буратино бежал так быстро, что звезды теперь как бешеные неслись за черными ветвями.

В третий раз серый заяц перескочил дорогу. Маленький человечек, задев головой за ветку, свалился с его спины и шлепнулся прямо под ноги Буратино.

— Ррр-гаф! Держи его! — проскакали вслед за зайцем полицейские бульдоги: глаза их были так налиты злостью, что не заметили ни Буратино, ни бледного человечка.

— Прощай, Мальвина, прощай навсегда! — плаксивым голосом пропищал человечек.

Буратино наклонился над ним и с удивлением увидел, что это был Пьеро в белой рубашке с длинными рукавами.

Он лежал головой вниз в колесной борозде и, очевидно, считал себя уже мертвым и пропищал загадочную фразу: «Прощай, Мальвина, прощай навсегда!» — расставаясь с жизнью.

Буратино начал его тормошить, потянул за ногу,— Пьеро не шевелился. Тогда Буратино отыскал завалившуюся в кармане пиявку и приставил ее к носу бездыханного человечка.

Пиявка, недолго думая, цапнула его за нос, Пьеро быстро сел, замотал головой, отодрал пиявку и простонал:

— Ах, я еще жив, оказывается!

Буратино схватил его за щеки, белые, как зубной порошок, целовал, спрашивал:

— Как ты сюда попал? Почему ты скакал верхом на сером зайце?

— Буратино, Буратино,— ответил Пьеро, пугливо оглядываясь,— спрячь меня поскорее... Ведь собаки гнались не за серым зайцем, они гнались за мной... Синьор Карабас Барабас преследует меня день и ночь. Он нанял в Городе Дураков полицейских собак и поклялся схватить меня живым или мертвым.

Вдали опять затявкали псы. Буратино схватил Пьеро за рукав и потащил его в заросли мимозы, покрытой цветами в виде круглых желтых пахучих пупырышков.

Там, лежа на прелых листьях, Пьеро шепотом начал рассказывать ему:

— Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра...

ПЬЕРО РАССКАЗЫВАЕТ, КАКИМ ОБРАЗОМ ОН, ВЕРХОМ НА ЗАЙЦЕ, ПОПАЛ В СТРАНУ ДУРАКОВ

— Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра. Синьор Карабас Барабас сидел около очага и курил трубку. Все куклы уже спали. Я один не спал. Я думал о девочке с голубыми волосами...

— Нашел о ком думать, вот дурень,— перебил Буратино.— Я вчера вечером убежал от этой девчонки — из чулана с пауками...

— Как! Ты видел девочку с голубыми волосами? Ты видел мою Мальвину?

— Подумаешь — невидаль! Плакса и приставала...

Пьеро вскочил, размахивая руками.

— Веди меня к ней... Если ты мне поможешь отыскать Мальвину, я тебе открою тайну золотого ключика...

— Как! — закричал Буратино радостно.— Ты знаешь тайну золотого ключика?

— Знаю, где ключик лежит, как его достать, знаю, что им нужно открыть одну дверцу... Я подслушал тайну, и поэтому синьор Карабас Барабас разыскивает меня с полицейскими собаками...

Буратино ужасно захотелось сейчас же похвастаться, что таинственный ключик лежит у него в кармане. Чтобы не проговориться, он стащил с головы колпачок и запихал его в рот.

Пьеро умолял вести его к Мальвине. Буратино при помощи пальцев объяснил этому дуралею, что сейчас

темно и опасно, а вот когда рассветет — они побегут к девчонке.

Заставив Пьеро опять спрятаться под кусты мимозы, Буратино проговорил шерстяным голосом, так как рот его был заткнут колпачком:

— Шашкаживай...

— Так вот,— однажды ночью шумел ветер...

— Про это ты уже шашкаживал...

— Так вот,— продолжал Пьеро,— я, понимаешь, не сплю и вдруг слышу: в окно кто-то громко постучался...

Синьор Карабас Барабас заворчал: «Кого это принесло в такую собачью погоду?»

— Это я — Дуремар,— ответили за окном,— продавец лечебных пиявок. Позвольте мне обсушиться у огня.

Мне, понимаешь, очень захотелось посмотреть, какие бывают продавцы лечебных пиявок. Я потихоньку отогнул угол занавески и просунул голову в комнату. И — вижу:

Синьор Карабас Барабас поднялся с кресла, наступил, как всегда, на бороду, выругался и открыл дверь.

Вошел длинный, мокрый-мокрый человек с маленьким-маленьким лицом, таким сморщенным, как гриб сморчок. На нем было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, крючки и шпильки. В руках он держал жестяную банку и сачок.

— Если у вас болит живот,— сказал он, кланяясь, будто спина у него была сломана посредине,— если у вас сильная головная боль или стучит в ушах, я могу вам приставить за уши полдюжины превосходных пиявок.

Синьор Карабас Барабас проворчал:

— К черту — дьяволу, никаких пиявок! Можете сушиться у огня сколько влезет.

Дуремар стал спиной к очагу.

Сейчас же от его зеленого пальто пошел пар и запахло тиной.

— Плохо идет торговля пиявками,— сказал он опять.— За кусок холодной свинины и стакан вина я готов вам приставить к ляжке дюжину прекраснейших пиявочек, если у вас ломотья в костях...

— К черту — дьяволу, никаких пиявок! — закричал Карабас Барабас.— Ешьте свинину и пейте вино.

Дуремар начал есть свинину, лицо у него сжималось и растягивалось, как резиновое. Поев и выпив, он попросил щепотку табаку.

— Синьор, я сыт и согрет,— сказал он.— Чтобы отплатить за ваше гостеприимство, я вам открою тайну.

Синьор Карабас Барабас посопел трубкой и ответил:

— Есть только одна тайна на свете, которую я хочу знать. На все остальное я плевал и чихал.

— Синьор,— опять сказал Дуремар,— я знаю великую тайну, ее сообщила мне черепаха Тортила.

При этих словах Карабас Барабас выпучил глаза, вскочил, запутался в бороде, полетел прямо на испуганного Дуремара, прижал его к животу и заревел как бык:

— Любезнейший Дуремар, драгоценнейший Дуремар, говори, говори скорее, что тебе сообщила черепаха Тортила!

Тогда Дуремар рассказал ему следующую историю:

«Я ловил пиявок в одном грязном пруду около Города Дураков. За четыре сольдо в день я нанимал одного бедного человека,— он раздевался, заходил в пруд по шею и стоял там, покуда к его голому телу не присасывались пиявки.

Тогда он выходил на берег, я обирал с него пиявок и опять посылал его в пруд.

Когда мы выловили таким образом достаточное количество, из воды вдруг показалась змеиная голова.

— Послушай, Дуремар,— сказала голова,— ты перепугал все население нашего прекрасного пруда, ты мутишь воду, ты не даешь мне спокойно отдыхать после завтрака... Когда кончится это безобразие?..

Я увидел, что это обыкновенная черепаха, и, нисколько не боясь, ответил:

— Покуда не выловлю всех пиявок в вашей грязной луже...

— Я готова откупиться от тебя, Дуремар, чтобы ты оставил в покое наш пруд и больше никогда не приходил.

Тогда я стал издеваться над черепахой:

— Ах ты, старый плавучий чемодан, глупая тетка Тортила, чем ты можешь от меня откупиться? Разве своей костяной крышкой, куда прячешь лапы и голову... Я бы продал твою крышку на гребешки...

Черепаха позеленела от злости и сказала мне:

— На дне пруда лежит волшебный ключик... Я знаю одного человека,— он готов сделать все на свете, чтобы получить этот ключик...»

Не успел Дуремар произнести эти слова, как Карабас Барабас завопил что есть мочи:

— Этот человек — я! я! я! Любезнейший Дуремар, так отчего же ты не взял у черепахи ключик?

— Вот еще! — ответил Дуремар и собрал морщинами все лицо, так что оно стало похоже на вареный сморчок.— Вот еще! Променять превосходнейших пиявок на какой-то ключик... Короче говоря, мы разругались с черепахой, и она, подняв из воды лапу, сказала:

«— Клянусь — ни ты и никто другой не получат волшебного ключика. Клянусь — его получит только тот человек, кто заставит все население пруда просить меня об этом...

С поднятой лапой черепаха погрузилась в воду».

— Не теряя секунды, бежать в Страну Дураков! — закричал Карабас Барабас, торопливо засовывая конец бороды в карман, хватая шапку и фонарь.— Я сяду на берег пруда. Я буду умильно улыбаться. Я буду умолять лягушек, головастиков, водяных жуков, чтобы они просили черепаху... Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил. Я стану на колени перед самым маленьким лягушонком... Ключик должен быть у меня! Я пойду в город, я войду в один дом, я проникну в комнату под лестницей... Я отыщу маленькую дверцу,— мимо нее все ходят, и никто не замечает ее. Всуну ключик в замочную скважину...

— В это время, понимаешь, Буратино,— рассказывал Пьеро, сидя под мимозой на прелых листьях,— мне так стало интересно, что я весь высунулся из-за занавески.

Синьор Карабас Барабас увидел меня.

— Ты подслушиваешь, негодяй! — И он кинулся, чтобы схватить меня и бросить в огонь, но опять запутался в бороде и со страшным грохотом, опрокидывая стулья, растянулся на полу.

Не понимаю, как я очутился за окном, как перелез через изгородь. В темноте шумел ветер и хлестал дождь.

Над моей головой черная туча осветилась молнией, и в десяти шагах позади я увидел бегущих Карабаса Барабаса и продавца пиявок... Я подумал: «Погиб»,— споткнулся, упал на что-то мягкое и теплое, схватился за чьи-то уши...

Это был серый заяц. Он со страху заверещал, высоко подскочил, но я крепко держал его за уши, и мы поскакали в темноте через поля, виноградники, огороды.

Когда заяц уставал и садился, обиженно жуя раздвоенной губой, я целовал его в лобик.

— Ну, пожалуйста, ну еще немножко поскачем, серенький...

Заяц вздыхал, и опять мы мчались неизвестно куда — то вправо, то влево...

Когда тучи разнесло и взошла луна, я увидел под горой городишко с покосившимися в разные стороны колокольнями.

По дороге к городу бежали Карабас Барабас и продавец пиявок.

Заяц сказал: «Эхе-хе, вот оно, заячье счастье! Они идут в Город Дураков, чтобы нанять полицейских собак. Готово, мы пропали».

Заяц упал духом. Уткнулся носом в лапки и повесил уши. Я просил, я плакал, я даже кланялся ему в ноги. Заяц не шевелился.

Но когда из города выскочили галопом два курносых бульдога с черными повязками на правых лапах, заяц мелко задрожал всей кожей,— я едва успел вскочить на него верхом, и он дал отчаянного стрекача по лесу...

Остальное ты сам видел, Буратино.

Пьеро окончил рассказ, и Буратино спросил его осторожно:

— А в каком доме, в какой комнате под лестницей находится дверца, которую отпирает ключик?

— Карабас Барабас не успел рассказать об этом... Ах, не все ли нам равно,— ключик на дне озера... Мы никогда не увидим счастья...

— А это ты видел? — крикнул ему в ухо Буратино. И, вытащив из кармана ключик, повертел им перед носом Пьеро.— Вот он!

БУРАТИНО И ПЬЕРО ПРИХОДЯТ К МАЛЬВИНЕ, НО ИМ СЕЙЧАС ЖЕ ПРИХОДИТСЯ БЕЖАТЬ ВМЕСТЕ С МАЛЬВИНОЙ И ПУДЕЛЕМ АРТЕМОНОМ

Когда солнце поднялось над скалистой горной вершиной, Буратино и Пьеро вылезли из-под куста и побежали через поле, по которому вчера ночью летучая мышь увела Буратино из дома девочки с голубыми волосами в Страну Дураков.

На Пьеро смешно было смотреть,— так он спешил поскорее увидеть Мальвину.

— Послушай,— спрашивал он через каждые пятнадцать секунд,— Буратино, а что, она мне обрадуется?

— А я почем знаю...

Через пятнадцать секунд опять:

— Послушай, Буратино, а вдруг она не обрадуется?

— А я почем знаю.

Наконец они увидели белый домик с нарисованными на ставнях солнцем, луной и звездами.

Из трубы поднимался дымок. Выше его плыло небольшое облако, похожее на кошачью голову.

Пудель Артемон сидел на крыльце и время от времени рычал на это облако.

Буратино не очень хотелось возвращаться к девочке с голубыми волосами. Но он был голоден и еще издалека потянул носом запах кипяченого молока.

— Если девчонка опять надумает нас воспитывать, напьемся молока,— и нипочем я здесь не останусь.

В это время Мальвина вышла из домика. В одной руке она держала фарфоровый кофейник, в другой — корзиночку с печеньем.

Глаза у нее всё еще были заплаканные,— она была уверена, что крысы утащили Буратино из чулана и съели.

Только она уселась за кукольный стол на песчаной дорожке,— лазоревые цветы заколебались, бабочки поднялись над ними, как белые и желтые листья, и появились Буратино и Пьеро.

Мальвина так широко раскрыла глаза, что оба деревянных мальчика могли бы свободно туда прыгнуть.

Пьеро при виде Мальвины начал бормотать слова — столь бессвязные и глупые, что мы их здесь не приводим.

Буратино сказал как ни в чем не бывало:

— Вот я его привел,— воспитывайте...

Мальвина наконец поняла, что это не сон.

— Ах, какое счастье! — прошептала она, но сейчас же прибавила взрослым голосом: — Мальчики, ступайте немедленно мыться и чистить зубы. Артемон, проводи мальчиков к колодцу.

— Ты видел,— проворчал Буратино,— у нее бзик в голове — мыться, чистить зубы. Кого угодно со света сживет чистотой...

Все же они помылись. Артемон кисточкой на конце хвоста почистил им курточки...

Сели за стол. Буратино набивал еду за обе щеки. Пьеро даже не надкусил ни кусочка пирожного; он глядел на Мальвину так, будто она была сделана из миндального теста.

Ей это наконец надоело.

— Ну,— сказала она ему,— что вы такое увидели у меня на лице? Завтракайте, пожалуйста, спокойно.

— Мальвина,— ответил Пьеро,— я давно уже ничего не ем, я сочиняю стихи...

Буратино затрясся от смеха.

Мальвина удивилась и опять широко раскрыла глаза.

— В таком случае — почитайте ваши стишки.

Хорошенькой рукой она подперла щеку и подняла хорошенькие глаза к облаку, похожему на кошачью голову.

Пьеро начал читать стишки с таким завываньем, будто он сидел на дне глубокого колодца:

Мальвина бежала в чужие края,
Мальвина пропала, невеста моя...
Рыдаю, не знаю — куда мне деваться...
Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?

Не успел Пьеро прочитать, не успела Мальвина похвалить стишки, которые ей очень понравились, как на песчаной дорожке появилась жаба.

Страшно выпучив глаза, она проговорила:

— Сегодня ночью выжившая из ума черепаха Тортила рассказала Карабасу Барабасу все про золотой ключик...

Мальвина испуганно вскрикнула, хотя ничего не поняла. Пьеро, рассеянный, как все поэты, произнес несколько бестолковых восклицаний, которые мы здесь не приводим. Зато Буратино сразу вскочил и начал засовывать в карманы печенье, сахар и конфеты.

— Бежим как можно скорее. Если полицейские собаки приведут сюда Карабаса Барабаса — мы погибли.

Мальвина побледнела, как крыло белой бабочки. Пьеро, подумав, что она умирает, опрокинул на нее кофейник, и хорошенькое платье Мальвины оказалось залитым какао.

Подскочивший с громким лаем Артемон,— а ему-то приходилось стирать Мальвинины платья,— схватил Пьеро за шиворот и начал трясти, покуда Пьеро не проговорил, заикаясь:

— Довольно, пожалуйста...

Жаба глядела выпученными глазами на эту суету и опять сказала:

— Карабас Барабас с полицейскими собаками будет здесь через четверть часа...

Мальвина побежала переодеваться. Пьеро отчаянно заламывал руки и пробовал даже бросаться навзничь на песчаную дорожку. Артемон тащил узлы с домашними вещами. Двери хлопали. Воробьи отчаянно тараторили на кусте. Ласточки проносились над самой землей. Сова для увеличения паники дико захохотала на чердаке.

Один Буратино не растерялся. Он навьючил на Артемона два узла с самыми необходимыми вещами. На узлы посадил Мальвину, одетую в хорошенькое дорожное

платье. Пьеро он велел держаться за собачий хвост. Сам стал впереди:

— Никакой паники! Бежим!

Когда они,— то есть Буратино, мужественно шагающий впереди собаки, Мальвина, подпрыгивающая на узлах, и позади Пьеро, начиненный вместо здравого смысла глупыми стихами,— когда они вышли из густой травы на гладкое поле,— из леса высунулась всклокоченная борода Карабаса Барабаса. Он ладонью защитил глаза от солнца и оглядывал окрестность.

СТРАШНЫЙ БОЙ НА ОПУШКЕ ЛЕСА

Синьор Карабас Барабас держал на привязи двух полицейских собак. Увидев на ровном поле беглецов, он разинул зубастый рот.

— Ага! — закричал он и спустил собак.

Свирепые псы сначала стали кидать задними лапами землю. Они даже не рычали, они даже глядели в другую сторону, а не на беглецов,— так гордились своей силой.

Потом псы медленно пошли к тому месту, где в ужасе остановились Буратино, Артемон, Пьеро и Мальвина.

Казалось, все погибло. Карабас Барабас косолапо шел вслед за полицейскими псами. Борода его поминутно вылезала из кармана куртки и путалась под ногами.

Артемон поджал хвост и злобно рычал. Мальвина трясла руками:

— Боюсь, боюсь!

Пьеро опустил рукава и глядел на Мальвину, уверенный, что все кончено.

Первым опомнился Буратино.

— Пьеро,— закричал он,— бери за руку девчонку, бегите к озеру, где лебеди!.. Артемон, скидывай тюки, снимай часы,— будешь драться!..

Мальвина, едва только услышала это мужественное распоряжение, соскочила с Артемона и, подобрав платье, побежала к озеру. Пьеро — за ней.

Артемон сбросил тюки, снял с лапы часы и бант с кончика хвоста. Оскалил белые зубы и прыгнул влево,

прыгнул вправо, расправляя мускулы, и тоже стал с оттяжкой кидать задними ногами землю.

Буратино взобрался по смолистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на поле, и оттуда закричал, завыл, запищал во всю глотку:

— Звери, птицы, насекомые! Наших бьют! Спасайте ни в чем не виноватых деревянных человечков!..

Полицейские бульдоги будто бы только сейчас увидели Артемона и разом кинулись на него. Ловкий пудель увернулся и зубами тяпнул одного пса за огрызок хвоста, другого за ляжку.

Бульдоги неуклюже повернулись и снова кинулись на пуделя. Он высоко подскочил, пропустив их под собой, и опять успел ободрать одному бок, другому — спину.

В третий раз бросились на него бульдоги. Тогда Артемон, опустив хвост по траве, помчался кругами по полю, то подпуская близко полицейских псов, то кидаясь в сторону перед самым их носом...

Курносые бульдоги теперь по-настоящему обозлились, засопели, бежали за Артемоном не спеша, упрямо, готовые лучше сдохнуть, но добраться до горла суетливого пуделя.

Тем временем Карабас Барабас подошел к итальянской сосне, схватился за ствол и начал трясти.

— Слезай, слезай!

Буратино руками, ногами, зубами уцепился за ветку. Карабас Барабас затряс дерево так, что закачались все шишки на ветвях.

На итальянской сосне шишки — колючие и тяжелые, величиной с небольшую дыню. Наладить такой шишкой по голове — так ой-ой!

Буратино едва держался на качающейся ветке. Он видел, что Артемон уже высунул язык красной тряпкой и скачет все медленнее.

— Отдавай ключик! — заорал Карабас Барабас, разинув пасть.

Буратино пополз по ветке, добрался до здоровенной шишки и начал перекусывать стебель, на котором она висела. Карабас Барабас тряхнул сильнее, и тяжелая шишка полетела вниз,— бах! — прямо ему в зубастую пасть.

Карабас Барабас даже присел.

Буратино отодрал вторую шишку, и она — бах! — Карабасу Барабасу прямо в темя, как в барабан.

— Наших бьют! — опять закричал Буратино.— На помощь ни в чем не виноватым деревянным человечкам!

Первыми на помощь прилетели стрижи,— бреющим полетом начали стричь воздух перед носом у бульдогов. Псы напрасно щелкали зубами,— стриж не муха: как серая молния — ж-жик мимо носа!

Из облака, похожего на кошачью голову, упал черный коршун — тот, что обыкновенно приносил Мальвине дичь; он вонзил когти в спину полицейской собаки, взмыл на великолепных крыльях, поднял пса и выпустил его...

Пес, визжа, шлепнулся кверху лапами.

Артемон сбоку налетел на другого пса, ударил его грудью, повалил, укусил, отскочил...

И опять помчались по полю вокруг одинокой сосны Артемон и за ним помятые и покусанные полицейские псы.

На помощь Артемону шли жабы. Они тащили двух ужей, ослепших от старости. Ужам все равно нужно было помирать — либо под гнилым пнем, либо в желудке у цапли. Жабы уговорили их погибнуть геройской смертью.

Благородный Артемон решил теперь вступить в открытый бой.

Сел на хвост, оскалил клыки.

Бульдоги налетели на него, и все втроем покатились клубком.

Артемон щелкал челюстями, драл когтями. Бульдоги, не обращая внимания на укусы и царапины, ждали одного: добраться до Артемонова горла — мертвой хваткой. Визг и вой стояли по всему полю.

На помощь Артемону шло семейство ежей: сам еж, ежиха, ежова теща, две ежовые незамужние тетки и маленькие еженята.

Летели, гудели толстые черно-бархатные шмели в золотых плащах, шипели крыльями свирепые шершни. Ползли жужелицы и кусачие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно накинулись на ненавистных полицейских собак.

Еж, ежиха, ежова теща, две ежовые незамужние тетки и маленькие еженята сворачивались клубком и со скоростью крокетного шара ударяли иголками бульдогов в морду.

Шмели, шершни с налета жалили их отравленными жалами. Серьезные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту.

Жужелицы и жуки кусали за пупок.

Коршун клевал то одного пса, то другого кривым клювом в череп.

Бабочки и мухи плотным облачком толкались перед их глазами, застилая свет.

Жабы держали наготове двух ужей, готовых умереть геройской смертью.

И вот, когда один из бульдогов широко разинул пасть, чтобы вычихнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой уж бросился головой вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод.

То же случилось и с другим бульдогом: второй слепой уж кинулся ему в пасть.

Оба пса, исколотые, изжаленные, исцарапанные,— задыхаясь, начали беспомощно кататься по земле.

Благородный Артемон вышел из боя победителем.

Тем временем Карабас Барабас вытащил наконец из огромного рта колючую шишку.

От удара по темени у него выпучились глаза. Пошатываясь, он опять схватился за ствол итальянской сосны. Ветер развевал его бороду.

Буратино заметил, сидя на самой верхушке, что конец бороды Карабаса Барабаса, приподнятой ветром, приклеился к смолистому стволу.

Буратино повис на суку и, дразнясь, запищал:

— Дяденька, не догонишь, дяденька, не догонишь!..

Спрыгнул на землю и начал бегать кругом сосны. Карабас Барабас, протянув руки, чтобы схватить мальчишку, побежал за ним, пошатываясь, кругом дерева.

Обежал раз, вот-вот уж, кажется, и схватил скрюченными пальцами удирающего мальчишку, обежал другой, обежал в третий раз...

Борода его обматывалась вокруг ствола, плотно приклеивалась к смоле.

Когда борода окончилась и Карабас Барабас уперся носом в дерево, Буратино показал ему длинный язык и побежал к Лебединому озеру — искать Мальвину и Пьеро.

Потрепанный Артемон на трех лапах, поджав четвертую, ковылял за ним хромой собачьей рысью.

На поле остались два полицейских пса, за жизнь которых, по-видимому, нельзя было дать и дохлой сухой мухи, и растерянный доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас, плотно приклеенный бородой к итальянской сосне.

В ПЕЩЕРЕ

Мальвина и Пьеро сидели на сырой теплой кочке в камышах.

Сверху их прикрывала паутиновая сеть, замусоренная стрекозиными крыльями и высосанными комарами.

Маленькие голубые птички, перелетая с камышины на камышину, с веселым изумлением поглядывали на горько плачущую девочку.

Издалека доносились отчаянные вопли и визг,— это Артемон и Буратино, очевидно, дорого продавали свою жизнь.

— Боюсь, боюсь! — повторяла Мальвина и листочком лопуха в отчаянии закрывала мокрое лицо.

Пьеро пытался утешать ее стихами:

Мы сидим на кочке,
Где растут цветочки,—
Желтые, приятные,
Очень ароматные.
Будем жить все лето
Мы на кочке этой,
Ах,— в уединении,
Всем на удивление...

Мальвина затопала на него ногами.

— Вы мне надоели, надоели, мальчик!.. Сорвите свежий лопух,— видите же — этот весь промок и в дырках.

Внезапно шум и визг вдали затихли. Мальвина медленно всплеснула руками.

— Артемон и Буратино погибли...

И бросилась лицом на кочку, в зеленый мох.

Пьеро бестолково затоптался около нее. Ветер тихо посвистывал метелками камыша.

Наконец послышались шаги. Несомненно, это шел Карабас Барабас, чтобы грубо схватить и засунуть в свои бездонные карманы Мальвину и Пьеро. Камыш раздвинулся,— и появился Буратино: нос — торчком, рот до ушей. За ним прихрамывал ободранный Артемон, навьюченный двумя тюками...

— Тоже — захотели со мной драться! — сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. — Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас Барабас — тьфу! Девчонка, полезай на собаку, мальчишка, держись за хвост. Пошли...

И он мужественно зашагал по кочкам, локтями раздвигая камыш,— кругом озера на ту сторону...

Мальвина и Пьеро не смели даже спросить его, чем кончился бой с полицейскими собаками и почему их не преследует Карабас Барабас.

Когда добрались до того берега озера, благородный Артемон начал скулить и хромать на все лапы. Надо было сделать привал, чтобы перевязать ему раны. Под огромными корнями сосны, растущей на каменистом пригорке, увидели пещеру. Туда втащили тюки, и туда же вполз Артемон.

Благородная собака сначала облизывала каждую лапу, потом протягивала ее Мальвине. Буратино рвал Мальвинину старую рубашку на бинты, Пьеро их держал, Мальвина перевязывала лапы.

После перевязки Артемону поставили градусник, и собака спокойно заснула.

Буратино сказал:

— Пьеро, катись к озеру, принеси воды.

Пьеро послушно поплелся, бормоча стихи и спотыкаясь, по дороге потерял крышку, едва принес воды на дне чайника.

Буратино сказал:

— Мальвина, слетай-ка, набери веток для костра.

Мальвина с укоризной взглянула на Буратино, по-

жала плечиком,— и принесла несколько сухих стебельков...

Буратино сказал:

— Вот наказание с этими хорошо воспитанными...

Сам принес воды, сам набрал веток и сосновых шишек, сам развел у входа в пещеру костер, такой шумный, что закачались ветви на высокой сосне... Сам сварил какао на воде.

— Живо! Садись завтракать...

Мальвина все это время молчала, поджав губы. Но теперь она сказала — очень твердо, взрослым голосом:

— Не думайте, Буратино, что если вы дрались с собаками и победили, спасли нас от Карабаса Барабаса и в дальнейшем вели себя мужественно, то вас это избавляет от необходимости мыть руки и чистить зубы перед едой...

Буратино так и сел: вот тебе раз! — выпучил глаза на девчонку с железным характером.

Мальвина вышла из пещеры и хлопнула в ладоши:

— Бабочки, гусеницы, жуки, жабы...

Не прошло минуты — прилетели большие бабочки, испачканные цветочной пыльцой. Приползли гусеницы и угрюмые навозные жуки.

На животах пришлепали жабы...

Бабочки, вздыхая крыльями, сели на стены пещеры, чтобы внутри было красиво и обсыпа́вшаяся земля не попадала в кушанье.

Навозные жуки скатывали в шарики весь мусор на полу пещеры и выкидывали их прочь.

Жирная белая гусеница вползла на голову Буратино и, свесившись с его носа, выдавила немного пасты ему на зубы. Хочешь не хочешь, пришлось их почистить.

Другая гусеница почистила зубы Пьеро.

Появился заспанный барсук, похожий на мохнатого поросенка... Он брал лапой коричневых гусениц, выдавливал из них коричневую пасту на обувь и хвостом отлично вычистил все три пары башмаков — у Мальвины, Буратино и Пьеро.

Почистив, зевнул: а-ха-ха,— и ушел вперевалку.

Влетел суетливый, пестрый, веселый удод с красным хохолком, который вставал дыбом, когда он чему-нибудь удивлялся.

— Кого причесать?

— Меня,— сказала Мальвина.— Завейте и причешите, я растрепана...

— А где же зеркало? Послушайте, душечка...

Тогда пучеглазые жабы сказали:

— Мы принесем...

Десять жаб зашлепали животами к озеру. Вместо зеркала они приволокли зеркального карпа, такого жирного и сонного, что ему было все равно, куда его тащат под плавники.

Карпа поставили на хвост перед Мальвиной. Чтобы он не задыхался, ему в рот лили из чайника воду.

Суетливый удод завил и причесал Мальвину. Осторожно взял со стены одну из бабочек и припудрил ею девчонкин нос.

— Готово, душечка...

И — ффрр! — пестрым клубком вылетел из пещеры.

Жабы утащили зеркального карпа обратно в озеро. Буратино и Пьеро — хочешь не хочешь — вымыли руки и даже шею.

Мальвина разрешила сесть завтракать.

После завтрака, смахнув крошки с колен, она сказала:

— Буратино, мой друг, в прошлый раз мы с вами остановились на диктанте. Продолжим урок...

Буратино захотелось выскочить из пещеры — куда глаза глядят. Но нельзя же было бросить беспомощных товарищей и больную собаку! Он проворчал:

— Письменных принадлежностей не взяли...

— Неправда, взяли — простонал Артемон. Дополз до узла, зубами развязал его и вытащил пузырек с чернилами, пенал, тетрадь и даже маленький глобус.

— Не держите вставочку судорожно и слишком близко к перу, иначе вы испачкаете пальцы в чернилах,— сказала Мальвина. Подняла хорошенькие глаза к потолку пещеры на бабочек и...

В это время послышался хруст веток, грубые голоса,— мимо пещеры прошли продавец лечебных пиявок Дуремар и волочащий ноги Карабас Барабас.

На лбу у директора кукольного театра багровела огромная шишка, нос распух, борода — в клочьях и вымазана в смоле.

Охая и отплевываясь, он говорил:

— Они далеко не могли убежать. Они где-нибудь здесь, в лесу.

НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО, БУРАТИНО РЕШАЕТ ВЫВЕДАТЬ У КАРАБАСА БАРАБАСА ТАЙНУ ЗОЛОТОГО КЛЮЧИКА

Карабас Барабас и Дуремар медленно прошли мимо пещеры.

Во время боя на равнине продавец лечебных пиявок в страхе сидел за кустом. Когда все кончилось, он подождал, покуда Артемон и Буратино не скроются в густой траве, и тогда только с большими трудностями отодрал от ствола итальянской сосны бороду Карабаса Барабаса.

— Ну и отделал же вас мальчишка,— сказал Дуремар.— Придется вам приставить к затылку две дюжины самых лучших пиявок...

Карабас Барабас заревел:

— Сто тысяч чертей! Живо в погоню за негодяями!..

Карабас Барабас и Дуремар пошли по следам беглецов. Они раздвигали руками траву, осматривали каждый куст, обшаривали каждую кочку.

Они видели дымок костра у корней старой сосны, но им и в голову не пришло, что в этой пещере скрывались деревянные человечки да еще зажгли костер.

— Этого негодяя Буратино разрежу перочинным ножом на кусочки,— ворчал Карабас Барабас.

Беглецы притаились в пещере.

Что теперь делать? Бежать? Но Артемон, весь забинтованный, крепко спал. Пес должен был спать двадцать четыре часа, чтобы зажили раны.

Неужели же бросить благородную собаку одну в пещере?

Нет, нет, спасаться — так всем вместе, погибать — так всем вместе...

Буратино, Пьеро и Мальвина, в глубине пещеры, уткнувшись носами, долго совещались. Решили: прождать здесь до утра, вход в пещеру замаскировать ветками и для скорейшего выздоровления Артемону сделать питательную клизму.

Буратино сказал:

— Я все-таки хочу во что бы то ни стало узнать у Карабаса Барабаса, где эта дверца, которую открывает золотой ключик. За дверцей хранится что-нибудь замечательное... удивительное. И оно должно принести нам счастье...

— Боюсь без вас оставаться, боюсь,— простонала Мальвина.

— А Пьеро вам на что?

— Ах, он только читает стишки...

— Я буду защищать Мальвину, как лев,— проговорил Пьеро хриплым голосом, каким разговаривают крупные хищники,— вы меня еще не знаете...

— Молодчина Пьеро, давно бы так!

И Буратино пустился бежать по следам Карабаса Барабаса и Дуремара.

Он их вскоре увидел. Директор кукольного театра сидел на берегу ручья, Дуремар ставил ему на шишку компресс из листьев конского щавеля. Издалека было слышно свирепое урчанье в пустом желудке у Карабаса Барабаса и скучное попискивание в пустом желудке у продавца лечебных пиявок.

— Синьор, нам необходимо подкрепиться,— говорил Дуремар,— поиски негодяев могут затянуться до глубокой ночи.

— Я бы съел сейчас целого поросеночка да парочку уточек,— мрачно ответил Карабас Барабас.

Приятели побрели к харчевне «Трех пескарей» — ее вывеска виднелась на пригорке. Но скорее, чем Карабас Барабас и Дуремар, припустился туда Буратино, пригибаясь к траве, чтобы его не заметили.

Около дверей харчевни Буратино подкрался к большому петуху, который, найдя зернышко или кусочек цыплячьей кишки, гордо встряхивал красным гребешком, шаркал когтями и с тревогою звал кур на угощенье:

— Ко-ко-ко!

Буратино протянул ему на ладони крошки миндального пирожного.

— Угощайтесь, синьор главнокомандующий.

Петух строго взглянул на деревянного мальчишку, но не удержался и клюнул его в ладонь.

— Ко-ко-ко!..

— Синьор главнокомандующий, мне нужно бы пройти в харчевню, но так, чтобы хозяин меня не заметил. Я спрячусь за ваш великолепный разноцветный хвост, и вы доведете меня до самого очага. Ладно?

— Ко-ко! — еще более гордо произнес петух.

Он ничего не понял, но чтобы не показать, что ничего не понял, важно пошел к открытой двери харчевни. Буратино схватил его под крылья за бока, прикрылся его хвостом и на корточках пробрался на кухню, к самому очагу, где суетился плешивый хозяин харчевни, крутя на огне вертела и сковороды.

— Пошло прочь, старое бульонное мясо! — крикнул на петуха хозяин и так поддал ногой, что петух

— Ку-дах-тах-тах! — с отчаянным криком вылетел на улицу к перепуганным курам.

Буратино, незамеченный, шмыгнул мимо ног хозяина и присел за большим глиняным кувшином.

В это время послышались голоса Карабаса Барабаса и Дуремара.

Хозяин, низко кланяясь, вышел им навстречу.

Буратино влез внутрь глиняного кувшина и там притаился.

БУРАТИНО УЗНАЕТ ТАЙНУ ЗОЛОТОГО КЛЮЧИКА

Карабас Барабас и Дуремар подкреплялись жареным поросеночком. Хозяин подливал вина в стаканы.

Карабас Барабас, обсасывая поросячью ногу, сказал хозяину:

— Дрянь у тебя вино, налей-ка мне вон из того кувшина! — И указал костью на кувшин, где сидел Буратино.

— Синьор, этот кувшин пуст,— ответил хозяин.

— Врешь, покажи.

Тогда хозяин поднял кувшин и перевернул его. Буратино изо всей силы уперся локтями в бока кувшина, чтобы не вывалиться.

— Там что-то чернеется,— прохрипел Карабас Барабас.

— Там что-то белеется,— подтвердил Дуремар.

— Синьоры, чирей мне на язык, прострел мне в поясницу,— кувшин пуст!

— В таком случае ставь его на стол — мы будем кидать туда кости.

Кувшин, где сидел Буратино, поставили между директором кукольного театра и продавцом лечебных пиявок. На голову Буратино посыпались обглоданные кости и корки.

Карабас Барабас, выпив много вина, протянул к огню очага бороду, чтобы с нее капала налипшая смола.

— Положу Буратино на ладонь,— хвастливо говорил он,— другой ладонью прихлопну,— мокрое место от него останется.

— Негодяй вполне этого заслуживает,— подтверждал Дуремар,— но сначала к нему хорошо бы приставить пиявок, чтобы они высосали всю кровь...

— Нет! — стучал кулаком Карабас Барабас.— Сначала я отниму у него золотой ключик...

В разговор вмешался хозяин,— он уже знал про бегство деревянных человечков.

— Синьор, вам нечего утомлять себя поисками. Сейчас я позову двух расторопных ребят,— покуда вы подкрепляетесь вином, они живо обыщут весь лес и притащат сюда Буратино.

— Ладно. Посылай ребят,— сказал Карабас Барабас, подставляя к огню огромные подошвы. И так как он был уже пьян, то во всю глотку запел песню:

Мой народец странный,
Глупый, деревянный.
Кукольный владыка,
Вот я кто, поди-ка...
Грозный Карабас,
Славный Барабас...
Куклы предо мною
Стелются травою.

Будь ты хоть красотка —
У меня есть плетка,
Плетка в семь хвостов,
Плетка в семь хвостов.
Погрожу лишь плеткой —
Мой народец кроткий
Песни распевает,
Денежки сбирает
В мой большой карман,
В мой большой карман...

Тогда Буратино завывающим голосом проговорил из глубины кувшина:

— Открой тайну, несчастный, открой тайну!..

Карабас Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и выпучился на Дуремара.

— Это ты?

— Нет, это не я...

— Кто же сказал, чтобы я открыл тайну?

Дуремар был суеверен; кроме того, он тоже выпил много вина. Лицо у него посинело и сморщилось от страха, как гриб сморчок.

Глядя на него, и Карабас Барабас застучал зубами.

— Открой тайну,— опять завыл таинственный голос из глубины кувшина,— иначе не сойдешь с этого стула, несчастный!

Карабас Барабас попытался вскочить, но не мог даже и приподняться.

— Как-ка-какую та-та-тайну? — спросил он, заикаясь.

Голос ответил:

— Тайну черепахи Тортилы.

От ужаса Дуремар медленно полез под стол. У Карабаса Барабаса отвалилась челюсть.

— Где находится дверь, где находится дверь? — будто ветер в трубе в осеннюю ночь, провыл голос...

— Отвечу, отвечу, замолчи, замолчи, — прошептал Карабас Барабас.— Дверь — у старого Карло в каморке, за нарисованным очагом...

Едва он произнес эти слова, со двора вошел хозяин.

— Вот надежные ребята, за деньги они приведут к вам, синьор, хоть самого черта...

И он указал на стоящих на пороге лису Алису и кота Базилио. Лиса почтительно сняла старую шляпу.

— Синьор Карабас Барабас подарит нам на бедность десять золотых монет, и мы отдадим вам в руки негодяя Буратино, не сходя с этого места.

Карабас Барабас залез под бороду в жилетный карман, вынул десять золотых.

— Вот деньги, а где Буратино?

Лиса несколько раз пересчитала монеты, вздохнула, отдавая половину коту, и указала лапой:

— Он в этом кувшине, синьор, у вас под носом...

Карабас Барабас схватил со стола кувшин и бешено швырнул его о каменный пол. Из осколков и кучи обглоданных костей выскочил Буратино. Пока все стояли, разинув рты, он, как стрела, кинулся из харчевни на двор — прямо к петуху, который гордо рассматривал то одним глазом, то другим дохлого червячка.

— Это ты меня предал, старый котлетный фарш! — свирепо вытянув нос, сказал ему Буратино.— Ну, теперь лупи что есть духу...

И он плотно вцепился в его генеральский хвост. Петух, ничего не понимая, растопырил крылья и пустился бежать на голенастых ногах. Буратино — в вихре — за ним,— под гору, через дорогу, по полю, к лесу.

Карабас Барабас, Дуремар и хозяин харчевни опомнились наконец от удивления и выбежали вслед за Буратино. Но сколько они ни оглядывались, его нигде не было видно, только вдалеке по полю лупил что есть духу петух. Но так как всем было известно, что он дурак, то на этого петуха никто не обратил внимания.

БУРАТИНО ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ ПРИХОДИТ В ОТЧАЯНИЕ, НО ВСЕ КОНЧАЕТСЯ БЛАГОПОЛУЧНО

Глупый петух уморился, едва бежал, разинув клюв. Буратино отпустил наконец его помятый хвост.

— Ступай, генерал, к своим курам...

И один пошел туда, где сквозь листву ярко блестело Лебединое озеро.

Вот и сосна на каменистом пригорке, вот и пещера. Вокруг разбросаны наломанные ветки. Трава примята следами колес.

У Буратино отчаянно забилось сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни...

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял,— это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем-то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком,— нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стишки,— Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы увидеть снова друзей.

Около его головы бесшумно поднялся рыхлый бугорок земли, вылез бархатный крот с розовыми ладонями, пискляво чихнул три раза и сказал:

— Я слеп, но я отлично слышу. Сюда подъезжала тележка, запряженная овцами. В ней сидел Лис, губернатор Города Дураков, и сыщики. Губернатор приказал:

«Взять негодяев, которые поколотили моих лучших полицейских при исполнении обязанностей! Взять!»

Сыщики ответили:

«Тяф!»

Бросились в пещеру, и там началась отчаянная возня. Твоих друзей связали, кинули в тележку вместе с узлами и уехали.

Что за польза была лежать, завязив нос в земле! Буратино вскочил и побежал по следам колес. Обогнул озеро, вышел на поле с густой травой.

Шел, шел... У него не было никакого плана в голове. Надо спасти товарищей,— вот и все...

Дошел до обрыва, откуда позапрошлой ночью сорвался в лопухи. Внизу увидел грязный пруд, где жила черепаха Тортила. По дороге к пруду спускалась тележка; ее тащили две худые, как скелеты, овцы с ободранной шерстью.

На козлах сидел жирный кот, с надутыми щеками, в золотых очках,— он служил при губернаторе тайным нашептывателем в ухо. Позади него — важный Лис,

губернатор... На узлах лежали Мальвина, Пьеро и весь забинтованный Артемон,— всегда такой расчесанный хвост его волочился кисточкой по пыли.

Позади тележки шли два сыщика — добермана-пинчера.

Вдруг сыщики подняли собачьи морды и увидели наверху обрыва белый колпачок Буратино.

Сильными прыжками пинчеры начали взбираться по крутому косогору. Но прежде чем они доскакали до верха, Буратино,— а ему уже никуда не скрыться, не убежать,— сложил руки над головой и — ласточкой — с самого крутого места кинулся вниз, в грязный пруд, затянутый зеленой ряской.

Он описал в воздухе кривую и, конечно, угодил бы в пруд под защиту тетки Тортилы, если бы не сильный порыв ветра.

Ветер подхватил легонького деревянного Буратино, закружил, завертел его «двойным штопором», швырнул в сторону, и он, падая, шлепнулся прямо в тележку, на голову губернатора Лиса.

Жирный кот в золотых очках от неожиданности свалился с козел, и так как он был подлец и трус, то притворился, что упал в обморок.

Губернатор Лис, тоже отчаянный трус, с визгом кинулся удирать по косогору и тут же залез в барсучью нору. Там ему пришлось не сладко: барсуки сурово расправляются с такими гостями.

Овцы шарахнулись, тележка опрокинулась. Мальвина, Пьеро и Артемон вместе с узлами покатились в лопухи.

Все это произошло так быстро, что вы, дорогие читатели, не успели бы сосчитать всех пальцев на руке.

Доберманы-пинчеры огромными прыжками кинулись вниз с обрыва. Подскочив к опрокинутой тележке, увидели жирного кота в обмороке. Увидели в лопухах валяющихся деревянных человечков и забинтованного пуделя. Но нигде не было видно губернатора Лиса.

Он исчез,— будто сквозь землю провалился тот, кого сыщики должны охранять, как зеницу ока.

Первый сыщик, подняв морду, издал собачий вопль отчаяния.

Второй сыщик сделал то же самое:

— Ай, ай, ай, ай-у-у-у!..

Они кинулись и обыскали весь косогор. Снова тоскливо взвыли, потому что им уже мерещились плетка и железная решетка.

Униженно виляя задами, они побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым,— так по дороге они придумали в свое оправданье.

Буратино потихоньку ощупал себя,— ноги, руки были целы. Он пополз в лопухи и освободил от веревок Мальвину и Пьеро.

Мальвина, не говоря ни слова, обхватила Буратино за шею, но поцеловать не могла — помешал его длинный нос.

У Пьеро по локоть были оторваны рукава, белая пудра осыпалась со щек, и оказалось, что щеки у него обыкновенные — румяные, несмотря на его любовь к стихам.

— Я здо́рово дрался,— грубым голосом сказал он.— Кабы мне не дали под ножку — нипочем бы меня не взять.

Мальвина подтвердила:

— Он дрался, как лев.

Она обхватила Пьеро за шею и поцеловала в обе щеки.

— Довольно, довольно лизаться,— проворчал Буратино,— бежимте. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили ее по косогору наверх.

— Пустите, я сам пойду, мне так унизительно,— стонал забинтованный пудель.

— Нет, нет, ты слишком слаб.

Но едва они взобрались до половины косогора, наверху показались Карабас Барабас и Дуремар. Лиса Алиса показывала лапой на беглецов, кот Базилио щетинил усы и отвратительно шипел.

— Ха-ха-ха, вот так ловко! — захохотал Карабас Барабас.— Сам золотой ключик идет мне в руки!

Буратино торопливо придумывал, как выпутаться из новой беды. Пьеро прижал к себе Мальвину, намере-

ваясь дорого продать жизнь. На этот раз не было никакой надежды на спасение.

Дуремар хихикал наверху косогора.

— Больную собачку-пуделя, синьор Карабас Барабас, вы мне отдайте, я ее брошу в пруд пиявочкам, чтобы мои пиявочки разжирели...

Толстому Карабасу Барабасу лень было спускаться вниз, он манил беглецов пальцем, похожим на сардельку:

— Идите, идите ко мне, деточки...

— Ни с места! — приказал Буратино.— Погибать — так весело! Пьеро, говори какие-нибудь свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи во всю глотку...

Мальвина, несмотря на некоторые недостатки, была хорошим товарищем. Она вытерла слезы и засмеялась очень обидно для тех, кто стоял наверху косогора.

Пьеро сейчас же сочинил стихи и завыл неприятным голосом:

Лису Алису жалко —
Плачет по ней палка.
Кот Базилио нищий —
Вор, гнусный котище.
Дуремар, наш дурачок,
Безобразнейший сморчок.
Карабас ты Барабас,
Не боимся очень вас...

В то же время Буратино кривлялся и дразнился:

— Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись к нам,— я тебе наплюю в драную бороду!

В ответ Карабас Барабас страшно зарычал, Дуремар поднял тощие руки к небу.

Лиса Алиса криво усмехнулась:

— Разрешите свернуть шеи этим нахалам?

Еще минута, и все было бы кончено... Вдруг со свистом промчались стрижи:

— Здесь, здесь, здесь!..

Над головой Карабаса Барабаса пролетела сорока, громко тараторя:

— Скорее, скорее, скорее!..

И наверху косогора появился старый папа Карло. Рукава у него были засучены, в руке сучковатая палка, брови нахмурены...

Он плечом толкнул Карабаса Барабаса, локтем — Дуремара, дубинкой вытянул по спине лису Алису, сапогом швырнул в сторону кота Базилио...

После этого, нагнувшись и глядя с косогора вниз, где стояли деревянные человечки, сказал радостно:

— Сын мой, Буратино, плутишка, ты жив и здоров,— иди же скорее ко мне!

БУРАТИНО НАКОНЕЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ ВМЕСТЕ С ПАПОЙ КАРЛО, МАЛЬВИНОЙ, ПЬЕРО И АРТЕМОНОМ

Неожиданное появление Карло, его дубинка и нахмуренные брови навели ужас на негодяев.

Лиса Алиса уползла в густую траву и там дала стрекача, иногда лишь останавливаясь, чтобы поежиться после удара дубинкой.

Кот Базилио, отлетев шагов на десять, шипел от злости, как проткнутая велосипедная шина.

Дуремар подобрал полы зеленого пальто и полез с косогора вниз, повторяя:

— Я ни при чем, я ни при чем...

Но на крутом месте сорвался, покатился и с ужасным шумом и плеском шлепнулся в пруд.

Карабас Барабас остался стоять, где стоял. Он только втянул всю голову до макушки в плечи; борода его висела, как пакля.

Буратино, Пьеро и Мальвина взобрались наверх. Папа Карло брал их поодиночке на руки, грозил пальцем:

— Вот я вас ужо, баловники!

И клал за пазуху.

Потом он спустился на несколько шагов с косогора и присел над несчастной собакой. Верный Артемон поднял морду и лизнул Карло в нос. Буратино тотчас высунулся из-за пазухи.

— Папа Карло, мы без собаки домой не пойдем.

— Э-хе-хе,— ответил Карло,— тяжеленько будет, ну да уж как-нибудь донесу вашего песика.

Он взвалил Артемона на плечо и, отдуваясь от тяжелого груза, полез наверх, где, все так же втянув голову, выпучив глаза, стоял Карабас Барабас.

— Куклы мои...— проворчал он.

Папа Карло ответил ему сурово:

— Эх ты! С кем на старости лет связался,— с известными всему свету жуликами, с Дуремаром, с котом, с лисой. Маленьких обижаете! Стыдно, доктор!

И Карло пошел по дороге в город.

Карабас Барабас со втянутой головой шел за ним следом.

— Куклы мои, отдай!..

— Нипочем не отдавай! — завопил Буратино, высовываясь из-за пазухи.

Так шли, шли. Миновали харчевню «Трех пескарей», где в дверях кланялся плешивый хозяин, показывая обеими руками на шипящие сковородки. Около дверей взад и вперед, взад и вперед расхаживал петух с выдранным хвостом и возмущенно рассказывал о хулиганском поступке Буратино. Куры сочувственно поддакивали:

— Ах-ах, какой страх! Ух-ух, наш петух!..

Карло поднялся на холм, откуда было видно море, кое-где покрытое матовыми полосками от веяния ветерка, у берега — старый городок песочного цвета под знойным солнцем и полотняная крыша кукольного театра.

Карабас Барабас, стоя в трех шагах позади Карло, проворчал:

— Я тебе дам за куклы сто золотых монет, продай.

Буратино, Мальвина и Пьеро перестали дышать — ждали, что скажет Карло.

Он ответил:

— Нет! Если бы ты был добрым, хорошим директором театра, я бы тебе, так и быть, отдал маленьких человечков. А ты — хуже всякого крокодила. Не отдам и не продам, убирайся.

Карло спустился с холма и, уже более не обращая внимания на Карабаса Барабаса, вошел в городок.

Там на пустой площади неподвижно стоял полицейский. От жары и скуки у него повисли усы, веки слиплись, над треугольной шляпой кружились мухи.

Карабас Барабас вдруг засунул бороду в карман, схватил Карло сзади за рубашку и заорал на всю площадь:

— Держите вора, он украл у меня куклы!...

Но полицейский, которому было жарко и скучно, даже и не пошевелился. Карабас Барабас подскочил к нему, требуя арестовать Карло.

— А ты кто такой? — лениво спросил полицейский.

— Я доктор кукольных наук, директор знаменитого театра, кавалер высших орденов, ближайший друг Тарабарского короля, синьор Карабас Барабас...

— А ты не кричи на меня,— ответил полицейский.

Покуда Карабас Барабас с ним препирался, папа Карло, торопливо стуча палкой по плитам мостовой, подошел к дому, где он жил. Отпер дверь в полутемную каморку под лестницей, снял с плеча Артемона, положил на койку, из-за пазухи вынул Буратино, Мальвину и Пьеро и посадил их рядышком на стол.

Мальвина сейчас же сказала:

— Папа Карло, прежде всего займитесь больной собакой. Мальчики, немедленно мыться...

Вдруг она в отчаянии всплеснула руками:

— А мои платья! Мои новенькие туфельки, мои хорошенькие ленточки остались на дне оврага, в лопухах!..

— Ничего, не горюй,— сказал Карло,— вечером я схожу, принесу твои узлы.

Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы. Оказалось, что раны почти уже зажили и собака не могла пошевелиться только потому, что была голодна.

— Тарелочку овсяной болтушки да косточку с мозгом,— простонал Артемон,— и я готов драться со всеми собаками в городе.

— Ай-ай-ай,— сокрушался Карло,— а у меня дома ни крошки, и в кармане ни сольдо...

Мальвина жалобно всхлипнула. Пьеро тер кулаком лоб, соображая.

— Я пойду на улицу читать стихи, прохожие надают мне кучу сольдо.

Карло покачал головой.

— И будешь ты ночевать, сынок, за бродяжничество в полицейском отделении.

Все, кроме Буратино, приуныли. Он же хитро улыбался, вертелся так, будто сидел не на столе, а на перевернутой кнопке.

— Ребята, довольно хныкать! — Он соскочил на пол и что-то вытащил из кармана.— Папа Карло, возьми молоток, отдери от стены дырявый холст.

И он задранным носом указал на очаг, и на котелок над очагом, и на дым, нарисованные на куске старого холста.

Карло удивился.

— Зачем, сынок, ты хочешь сдирать со стены такую прекрасную картину? В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая баранья похлебка с чесноком, и мне становится немного теплее.

— Папа Карло, даю честное кукольное слово,— у тебя будет настоящий огонь в очаге, настоящий чугунный котелок и горячая похлебка. Сдери холст!

Буратино сказал это так уверенно, что папа Карло почесал в затылке, покачал головой, покряхтел, покряхтел,— взял клещи и молоток и начал отдирать холст. За ним, как мы уже знаем, все было затянуто паутиной и висели дохлые пауки.

Карло старательно обмел паутину. Тогда стала видна небольшая дверца из потемневшего дуба. На четырех углах на ней были вырезаны смеющиеся рожицы, а посредине — пляшущий человечек с длинным носом.

Когда с него смахнули пыль, Мальвина, Пьеро, папа Карло, даже голодный Артемон воскликнули в один голос:

— Это портрет самого Буратино!

— Я так и думал,— сказал Буратино, хотя он ничего такого не думал и сам удивился.— А вот и ключ от дверцы. Папа Карло, открой...

— Эта дверца и этот золотой ключик,—проговорил Карло,— сделаны очень давно каким-то искусным мастером. Посмотрим, что спрятано за дверцей.

Он вложил ключик в замочную скважину и повернул... Раздалась негромкая, очень приятная музыка, будто заиграл органчик в музыкальном ящике.

Папа Карло толкнул дверцу. Со скрипом она начала открываться.

В это время раздались торопливые шаги за окном и голос Карабаса Барабаса проревел:

— Именем Тарабарского короля — арестуйте старого плута Карло!

КАРАБАС БАРАБАС ВРЫВАЕТСЯ В КАМОРКУ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Карабас Барабас, как мы знаем, тщетно старался уговорить сонного полицейского, чтобы он арестовал Карло. Ничего не добившись, Карабас Барабас побежал по улице.

Развевающаяся борода его цеплялась за пуговицы и зонтики прохожих. Он толкался и лязгал зубами. Вслед ему пронзительно свистели мальчишки, запускали в спину ему гнилыми яблоками.

Карабас Барабас вбежал к начальнику города. В этот жаркий час начальник сидел в саду, около фонтана, в одних трусиках и пил лимонад.

У начальника было шесть подбородков, нос его утонул в розовых щеках. За спиной его, под липой, четверо мрачных полицейских то и дело откупоривали бутылки с лимонадом.

Карабас Барабас бросился перед начальником на колени и, бородой размазывая слезы по лицу, завопил:

— Я несчастный сирота, меня обидели, обокрали, избили...

— Кто тебя, сироту, обидел? — отдуваясь, спросил начальник.

— Злейший враг, старый шарманщик Карло. Он украл у меня три самые лучшие куклы, он хочет сжечь мой знаменитый театр, он подожжет и ограбит весь город, если его сейчас же не арестовать.

В подкрепление своих слов Карабас Барабас вытащил горсть золотых монет и положил в туфлю начальника.

Короче говоря, он такое наплел и наврал, что испуганный начальник приказал четырем полицейским под липой:

— Идите за почтенным сиротой и сделайте все нужное именем закона.

Карабас Барабас побежал с четырьмя полицейскими к каморке Карло и крикнул:

— Именем Тарабарского короля — арестуйте вора и негодяя!

Но двери были закрыты. В каморке никто не отозвался. Карабас Барабас приказал:

— Именем Тарабарского короля — ломайте дверь!

Полицейские нажали, гнилые половинки дверей сорвались с петель, и четыре бравых полицейских, гремя саблями, с грохотом свалились в каморку под лестницей.

Это было в ту самую минуту, когда в потайную дверцу в стене, нагнувшись, уходил Карло.

Он скрылся последним. Дверца —

Дзынь!..—

Захлопнулась. Тихая музыка перестала играть. В каморке под лестницей валялись только грязные бинты и рваный холст с нарисованным очагом...

Карабас Барабас подскочил к потайной дверце, заколотил в нее кулаками и каблуками:

Тра-та-та-та!

Но дверца была прочна.

Карабас Барабас разбежался и ударил в дверцу задом.

Дверца не поддалась.

Он затопал на полицейских:

— Ломайте проклятую дверь именем Тарабарского короля!..

Полицейские ощупывали друг у друга — кто нашлепку на носу, кто шишку на голове.

— Нет, здесь работа очень тяжелая,— ответили они и пошли к начальнику города сказать, что ими все сделано по закону, но старому шарманщику, видимо, помогает сам дьявол, потому что он ушел сквозь стену.

Карабас Барабас рванул себя за бороду, повалился на пол и начал реветь, выть и кататься, как бешеный, по пустой каморке под лестницей.

ЧТО ОНИ НАШЛИ ЗА ПОТАЙНОЙ ДВЕРЬЮ

Пока Карабас Барабас катался, как бешеный, и рвал на себе бороду, Буратино впереди, а за ним Мальвина, Пьеро, Артемон и — последним — папа Карло спускались по крутой каменной лестнице в подземелье.

Папа Карло держал огарок свечи. Ее колеблющийся огонек отбрасывал от Артемоновой лохматой головы или от протянутой руки Пьеро большие тени, но не мог осветить темноты, куда спускалась лестница.

Мальвина, чтобы не зареветь от страха, щипала себя за уши.

Пьеро — как всегда, ни к селу ни к городу — бормотал стишки:

Пляшут тени на стене,—
Ничего не страшно мне.
Лестница пускай крута,
Пусть опасна темнота,—
Все равно подземный путь
Приведет куда-нибудь...

Буратино опередил товарищей,— его белый колпачок едва был виден глубоко внизу.

Вдруг там что-то зашипело, упало, покатилось, и донесся его жалобный голос:

— Ко мне, на помощь!

Мгновенно Артемон, забыв раны и голод, опрокинул Мальвину и Пьеро, черным вихрем кинулся вниз по ступенькам.

Лязгнули его зубы. Гнусно взвизгнуло какое-то существо.

Все затихло. Только у Мальвины громко, как в будильнике, стучало сердце.

Широкий луч света снизу ударил по лестнице. Огонек свечи, которую держал папа Карло, стал желтым.

— Глядите, глядите скорее! — громко позвал Буратино.

Мальвина — задом наперед — торопливо начала слезать со ступеньки на ступеньку, за ней запрыгал Пьеро. Последним, нагнувшись, сходил Карло, то и дело теряя деревянные башмаки.

Внизу, там, где кончалась крутая лестница, на каменной площадке сидел Артемон. Он облизывался. У его ног валялась задушенная крыса Шушара.

Буратино обеими руками приподнимал истлевший войлок,— им было занавешено отверстие в каменной стене. Оттуда лился голубой свет.

Первое, что они увидели, когда пролезли в отверстие,— это расходящиеся лучи солнца. Они падали со сводчатого потолка сквозь круглое окно.

Широкие лучи с танцующими в них пылинками освещали круглую комнату из желтоватого мрамора. Посреди нее стоял чудной красоты кукольный театр. На занавесе его блестел золотой зигзаг молнии.

С боков занавеса поднимались две квадратные башни, раскрашенные так, будто они были сложены из маленьких кирпичиков. Высокие крыши из зеленой жести ярко блестели.

На левой башне были часы с бронзовыми стрелками. На циферблате против каждой цифры нарисованы смеющиеся рожицы мальчика и девочки.

На правой башне — круглое окошко из разноцветных стекол.

Над этим окошком, на крыше из зеленой жести, сидел Говорящий Сверчок. Когда все, разинув рты, остановились перед чудным театром, сверчок проговорил медленно и ясно:

— Я предупреждал, что тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения, Буратино. Хорошо, что все кончилось благополучно, а могло кончиться и неблагополучно... Так-то...

Голос у Сверчка был старый и слегка обиженный, потому что Говорящему Сверчку в свое время все же попало по голове молотком, и, несмотря на столетний возраст и природную доброту, он не мог забыть незаслуженной обиды. Поэтому он больше ничего не прибавил,— дернул усиками, точно смахивая с них пыль, и медленно уполз куда-то в одинокую щель — подальше от суеты.

Тогда папа Карло проговорил:

— А я-то думал, мы тут по крайней мере найдем кучу золота и серебра, а нашли всего-навсего старую игрушку.

Он подошел к часам, вделанным в башенку, постучал ногтем по циферблату, и так как сбоку часов на медном гвоздике висел ключик, он взял его и завел часы...

Раздалось громкое тиканье. Стрелки двинулись. Большая стрелка подошла к двенадцати, маленькая — к шести. Внутри башни загудело и зашипело. Часы звонко пробили шесть...

Тотчас на правой башне раскрылось окошко из разноцветных стекол, выскочила заводная пестрая птица и, затрепетав крыльями, пропела шесть раз:

— К нам—к нам, к нам — к нам, к нам — к нам...

Птица скрылась, окошко захлопнулось, заиграла шарманочная музыка. И занавес поднялся...

Никто, даже папа Карло, никогда не видывал такой красивой декорации.

На сцене был сад. На маленьких деревьях с золотыми и серебряными листьями пели заводные скворцы величиной с ноготь. На одном дереве висели яблоки, каждое из них не больше гречишного зерна. Под деревьями прохаживались павлины и, приподнимаясь на цыпочках, клевали яблоки. На лужайке прыгали и бодались два козленка, а в воздухе летали бабочки, едва заметные глазу.

Так прошла минута. Скворцы замолкли, павлины и козлята попятились за боковые кулисы. Деревья провалились в потайные люки под пол сцены.

На задней декорации начали расходиться тюлевые облака. Показалось красное солнце над песчаной пустыней. Справа и слева, из боковых кулис выкинулись ветки лиан, похожие на змей,— на одной действительно висела змея удав, на другой раскачивалось, схватившись хвостами, семейство обезьян.

Это была Африка.

По песку пустыни под красным солнцем проходили звери.

В три скачка промчался гривастый лев,— хотя был он не больше котенка, но страшен.

Переваливаясь, проковылял на задних лапах плюшевый медведь с зонтиком.

Прополз отвратительный крокодил,— его маленькие

дрянные глазки притворялись добренькими. Но все же Артемон не поверил и зарычал на него.

Проскакал носорог,— для безопасности на его острый рог был надет резиновый мячик.

Пробежал жираф, похожий на полосатого, рогатого верблюда, изо всей силы вытянувшего шею.

Потом шел слон, друг детей,— умный, добродушный,— помахивал хоботом, в котором держал соевую конфету.

Последней протрусила бочком страшно грязная дикая собака — шакал. Артемон с лаем кинулся на нее,— папе Карло с трудом удалось оттащить его за хвост от сцены.

Звери прошли. Солнце вдруг погасло. В темноте какие-то вещи опустились сверху, какие-то вещи выдвинулись с боков. Раздался звук, будто провели смычком по струнам.

Вспыхнули матовые уличные фонарики. На сцене была городская площадь. Двери в домах раскрылись, выбежали маленькие человечки, полезли в игрушечный трамвай. Кондуктор зазвонил, вагоновожатый завертел ручку, мальчишка живо прицепился к колбасе, милиционер засвистел,— трамвай укатился в боковую улицу между высокими домами.

Проехал велосипедист на колесах,— не больше блюдечка для варенья. Пробежал газетчик,— вчетверо сложенные листки отрывного календаря — вот какой величины были у него газеты.

Мороженщик прокатил через площадку тележку с мороженым. На балкончики домов выбежали девочки и замахали ему, а мороженщик развел руками и сказал:

— Всё съели, приходите в другой раз.

Тут занавес упал, и на нем опять заблестел золотой зигзаг молнии.

Папа Карло, Мальвина, Пьеро не могли опомниться от восхищенья. Буратино, засунув руки в карманы, задрав нос, сказал хвастливо:

— Что — видели? Значит, недаром я мокнул в болоте у тетки Тортилы... В этом театре мы поставим комедию — знаете какую? — «Золотой Ключик, или Не-

обыкновенные приключения Буратино и его друзей». Карабас Барабас лопнет с досады.

Пьеро потер кулаками наморщенный лоб:

— Я напишу эту комедию роскошными стихами.

— Я буду продавать мороженое и билеты,— сказала Мальвина.— Если вы найдете у меня талант, попробую играть роли хорошеньких девочек...

— Постойте, ребята, а учиться когда же? — спросил папа Карло.

Все враз ответили:

— Учиться будем утром... А вечером играть в театре...

— Ну, то-то, деточки,— сказал папа Карло,— а уж я, деточки, буду играть на шарманке для увеселения почтенной публики, а если станем разъезжать по Италии из города в город, буду править лошадью да варить баранью похлебку с чесноком...

Артемон слушал, задрав ухо, вертел головой, глядел блестящими глазами на друзей, спрашивал: а ему что делать?

Буратино сказал:

— Артемон будет заведовать бутафорией и театральными костюмами, ему дадим ключи от кладовой. Во время представления он может изображать за кулисами рычание льва, топот носорога, скрип крокодиловых зубов, вой ветра — посредством быстрого верчения хвоста — и другие необходимые звуки.

— Ну, а ты, ну, а ты, Буратино? — спрашивали все.— Чем хочешь быть при театре?

— Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!

НОВЫЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР ДАЕТ ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Карабас Барабас сидел перед очагом в отвратительном настроении. Сырые дрова едва тлели. На улице лил дождь. Дырявая крыша кукольного театра протекала. У кукол отсырели руки и ноги, на репетициях никто не

хотел работать, даже под угрозой плетки в семь хвостов. Куклы уже третий день ничего не ели и зловеще перешептывались в кладовой, вися на гвоздях.

С утра не было продано ни одного билета в театр. Да и кто пошел бы смотреть у Карабаса Барабаса скучные пьесы и голодных, оборванных актеров.

На городской башне часы пробили шесть. Карабас Барабас мрачно побрел в зрительный зал,— пусто.

— Черт бы побрал всех почтеннейших зрителей,— проворчал он и вышел на улицу. Выйдя, взглянул, моргнул и разинул рот так, что туда без труда могла бы влететь ворона.

Напротив его театра перед большой новой полотняной палаткой стояла толпа, не обращая внимания на сырой ветер с моря.

Над входом в палатку на помосте стоял длинноносый человечек в колпачке, трубил в хрипучую трубу и что-то кричал.

Публика смеялась, хлопала в ладоши, и многие заходили внутрь палатки.

К Карабасу Барабасу подошел Дуремар; от него, как никогда, пахло тиной.

— Э-хе-хе,— сказал он, собирая все лицо в кислые морщины,— никуда дела с лечебными пиявками. Вот хочу пойти к ним,— Дуремар указал на новую палатку,— хочу попроситься у них свечи зажигать или мести пол.

— Чей этот проклятый театр? Откуда он взялся? — прорычал Карабас Барабас.

— Это сами куклы открыли кукольный театр «Молния», они сами пишут пьесы в стихах, сами играют.

Карабас Барабас заскрипел зубами, рванул себя за бороду и зашагал к новой полотняной палатке.

Над входом в нее Буратино выкрикивал:

— Первое представление занимательной, увлекательной комедии из жизни деревянных человечков. Истинное происшествие о том, как мы победили всех своих врагов при помощи остроумия, смелости и присутствия духа...

У входа в кукольный театр в стеклянной будочке сидела Мальвина с красивым бантом в голубых волосах

и не поспевала раздавать билеты желающим посмотреть веселую комедию из кукольной жизни.

Папа Карло в новой бархатной куртке вертел шарманку и весело подмигивал почтеннейшей публике.

Артемон тащил за хвост из палатки лису Алису, которая прошла без билета.

Кот Базилио, тоже безбилетный, успел удрать и сидел под дождем на дереве, глядя вниз злющими глазами.

Буратино, надув щеки, затрубил в хрипучую трубу:

— Представление начинается.

И сбежал по лесенке, чтобы играть первую сцену комедии, в которой изображалось, как бедный папа Карло выстругивает из полена деревянного человечка, не предполагая, что это принесет ему счастье.

Последней приползла в театр черепаха Тортила, держа во рту почетный билет на пергаментной бумаге с золотыми уголками.

Представление началось. Карабас Барабас мрачно вернулся в свой пустой театр. Взял плетку в семь хвостов. Отпер дверь в кладовую.

— Я вас, паршивцы, отучу лениться! — свирепо зарычал он.— Я вас научу заманивать ко мне публику!

Он щелкнул плеткой. Но никто не ответил. Кладовая была пуста. Только на гвоздях висели обрывки веревочек.

Все куклы — и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в остроконечных шапках со звездами, и горбуны с носами как огурец, и арапы, и собачки — все, все, все куклы удрали от Карабаса Барабаса.

Со страшным воем он выскочил из театра на улицу. Он увидел, как последние из его актеров удирали через лужи в новый театр, где весело играла музыка, раздавался хохот, хлопанье в ладоши.

Карабас Барабас успел только схватить бумазейную собачку с пуговицами вместо глаз. Но на него откуда ни возьмись налетел Артемон, повалил, выхватил собачку и умчался с ней в палатку, где за кулисами для голодных актеров была приготовлена горячая баранья похлебка с чесноком.

Карабас Барабас так и остался сидеть в луже под дождем.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Сказка для детей

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Куклы:

Буратино.
Мальвина.
Пьеро.
Куклы из театра Карабаса Барабаса.

Люди:

Карло — старый шарманщик.
Джузеппе — столяр.
Карабас Барабас — директор кукольного театра.
Дуремар — его друг, продавец пиявок, водяных жуков и прочего...
1-й полицейский.
2-й — " —
1-й герольд.
2-й — " —
1-й акробат.
2-й — " —
Какаду — старьевщик.
1-й продавец сладостей.
2-й продавец детских игрушек.
3-й продавец шариков.

Животные:

Артемон — пудель.
Лиса Алиса.
Кот Базилио.
Бульдог — начальник полиции.
1-й бульдог } полицейские.
2-й — " — } полицейские.
Крыса Шушара.
Черепаха Тортила.
Жаба.
1-я лягушка.
2-я — " —
3-я — " —
Говорящий сверчок.
Сороки.
Бабочки.
Аист.
Стрекоза.
Белки.
Мыши.
Ночная птица.
Тарабарский король.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Городская площадь, куда выходит дверь и окно хибарки старого шарманщика Карло. Слышны звуки марша Карабаса Барабаса, директора кукольного театра. Бегут мальчики и девочки. Между ними, сморщенный, как гриб, Дуремар — продавец лечебных пиявок. Карло стоит у двери своей хибарки.

Карло. Здравствуйте, почтеннейший продавец лечебных пиявок.

Дуремар. Добрый день, папа Карло!

Карло. По какому случаю эта музыка и пение?

Дуремар (*торжественно поднимая палец*). В наш город возвращается знаменитый кукольный театр моего друга Карабаса Барабаса, доктора кукольных наук, ближайшего друга Тарабарского короля. Вот как-с.

Марш, пение. Появляются полицейские в треугольных шляпах, из-под которых вместо лица видны лишь огромные усы.

1-й полицейский. Дорогу, дорогу другу Тарабарского короля!

2-й полицейский. Дорогу, дорогу другу Тарабарского короля!

Идут барабанщики и герольды.

1-й герольд. Знаменитый кукольный театр!

2-й герольд. Доктора Карабаса Барабаса!

1-й герольд. Возвращается из столицы Тарабарского короля.

2-й герольд. Дает только одно представление.

1-й герольд. Торопитесь!

2-й герольд. Торопитесь!

1-й герольд. Спешите купить билеты!

2-й герольд. Спешите купить билеты!

Идут куклы кукольного театра: девочки в черных масках, страшные бородатые старики в острых колпаках и в мантиях со звездами, мохнатые собаки с пуговицами вместо глаз, горбуны с носами в виде огурцов, арлекины, пьеро, полишинели, толстяки и другие куклы и маски. Все они поют.

Мой народец странный,
Глупый, деревянный,—
Кукольный владыка,
Вот я кто — поди-ка!
Грозный Карабас,
Славный Барабас!

Появляется Карабас Барабас — толстый, с выпученными вращающимися глазами, с огромным зубастым ртом и бородой, такой длинной, что он поминутно засовывает ее в карман, чтобы она не путалась под ногами. В руках у него плетка.

Карабас.

Погрожу лишь плеткой —
Мой народец кроткий
Песни распевает,
Денежки сбирает
В мой большой карман,
В мой большой карман...

(*Куклам.*) Веселее, веселее... Припевай, притоптывай, приплясывай!

В толпе голоса детей.

Голоса. Какой страшный! Ой-ой-ой, боюсь, боюсь!..

Карабас (*детям*). Кто выдумал, что я страшный? Я добрый человек, я веселый человек — Карабас Барабас, друг детей. Я просыпаюсь и танцую «Польку-птичку». Перед тем как лечь спать, я тоже танцую «Польку-птичку»... Дети меня видят даже во сне... Поди-ка, поди-ка сюда, самый маленький, я тебе дам поиграть с моей бородой.

Дети с визгом шарахаются.

Д у р е м а р (*низко кланяясь*). Смею ли я вас обнять, высокочтимый Карабас Барабас?..

К а р а б а с (*в сторону детей*). Тысяча чертей! Бесхвостые мышата, паршивые щенята, грязные поросята... Почему они меня испугались? Я добр, как ягненок, и весел, как птичка.

Д у р е м а р. Я тоже, когда ловлю піявочек в пруду,— делаюсь таким кротким, таким симпатичным, приятно сморщиваю лицо и шепчу: «Пиявочки, пиявочки, к вам пришел сердечный друг и покровитель». Хи-хи! Вот как-с!

К а р а б а с. Здравствуй, Дуремар. У меня к тебе секретное, тайное и чрезвычайное дело. (*Ведет его к столику трактира.*) Выпьем по кружке пива. Хозяин! Две кружки пива!

Х о з я и н т р а к т и р а выносит пиво. В другой стороне сцены показываются М а л ь в и н а и П ь е р о.

П ь е р о. Мальвина, Мальвина!

М а л ь в и н а. Пьеро, Пьеро, я больше не в силах выносить грубости Карабаса Барабаса.

П ь е р о. Мальвина, скажи — и я сейчас же наплюю Карабасу Барабасу в бороду!

М а л ь в и н а. Ах, Пьеро, вы способны только в отчаянии взмахивать рукавами.

К а р а б а с (*взмахивая плеткой*). Кыш, кыш! Вот я вас плеткой, проклятые куклы!

М а л ь в и н а. Вы видите, на что способен Карабас Барабас!

П ь е р о. Мальвина, Мальвина!

Мальвина и Пьеро убегают.

К а р а б а с (*Дуремару*). Так вот в чем дело. Слушай внимательно. Мой друг Тарабарский король, прощаясь со мной, подарил мне золотой ключик. Вот он. (*Вынимает из кармана и показывает ключик.*)

На крыше трактира появляются с о р о к и.

Д у р е м а р. Золотой ключик! О, какой ценный подарок.

К разговаривающим подходят л и с а на костылях и к о т с подвязанным глазом.

Карабас. Ты еще не знаешь, какой это ценный подарок.

Алиса. Подайте несчастной хромой лисе Алисе, добрый гражданин.

Базилио. Подайте слепому коту Базилио, добрый гражданин.

Карабас. Прочь, попрошайки!

Дуремар. Мой совет: подайте им какую-нибудь маленькую монету, вас это не разорит, а эти хитрецы могут всегда пригодиться.

Карабас (*роясь в карманах*). Тысяча чертей, у меня только одни червонцы.

Алиса. Низко кланяемся — мы подождем.

Базилио. Мы подождем.

Кот и лиса отходят.

Карабас (*Дуремару*). Этот золотой ключик от одной потайной дверцы.

Дуремар. От потайной дверцы?

Карабас. Потайная дверца закрывает вход в подземелье. Но где эта дверца — никто не знает. Тарабарский король сказал мне только, что потайная дверца находится в каком-то доме, здесь, в вашем городе.

Дуремар. Здесь, в нашем городе?!

Карабас. И есть одна примета, как найти эту дверцу.

Карло (*подходя*). Вы говорите о приметах, почтенный Карабас Барабас?.. Примета — вот она. (*Показывает на крышу.*)

Карабас. Какая примета?

Карло. Птицы.

Карабас. Какие птицы?

Карло. Сороки.

Карабас. Чтобы вам подавиться куриной костью, почтеннейший. Какое мне дело до ваших сорок?

Карло. Прошу прощенья, но когда сороки вот так вот начинают кричать и трещать, как сумасшедшие, на крыше трактира,— ждите перемены погоды.

Карабас. Ага! Вы говорите, что сороки трещат

к дождю? Это неприятно. Тысячу чертей! Спектакль может быть сорван!

Сороки трещат на крыше.

1-я сорока. Ключик мы видим, ключ золотой!

2-я сорока. Тра-та-та-та... Тра-та-та-та...

1-я сорока. Дверцу откроет ключ золотой.

2-я сорока. Тра-та-та-та... Тра-та-та-та...

1-я сорока. Сорок ступенек в подполье ведут...

2-я сорока. Тра-та-та-та... Тра-та-та-та...

Дуремар. Вы послушайте, Карабас Барабас, что трещат длиннохвостые сплетницы...

Шум ветра. Сороки срываются с крыши и, подхваченные вихрем, кружатся вокруг Карабаса. Гроза, молнии; свет то вспыхивает, то гаснет.

Карабас. Кыш, кыш, проклятые сороки!

Дуремар. Держитесь крепче, Карабас Барабас.

Удар грома. Тьма. Снова свет. Сорок уже нет. Карабас Барабас и Дуремар, выпучив глаза, глядят друг на друга.

Карабас. Где мой золотой ключик? Я только что держал его в руке.

Дуремар. Может быть, ключик у вас в другой руке?

Карабас. Нет, и в другой руке нет ключа.

Дуремар. Не запутался ли ключ в бороде?

Карабас. Нет, и в бороде нет ключа. (*Кричит.*) Мой ключик! Где мой золотой ключик?

Дуремар. Куда же мог деться золотой ключик?

Карабас. Ты его взял! Ты его стащил у меня, тухлая пиявка! Отдай ключ! (*Трясет и колотит Дуремара.*)

Дуремар. Увы! Кажется, моя жизнь подходит к печальному концу.

Алиса (*подходя*). Осмелюсь сообщить, почтеннейший Карабас Барабас: ваш золотой ключик унесли известные сороки-воровки.

Базилио. Ключ унесли сороки-воровки, мы видели...

Карабас. Гром и молния! Десять червонцев, сто червонцев, мешок червонцев тому, кто вернет мне золотой ключик.

Алиса. Низко кланяюсь. Считайте, Карабас Барабас, что ваш ключик уже найден.

Базилио. Найдем, найдем, и не то находили.

Алиса (*коту*). Сороки полетели в столицу Тарабарского короля.

Базилио. Уговор — деньги пополам.

Алиса. Боже мой, да когда же я тебя обманывала?

Лиса и кот уходят.

Дуремар. Карабас Барабас, вы сильно помяли мне легкие, печень, почки и желудок.

Карабас. Черт возьми! Перестань хныкать, я тебя не со зла побил, а нечаянно.

Дуремар. Если вы побили меня нечаянно, то мне, наверно, станет значительно легче... стало уже гораздо легче.

Карабас. Эй, Карло, помоги-ка мне отвести моего друга в палатку, я его натру бальзамической мазью.

Карабас Барабас, Дуремар и Карло уходят.
Снова вихрь. Через сцену катится полено. За ним бежит столяр Джузеппе.

Джузеппе. Стой! Стой! Проклятое полено! Ветер, пыль, гром и молния — и вдруг под ноги мне катится полено. Я за ним — оно от меня. Стой, тебе говорят!.. Ага! Попалось! Чудное полено... Сухое и без сучков... Я еще утром горевал — из чего бы мне сделать ножку для стола? Вот из него я и сделаю. (*Садится на скамеечку у двери дома Карло, вынимает складной нож.*) А может быть, оно гнилое? Вот было бы горе... (*Начинает строгать.*) Нет, полено хорошее. Ай да полено!

Полено. Ой-ой-ой-ой!

Джузеппе. Кто это запищал — «ой-ой-ой»? (*Оглядывается.*) Я спрашиваю, кто запищал «ой-ой»? (*Опять строгает.*)

Полено. Ой-ой-ой, осторожнее, пожалуйста.

Джузеппе (*уронил полено, оглядывается на дом Карло*). Карло, это ты, может быть, сказал — «осторожнее, пожалуйста»? (*Заглядывает в окно, в дверь.*) Вот проклятое кислое вино. Не надо было его пить, так и шумит в голове... (*Поднял полено, строгнул.*)

П о л е н о. Ой-ой-ой, больно же, говорю вам, чего вы щиплетесь?

Д ж у з е п п е (*бросил полено, вскочил, попятился в страхе, сел на землю*). Вот в чем дело-то... Это пищит само полено.

Входит К а р л о.

К а р л о. Здорово, Джузеппе. Ты что сидишь на земле у моей двери?

Д ж у з е п п е. Да, видишь ли, скамейка у тебя шаткая, вот я и сел на землю, чтобы сидеть прочнее. Слушай, Карло, я решил сделать тебе маленький подарок.

К а р л о. Спасибо, Джузеппе.

Д ж у з е п п е. Я принес тебе вот это чудное полено. Ты возьми ножик, вырежи из него куклу, научи ее танцевать, петь и разговаривать. Да и носи ее по дворам. Вот и заработаешь себе денежек на баранью похлебку с чесноком...

П о л е н о. Браво, браво, прекрасно придумано!

Карло и Джузеппе отскочили от полена.

К а р л о. Это ты сказал?

Д ж у з е п п е. Нет, я ничего не говорил.

К а р л о. Врешь, кто же тогда, если не ты?

Д ж у з е п п е. А ну тебя — с тобой спорить, старый табачный нос! (*Схватил полено и сунул его в руки Карло.*) Бери полено.

Полено подскочило и стукнуло Карло по голове.

К а р л о. Ах, вот какие твои подарки!

Д ж у з е п п е. Да это же не я тебя стукнул, само полено тебя стукнуло, Карло!

К а р л о. А вот я возьму и тоже тебя стукну.

Д ж у з е п п е. Ну, ну, только попробуй...

К а р л о. Ну, ну, и попробую.

Старики начали тузить друг друга.

П о л е н о. Колоти, колоти, колоти... Тузи, тузи, тузи...

Старики запыхались.

К а р л о. Давай помиримся, что ли.

Д ж у з е п п е. Давай поцелуемся...

Старики обнялись. Раздалась музыка. Прилетели сороки, сели на крыше.

1-я сорока
2-я сорока } Тра-та-та... Тра-та-та...
3-я сорока

1-я сорока. Говорящее полено, чудный дар, чудный дар...

2-я сорока. Будет с поленом много хлопот, много хлопот...

1-я сорока
2-я сорока } Тра-та-та... Тра-та-та...
3-я сорока

Карло. Слышишь, сороки трещат, что у меня будет много хлопот с этим поленом.

Джузеппе. Ну, что же! Без хлопот не проживешь...

Карло. Умно ты сказал, Джузеппе. Ну, что ж, возьму-ка я это полено и вырежу из него куклу. Вот как бы мне ее назвать...

1-я сорока
2-я сорока } Буратино, Буратино, Буратино... Тра-та-та...
3-я сорока

Карло. Ты слышишь, сороки кричат, чтобы я назвал мою куклу Буратино.

Полено. Очень хорошо. Это имя мне очень нравится...

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Каморка папы Карло. В стене под полкой нарисован на куске холста очаг, огонь, дым и кипящий котелок.

Карло (*сидя у стола, возится с ножом и долотом над поленом*). Буратино — хорошее имя для куклы. Я знавал одно семейство — всех их звали Буратино: отец — Буратино, мать — Буратино и сынишка — Буратино. Ох, и баловник же был этот Буратино!.. Вот тебе раз! Не успел ковырнуть стамеской — глаза у него сами раскрылись... Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня? Ага, ему нечем раз-

говаривать,— вырежу я тебе рот, будет у меня сынишка с хорошеньким маленьким ротиком.

Буратино. Ой, ой, ой, слишком маленький рот.

Карло. Фу ты, как ты меня напугал!

Буратино. Хочу рот до ушей.

Карло. Фу ты!.. Ладно уж, ладно, не вертись, сделаю тебе рот до ушей! А теперь вырежем маленький хорошенький носик.

Буратино. Не хочу маленький, хочу большой нос...

Карло. Это же ни на что не похоже... Фу ты... Даже очки свалились. (*Положил куклу, полез под стол за очками. Когда надел очки и опять взял Буратино в руки, у Буратино был уже длинный тонкий нос торчком.*) Фу ты... Какой же это нос? Это шило какое-то, а не нос. (*Начинает срезывать ему нос.*)

Буратино. Не дамся, не дамся! Не трогайте мой чудный нос!

Карло. А ну тебя... Ну и оставайся с носом, как у журавля. Теперь давай руки. Ведь я хочу тебе добра, Буратино. Другой бы старик смастерил мальчишку — и сейчас бы пошел с ним по дворам собирать деньги... Нет, сынок, я тебя отдам в школу.

Буратино. В школу? Это чего это такое?

Карло. В школу — учиться. Как-нибудь потерпим, покуда ты научишься чему-нибудь хорошему,— будешь умный и благоразумный. Ну вот, и руки готовы.

Буратино (*схватил Карло за остатки волос над ушами, начал тормошить*). Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. До чего забавно! Вот так весело!

Карло (*освобождаясь*). Послушай... Я тебя еще не кончил мастерить, а ты уже начинаешь баловаться... Что же дальше-то будет?

Буратино. А я почем знаю, что дальше будет! Ноги сделайте мне поскорей.

Карло. Окончишь ты школу, Буратино, и будешь ты, например, сельским учителем.

Буратино. Учителем? Это чего это такое?

Карло. Это очень почтенное занятие, Буратино... А я у тебя буду на старости лет сидеть у теплого очага, у настоящего очага, не то что этот, нарисованный на

старом холсте. И в очаге будет кипеть настоящая баранья похлебка,— не то что в этом нарисованном котелке... Вот и ноги тебе приделаны,— вставай.

Буратино (*вскочил, приплясывает*). Руки, ноги, нос торчком, вот так весело живем! (*Вдруг завопил.*) Ой-ой-ой!..

Карло. Что с тобой, Буратино?

Буратино. Ай-ай-ай... В животе тошнит, есть хочу.

Карло. Ах, бедняк, бедняк... Ничего-то у меня не припасено, ни сухой корочки...

Буратино. Не успел родиться — и уже голодаю... Какое свинство!

Карло. Ты прав, малыш, голодать — это большое свинство. Потерпи немножко. (*Берет куртку, идет к двери.*)

Буратино. Ты куда, папа Карло?

Карло. Принесу тебе поесть чего-нибудь. Только ты смотри, без меня не балуйся.

Буратино. Буду умненький, благоразумненький...

Карло уходит.

Буду умненький, благоразумненький... Умненький, благоразумненький... (*Начал все трогать, всюду совать нос, спрашивая.*) Это что такое? Это что такое? Это что такое? (*Уронил с каминной полки горшок. Отскочил, удивился.*) Это что такое? (*Потянул за скатерть, уронил со стола все, что там стояло.*) Это что такое? (*Сунул руку в ведро с водой, облился, оглядывается.*) Что бы еще такое придумать?

Сверчок (*на каминной полке*). Кри-кри-кри-кри...

Буратино. Эй, кри-кри, ты кто такой?

Сверчок. Я говорящий сверчок. Я живу в этой комнате больше ста лет...

Буратино. Теперь я здесь живу. Убирайся, кри-кри, отсюда.

Сверчок. Хорошо, я уйду. Но прежде чем я уйду, выслушай полезный совет.

Буратино (*поднимая нос*). Оччччень мне нужны полезные советы.

Сверчок. Ах, Буратино, Буратино, брось баловство, слушайся папу Карло и завтра же начни ходить в школу. Иначе тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения.

Буратино. Поччччему меня ждут ужасные опасности и страшные приключения?

Сверчок. Потому что у тебя еще маленькая, очень глупая деревянная голова.

Буратино. Ах ты, столетняя букашка-таракашка! Больше всего на свете я люблю ужасные опасности и страшные приключения. Вот только поем,— убегу из дома: хочу лазить по заборам, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек. Я еще не то придумаю...

Сверчок. Жаль мне тебя, жаль, Буратино. За твою жизнь я не дам и дохлой сухой мухи... Ох-хо-хо... э-хе-хе... у-ху-ху... Печально, печально, печально... (*Тяжело вздохнул и уполз.*)

Буратино (*схватившись за живот, завопил*). Ай-ай-ай... ой-ой-ой... Умирает от голода такой веселенький, такой хорошенький мальчик... (*Вскочил, подбежал к нарисованному котелку, хотел его схватить и так и эдак и ткнул в него носом.*) Это чего там такое? (*Разодрал парусину.*) Там какая-то дверца. Честное слово, там какая-то дверца.

В углу каморки из подполья появляется крысиная голова.

Крысиная голова (*зашипела*). Ш-ш-ш-ш! Тишшшше...

Буратино. Здравствуйте... Вы кто такая?

Крыса. Я крыса Шушара.

Буратино. Хотите со мной поиграть?

Крыса. Я — Шушара. (*Двигается к нему.*)

Буратино. Я вижу, что вы — Шушара... Можно вас схватить за хвост?

Шушара. Если ты кому-нибудь скажешь, что видел за этим разодранным холстом дверцу,— я за твою жалкую жизнь не дам и дохлой сухой мухи.

Буратино. Ну, это мне уже говорили.

Шушара. Сейчас же забудь, что ты видел за этим разодранным холстом.

Б у р а т и н о. А я видел дверцу, а я видел потайную дверцу...

Ш у ш а р а. Ш-ш-ш-ш! Тишшшше!..

Крыса кинулась на Буратино. Он вскочил на кровать — крыса за ним. Он на стол — крыса за ним, повалила Буратино, схватила зубами за горло Буратино.

Б у р а т и н о. Ай-ай! Папа Карло! Ай-ай!

Входит К а р л о. Он без куртки.

К а р л о. Я здесь, малыш! Ах, проклятая крыса Шушара! (*Стащил с себя деревянный башмак и бросился с поднятым башмаком на крысу.*)

Крыса скрылась в подполье.

Вот видишь, до чего доводит баловство! (*Поднял Буратино, осмотрел, все ли у него цело.*) Ты, наверное, схватил ее за хвост?

Б у р а т и н о. Так я же не нарочно!

К а р л о. Садись за стол, ешь на здоровье.

Буратино с жадностью начал есть кусочек хлеба.

Б у р а т и н о. Папа Карло, я буду умненький, благоразумненький. Говорящий сверчок велел мне ходить в школу.

К а р л о. Славно придумано, малыш.

Б у р а т и н о. Папа Карло, если я пойду в школу без штанов, без курточки и без шапочки с кисточкой, мальчишки меня засмеют.

К а р л о. Ты прав, малыш. (*Достает из ящика стола бумагу, клей.*) Курточку и штанишки сделаем тебе из бумаги.

Б у р а т и н о. Штанишки — синенькие, пестренькие, курточку — серебряную, золотую...

К а р л о. А колпачок сделаем из моего старого чистого носка.

Б у р а т и н о. Папа Карло, а как же я пойду в школу без азбуки?

К а р л о. Вот тебе и азбука, малыш, с картинками и большими буквами... Учись на здоровье.

Б у р а т и н о. Папа Карло, а где твоя куртка?

Карло. Куртку-то я продал, Буратино... Ничего, сейчас лето — обойдусь и без куртки... Только ты живи на здоровье.

Буратино. Папа Карло, ты ужжжасно добрый, я ужжжасно хочу быть такой, как ты... Я пойду в школу, выучусь, вырасту, сделаюсь умным человеком и куплю тебе тысячу новых курток...

Карло. Это хорошо, Буратино, что у тебя доброе сердце, это очень хорошо.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Площадь. В глубине театр Карабаса Барабаса. Появляется Буратино с книжкой. Его обступают продавцы

Какаду (*кричит ему из своей лавки*). Здесь Карл Карлович Какаду. Если вам чего-нибудь хочется, если у вас нет денежек, я у вас чего-нибудь куплю... Я добрый Карл Карлович Какаду...

Буратино. Виноват, я иду в школу...

1-й продавец. А вот на палочке петушки из чистого сахара всем по нраву, без всякой отравы.

Буратино. Простите, но я забыл дома мой кошелек.

2-й продавец. Шарики прелестные, небесные, с чистым водородом, клянусь перед всем народом. Деньги плати — куда хочешь лети!

Буратино. Пожалуйста, не показывайте мне воздушных шариков, я иду в школу.

3-й продавец. Разнообразные игрушки, корабли и пушки, сабли и пулеметы для военной охоты, броневики заводные, очень недорогие.

Буратино. Я ничего не вижу и не слышу. Я умненький, благоразумненький.

Дуремар. Лучшие детские игрушки — живые лягушки! Последние новинки — жука водяного личинки. Тритоны, головастики и пиявки, симпатичные козявки. Живые маленькие черепахи — дети знаменитой черепахи тетки Тортилы...

Буратино. Простите, извините, я иду в школу. (*Услышав музыку перед входом в театр, обращается к Дуремару.*) Послушайте, послушайте, я иду в школу, но я бы хотел спросить, почему играет эта веселая музыка?

Дуремар. Это знаменитый кукольный театр Карабаса Барабаса. Попасть туда — заветная мечта всех детей.

Буратино. А если я только взгляну одним глазком, послушаю немножко?

Дуремар. Умнее вы не можете придумать. А у вас есть деньги на билет?

Буратино. Деньги? Н-е-ет.

Дуремар (*указывает*). Вот лавочка старьевщика Карла Карловича Какаду... Можете заложить у него или продать любую вещь, получите десять монеточек, за пять купите билет в театр, а за другие пять я вам продам чудного, жирного водяного жука.

Буратино (*бежит к старьевщику*). Уважаемый Карл Карлович Какаду, мне ужасно хочется посмотреть кукольный театр. Я бы хотел продать за десять монеточек мою чудную курточку.

Какаду. Твою бумажную курточку за десять монет? Нашел дурака! Ха-ха-ха!

Буратино. Ну, тогда мой хорошенький колпачок.

Какаду. Колпачок из старого носка. Ха-ха-ха...

Буратино. Ах, что же делать? В таком случае возьмите за десять монеток мою новую азбуку.

Какаду. С картинками? Ми-ми-ми...

Буратино. С чччудными картинками и большими буквами.

Какаду. Пять монеток... Пять-пять-пять!

Дуремар (*перегибаясь, кричит*). Молодой человек! Водяного жука уступаю за три монеты... Зубастый, голенастый жук.

Буратино. Давайте деньги. (*Отдает книжку, берет деньги и бежит к театральной кассе.*)

Дуремар. Берите жука за одну монетку.

Буратино. Дайте скорее билет в первом ряду.

У входа в театр появляется Карабас Барабас.

Карабас. Полицейский! Полицейский!

Голоса в толпе:

— Что случилось? Что случилось?

— Он полицию зовет?

— Происшествие случилось, он полицию зовет...

Карабас. Убежала моя самая красивая кукла Мальвина вместе с ученым пуделем Артемоном!

Появляются двое полицейских.

За пять минут до спектакля из театральной уборной сбежала кукла Мальвина и пудель Артемон... Верните мне проклятую девчонку и собаку живыми или мертвыми.

Полицейские. Найдем! Вернем! Живьем! (*Поворачиваются, уходят.*)

Карабас. Граждане! По не зависящим от дирекции обстоятельствам спектакль не может состояться. Увы! Увы!

Над дверью на помосте появляются взволнованные куклы. Впереди Пьеро.

Пьеро (*заламывая руки*).

Мальвина бежала в чужие края,
Мальвина пропала, невеста моя...
Рыдаю, не знаю, куда мне деваться...
Не лучше ли с кукольной жизнью
расстаться?!

Фея. Нам горько живется, не мил белый свет.

Обезьянка. И вот нашей куклы Мальвины уж нет.

Паяц. Нам плохо живется.

Фея. Хозяин плохой.

Звездочет. Нас плеткой он кормит да коркой сухой.

Обезьянка. Мальвина прекрасна.

Кукла с цветком. Мальвина нежна.

Звездочет. От жизни ужасной бежала она!

Все куклы. От жизни ужасной бежала она!

Голоса детей в толпе. Карабас Барабас

дурной человек... Он мучит бедных кукол, он кормит их плеткой и сухой коркой...

Карабас (*замахиваясь плеткой на кукол*). Кыш! Проклятый тряпичный народишко! Жаловаться на меня почтеннейшей публике! Вот я вас разорву в клочки!

Буратино (*задрав нос*). Послушайте, Карабас Барабас, я продал мою прекрасную азбуку, чтобы купить билет в ваш театр, и оччень сожалею, что поступил так необдуманно.

Карабас. Это еще что за прыщ на ровном месте?

Фея. Буратино!

Звездочет. Буратино! Глядите, это Буратино!

Кукла с цветком. Живой Буратино!

Фея. Умный!

Обезьянка. Веселый!

Звездочет. Храбрый Буратино!

Все куклы. Буратино! Буратино! Буратино!

Буратино. Вы очень гадкий человек, Карабас Барабас, потому что вы гадко обращаетесь с маленькими детьми. С детьми нужно обращаться даже лучше, чем со взрослыми.

Карабас (*схватил его за шиворот*). Кукольный человечек, тебя-то мне и надо!

Ропот в толпе.

Почтеннейшая публика, не извольте волноваться: этот нахал — всего-навсего кукла из моего театра.

Буратино. Неправда! Неправда!

Карабас схватил его за нос и огрел плеткой.

Все куклы. Карабас Барабас, отпустите Буратино, отпустите Буратино!

Карабас. Кукла моя — что хочу, то с ней и делаю. Совершенно так же, как вы поступаете с вашими детьми, граждане.

Какаду (*кричит из своей лавочки*). Этот воришка хотел мне продать краденую книжку... Всыпь ему, всыпь ему, всыпь ему...

Дуремар. Этот уличный мальчишка едва не украл у меня водяного жука. Всыпь ему, всыпь ему, всыпь ему...

Детские голоса из толпы:

Нет, нет, нет, несправедливо,
Отпустите-ка его.
В школу этот мальчик шел,
В школу шел, в школу шел...
Нет, нет, нет, несправедливо,
Отпустите-ка его...

Дети кидают камни в Карабаса.

Карабас. Вот я вас, проклятая мелюзга! (*Утаскивает Буратино.*)

Пьеро. Мальвина, где ты, моя Мальвина?.. (*Бросается с крыши театра.*)

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Театральная мастерская кукольного театра. На очаге варится клей. Куклы лежат в ящиках и на полках. Карабас Барабас сидит в кресле, зашивая живот у Пьеро. Около на скамеечке — Дуремар.

Карабас. Что же ты молчишь, черт возьми... Рассказывай, я слушаю, черт возьми.

Дуремар. Увы, мой друг, кот Базилио и лиса Алиса при всей своей ловкости не могли добыть никаких сведений о золотом ключике... Видимо, ключик безвозвратно погиб.

Карабас вскакивает, Пьеро летит с его колен на пол.

Карабас. Не смей мне этого говорить, старый болотный тритон. Золотой ключик будет у меня, или я весь свет переверну кверху ногами.

Звездочет. Какое варварство!

Фея. Ужасно, ужасно!

Обезьянка. Бедный, бедный Пьеро.

Кукла с цветком. Зашили бы сначала кукле живот, потом и валяли бы ее по полу.

Все куклы. Безобразие, безобразие!

Карабас. Кыш! Тряпичное племя! (*Поднимает Пьеро, зашивает ему живот.*) От рук стали отбиваться. Чуть что — шепот, ропот... Виноват во всем проклятый Буратино... Придется с ним расстаться не по-хорошему, а по-плохому: пробыл в мастерской только одну ночь, и куклы уже начинают дерзко разговаривать, выражать неудовольствие. Изволите видеть, я их плохо кормлю, я их заставляю много работать... (*Ставит Пьеро на ноги, дает ему пинка.*) Ну, пошел, драный живот! А ну-ка, все,— чем шептаться по углам,— давайте репетицию. (*Щелкает плеткой.*)

Куклы поднимаются.

«Полька-птичка»! Начинать! Нечего кроить кислые рожи!

Музыка.

Пьеро и куклы (*поют и танцуют*).

Птичка польку танцевала
На лужайке в ранний час.

Все куклы.

Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Карабас».
Два жука на барабане,
Дует жаба в контрабас,
Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Барабас».
Птичка польку танцевала,
Потому что весела.
Нос налево, хвост направо,—
Вот так полечка была!..

Дуремар (*мешая клей*). Почтеннейший Карабас Барабас, надо подкинуть дровец в огонь, иначе клей не закипит. Где у вас дровишки?

Карабас. Возьми — в ящике, там валяется Буратино, он из сухого дерева,— брось его в очаг.

Звездочет. О, Карабас Барабас...

Фея. Не бросайте его в огонь.

Все куклы. Пощадите Буратино, пощадите Буратино...

Буратино (*выскочил из ящика*). Это даже очень глупо на таком хорошеньком, на таком веселеньком мальчике варить гадкий вонючий клей. Я тоже хочу танцевать «Польку-птичку».

Карабас (*схватил кочергу, мешает в очаге*). Ни о какой жалости не может быть и речи.

Из очага поднялся пепел. Карабас Барабас вдруг начинает чихать, топая ногами.

Ап-чхи...

Дуремар (*тащит Буратино*). Нечего упираться, лезь, лезь в очаг.

Буратино. Я единственная опора в старости у моего папочки... Мой папа хочет сделать из меня народного учителя.

Карабас. Перестань реветь. Полезай в очаг. Ап-чхи!

Буратино. Ой-ой-ой, я не могу этого сделать.

Карабас. Почему?

Буратино. Я уже пробовал однажды сунуть нос в очаг и только проткнул дырку.

Карабас. Что за вздор! Как ты мог носом в очаге проткнуть дырку?

Дуремар. Лгунишка!

Буратино. Очень просто: потому что у моего папы очаг и котелок над очагом нарисованы на куске холста.

Карабас. Что ты сказал? Ап-чхи!..

Дуремар (*поднимая палец*). Это та самая примета.

Карабас. Где ты видел очаг, нарисованный на куске старого холста?

Буратино. В каморке у моего папы Карло.

Дуремар. Значит, таинственная дверца находится у Карло!

Карабас. Тише! Ни слова! Значит, в каморке старого Карло находится потайная...

Дуремар. Тсс... ни слова!

Пьеро. Слушайте, Карабас Барабас, если вам нужно разогреть клей, бросьте в очаг меня. Я разочарован в жизни.

Куклы бросаются к Карабасу.

Кукла с цветком. Пощадите Буратино.

Звездочет. Пощадите и Пьеро.

Паяц }
Птичка } Пощадите Буратино!
Фея }

Все куклы. Пощадите и Пьеро.

Карабас. Хорошо... Я пощажу тебя, Буратино...

Появляются лиса Алиса и кот Базилио.

Мало того... Вот тебе пять золотых червонцев...

Алиса. Он подарил ему пять червонцев.

Базилио. Пять червонцев.

Карабас. Отнеси эти деньги папе Карло. Кланяйся ему от меня и скажи, что я прошу его пуще всего на свете охранять от посторонних глаз очаг, нарисованный на куске старого холста. Пускай папа Карло сидит дома и бережет очаг.

Буратино. Благодарю вас, Карабас Барабас, вы не могли доверить деньги в более надежные руки...

Карабас. Ступай, беги...

Буратино бежит, на пороге двери его перехватывают лиса и кот.

Алиса. Умненький, благоразумненький Буратино, хочешь, чтобы у тебя денег было в десять раз больше?

Кот. Ты отдашь папе Карло не пять кругленьких денежек, а пятьдесят пять.

Буратино. Хочу. А что для этого нужно сделать?

Алиса. Я тебе объясню. В столице Тарабарского короля есть волшебное поле чудес.

Базилио. Волшебное...

Алиса. Ты придешь на это поле, выкопаешь ямку, положишь туда пять золотых, опять засыплешь, польешь водицей и скажешь три раза: «Крекс, фекс, пекс», и наутро вырастет дерево, а на нем вместо листьев будет висеть пятьдесят пять золотых червонцев.

Базилио. Пятьдесят пять золотых червонцев...

Алиса. Хочешь, мы тебя проводим туда?

Б у р а т и н о. Нет, уж я лучше пойду домой.

А л и с а. Пожалуйста, мы тебя не уговариваем.

Б а з и л и о. Мы и не уговариваем...

А л и с а. А что же ты будешь делать со своими пятью червонцами, умненький Буратино?

Б у р а т и н о. Куплю папе Карло теплую куртку, а себе новую азбуку с большими буквами и красивыми картинками.

А л и с а. Дурачок...

Б а з и л и о. Дурачок...

Б у р а т и н о.

Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!
Папа Карло,
Милый мой,
Я сейчас
Приду домой.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Ночь. Луна. Пригорок. Сидит на дереве н о ч н а я п т и ц а. Идет Б у р а т и н о.

Б у р а т и н о (*напевает*).

Был поленом, стал мальчишкой,
Обзавелся умной книжкой.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!
Далеко бежит дорога,
Впереди веселья много.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!
Ничего не страшно мне
На дороге при луне.

Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!
Потому что на лугу
От любого убегу.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

Ночная птица. Буратино, Буратино!

Буратино (*подняв нос*). Чего тебе?

Птица. Не верь коту и лисе.

Буратино. А ну тебя!

Птица. Буратино, Буратино!

Буратино. Да ну тебя, говорю...

Птица. Бойся разбойников на этой дороге.

Буратино. Очень я их испугался...

Птица. Они уже близко... Они идут... Вот они, Буратино.

Появляются лиса и кот. На них надеты мешки с дырками для глаз. У лисы — нож, у кота — пистолет.

Алиса. Стой!

Буратино. Почему?

Базилио. Стой, тебе говорят...

Буратино. Почему я должен стоять?

Алиса. Руки вверх!

Буратино. Зачем?

Базилио. Ни с места!

Буратино. Почему?

Алиса (*хватает его*). Деньги!

Базилио (*хватает его*). Деньги давай!

Буратино. Ой-ой-ой...

Алиса. Где твои деньги?

Базилио. Деньги!

Алиса. Разорву в клочки!

Базилио. Голову отъем, паршивец!..

Они его обшаривают.

Алиса. Открой рот.

Базилио. Открой рот.

Они начали его подбрасывать, перевернули вниз головой.

Базилио. Лиса, давай нож.

Алиса. Кот, разжимай ему зубы.

Буратино укусил кота за лапу.

Базилио (*завыл по-кошачьи*). Лапу, лапу мне укусил.

Буратино вскочил, бросил горсть песку в глаза лисе и опять бросился бежать.

Алиса. Песком засыпал мне глаза.

Буратино бросился бежать. Кот и лиса за ним, крича: «Держи, держи! Лови, лови!» Буратино обежал пригорок и увидел лебедя, дремавшего на воде.

Буратино (*лебедю*). Лебедь, пожалуйста, перенесите меня на тот берег.

Алиса (*догоняя*). Уйдет, уйдет!..

Базилио. Хватай, хватай его!..

Буратино бросился к воде, схватил лебедя за лапы.

Алиса. Вот он.

Базилио. Держи его!

Лебедь взлетает вместе с Буратино.

Буратино (*разбойникам*).

Потому что на лугу.
От любого убегу.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Поляна. Домик с закрытыми ставнями, на которых нарисованы солнце, луна и звезды. Перед домиком — большие цветы. В конуре спит пудель Артемон. Над домиком пролетает лебедь вместе с Буратино.

Буратино. Ой-ой-ой... Ай-ай-ай... (*Валится вниз на песчаную площадку перед домом, на цветы.*)

А р т е м о н (*вскочил*). Ррразорву! (*Обнюхал Буратино, потащил его и посадил на крыльцо.*) Ба-батюшки! Это деревянный человечек — Буратино!

Б у р а т и н о (*слабым голосом*). Как вас зовут, песик?

А р т е м о н. Арртемон...

Б у р а т и н о. Чей это хорошенький домик?

А р т е м о н. Здесь живет Мальвина, самая красивая кукла из театра Карабаса Барабаса, откуда она убежала вместе со мной. Все.

Б у р а т и н о. Ей, наверно, здорово-весело живется в этом хорошеньком домике?

А р т е м о н. Мальвина воспитанная и умная девочка. Все жители этого леса, маленькие и большие, очень полюбили ее. Все.

Б у р а т и н о (*зевает, сонным голосом*). Благодарю вас за очень интересный рассказ. Дайте вашу лапу, песик. (*Пожимает Артемону лапу.*) Прощайте, Артемон.

А р т е м о н. Вы уже уходите?

Б у р а т и н о. Нет, я, кажется, умираю.

Артемон понюхал Буратино, который лег и больше не шевелится. Артемон кидается к окошку и лает. Окно открылось, появилась заспанная М а л ь в и н а.

М а л ь в и н а. Опять ты шумишь, Артемон,— я еще не выспалась.

А р т е м о н. Мальвина, несчастье — он умер.

М а л ь в и н а. Что за чушь! Кто умер? Я хочу спать и не могу открыть глаз.

А р т е м о н. Буратино упал с неба, успел только вежливо пожать мне лапу и перестал шевелиться. Все.

М а л ь в и н а. Ах, ах, надо же спасти его во что бы то ни стало. Ах, ах, ах... Артемон, дадим ему касторки.

А р т е м о н. Бррр... какая гадость!

Б у р а т и н о. Не хочу, не хочу касторки. (*Вскочил.*) Я совершенно здоров!

М а л ь в и н а (*строго*). Мальчик, я очень рада, что все обошлось благополучно, все же это не избавляет вас от необходимости вымыть руки и почистить зубы.

Буратино. Зубы у меня страшно чистые, а руки я вчера мыл, честное слово, они же все равно запачкаются.

Мальвина. Артемон, отведите Буратино помыться.

Артемон. Буратино, идемте мыться. (*Схватил Буратино, потащил.*) Идите, мальчик.

Буратино. И вода, наверное, холодная, и мыло, наверное, в глаза попадет...

Артемон. Не упирайтесь, а то укушу... (*Уходит с Буратино.*)

Мальвина (*накрывает маленький стол к завтраку, отмахивается от бабочек*). Бабочки, бабочки... А ну вас, в самом деле! Нечего ко мне приставать, принесите-ка лучше меду к завтраку.

Аист, мыши, белки помогают ей накрывать на стол.

Мыши, мыши, почему опять сахар надгрызанный?.. Неужели вы не можете удержаться, чтобы по дороге не надкусить кусочек?.. Белки, белки, почему вы не принесли морковки, вы знаете, как я люблю морковку. (*Аисту.*) В этих бутылочках лимонад? Благодарю вас, аист.

Буратино возвращается.

Буратино, покажите зубы и руки... Чистые? Хорошо. Садитесь... Аист, налейте нам какао. Ешьте, Буратино.

Буратино набрасывается на еду.

Слушайте, когда вы едите, не нужно чавкать и сопеть носом.

Буратино. А чем же я буду сопеть?

Мальвина. Слушайте, так вы можете проглотить чайную ложечку... Вам много сахара положить в какао?

Буратино. Сахару больше, чем какао.

Мальвина. Если слишком много сахара, то делается скучно в животе. Не лезьте руками в варенье.

Буратино. А чем же я в варенье полезу?

Мальвина. Слушайте: кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?

Буратино. Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.

Мальвина. Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.

Буратино. Ой! Вот так влип!

Мальвина Что вы сказали?

Буратино. Нет, это я про варенье.

Мальвина. Артемон, принесите глобус, перо, чернила и тетрадь с линеечками.

Артемон. Есть принести глобус, перо, чернила и тетрадь с линеечками. (*Уходит.*)

Мальвина. Как поживают куклы в театре Карабаса Барабаса?

Буратино. Когда вы убежали, Пьеро — вот дурачина! — взял да и бросился с крыши балагана.

Мальвина. Ай, какой ужас!

Буратино. Ничего, только распорол живот об гвоздь. Карабас ему тут же и зашил.

Мальвина. Пьеро всегда надоедал мне со стишками, но он очень хороший мальчик... А прочно ему зашили живот?

Буратино. Ничего себе.

Артемон приносит вещи.

Артемон. Глобус, перо, чернила, тетрадь, азбука. Все.

Аист танцует. Буратино следит за ним

Мальвина. Аист, вы можете идти на болото не мешайте нам заниматься. (*Буратино.*) Теперь сядьте положите руки перед собой. Мы займемся арифметикой. Не нужно горбиться.

Буратино. Ну, ладно, ладно.

Мальвина. И без «ну, ладно» мы займемся арифметикой. Скажите,— у вас в кармане два яблока...

Буратино. Врете, ни одного.

Артемон. Сахар — он потихоньку положил в карман два куска, а яблок не брал. Все.

Мальвина. Артемон, не мешайтесь не в свое дело.

Артемон. Есть не мешаться не в свое дело.

М а л ь в и н а (*терпеливо*). Я говорю: предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

Б у р а т и н о. Два.

М а л ь в и н а. Подумайте хорошенько.

Б у р а т и н о. Ну, два же, два.

М а л ь в и н а. Почему?

Б у р а т и н о. Я же не отдам некту яблоко, хоть он дерись.

М а л ь в и н а. У вас нет никаких способностей к арифметике, Буратино. Это меня огорчает... Займемся диктантом. Раскройте тетрадь, пишите.

Б у р а т и н о. Я же никогда в жизни не писал.

М а л ь в и н а. Наука трудна, но плоды ее сладки. Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот... Пишите же, я говорю.

Б у р а т и н о. Да я же не знаю, чем мне писать. Ну вот! (*Сунул нос в чернильницу и посадил на тетрадь кляксу*.) Так я и знал — клякса!

М а л ь в и н а (*всплеснув руками*). Вы — гадкий шалун. Вы должны быть наказаны. Артемон, отведите его и заприте в темный чулан...

Б у р а т и н о. Меня в чулан?

А р т е м о н. По-моему, по-собачьему, он не виноват. Все.

Б у р а т и н о. Конечно, не виноват.

М а л ь в и н а. Поймите, Артемон, если заниматься воспитанием, то нужно заниматься со всей строгостью. Как будто мне приятно наказывать Буратино.

А р т е м о н (*ведет Буратино*). Идем, ничего не поделаешь. Идем, а то укушу.

Б у р а т и н о. Нашлась тоже воспитательница. Подумаешь, чего я сделал! — только нос запачкал нечаянно.

Артемон запирает Буратино в чулан.

М а л ь в и н а. Буратино, Буратино, может быть, вы уже раскаиваетесь?

Б у р а т и н о. Очень нужно раскаиваться! Не дождетесь.

Мальвина. Всегда получается, что я оказываюсь гадкая, злая, несправедливая... Но надо же быть строгой с мальчишками, которые не хотят учиться. Правда?

Бабочки, белки, мышки утешают Мальвину и уводят ее. Домик Мальвины погружается в темноту. Освещается внутренность чулана, где сидит Буратино.

Буратино. Вот дура девчонка... У самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое, а туда же — воспитывать... Разве так воспитывают детей? Это мученье, а не воспитание. Того нельзя, этого нельзя... Не чавкай, не шмыгай, не лезь в варенье руками; а что я — не живой человек? Ребенок, может быть, начальной азбуки не освоил — она сразу за арифметику хватается, за диктант хватается... Не я же эту чернильницу себе под нос подставил? Сама небось плачет, от ее воя в ушах свербит... Нарочно буду сидеть в чулане всю ночь с пауками... Назло девчонке.

Лай собаки.

А собака ее небось целый день за птицами гоняет, собака арифметике не учится... Собаке — все ничего...

В окошке чулана показываются головы лисы Алисы и кота Базилио.

Алиса. Бедненький, несчастненький Буратино, это мы, твои верные друзья — Алиса и Базилио.

Базилио. Верные друзья...

Буратино. Как вы сюда пробрались?

Алиса. Слухом земля полнится. Мы узнали, что на тебя напали разбойники, узнали, как тебя здесь мучают несправедливо.

Базилио. Здесь замучают...

Алиса. А что, деньги у тебя еще не отняли, богатенький, чудненький Буратино?

Базилио. Деньги твои где?

Буратино. Отнимешь у меня деньги! Вот они. (*Хлопает себя по щеке.*)

Алиса. Буратино, беги от этой девчонки. Не теряй минуты.

Базилио. Беги отсюда.

Буратино. Куда же я ночью побегу?

Алиса. Ты забыл про поле чудес в столице Тарабарского короля. Мы туда тебя проводим, храбренький, отважненький Буратино.

Базилио. Мы тебя проводим.

Алиса. И завтра же у тебя будет пятьдесят пять червонцев,— вот-то обрадуется папа Карло!

Базилио. Если он еще с голоду не умер, твой папа.

Буратино. А как же мне отсюда выбраться?

Алиса. Вот там большая дыра, я сама ее прокопала на прошлой неделе... Полезай в дыру... А мы будем тебя ждать возле леса. Тише, тише, тише, не разбуди собаку.

Базилио. Ш-ш-ш! Проклятого пса не разбуди!

Буратино. Лезу, лезу...

Вы молчите, ни гугу!
От девчонки убегу!
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Столица Тарабарского короля. Ночь. Огромная луна. На первом плане — озеро, заросшее кувшинками, и сломанный мост. Наверху — город с покосившимися зданиями и колокольнями. На перекрестках сытые бульдоги в колючих ошейниках и треугольных шляпах.

1-й бульдог. Прроходи...

2-й бульдог. Прроходи... не задерживайся.

Появляются Буратино, Алиса и Базилио.

Буратино. Это что такое, послушайте?

Алиса. Это счастливая страна Тарабарского короля. Если хочешь быть сильненьким и богатеньким, идем скорее на поле чудес... Посеешь там свои денежки, а наутро соберешь кучу денежек. Какие здесь купишь тепленькие куртки для папы Карло!

Б а з и л и о. Ах, ах, какие куртки!

А л и с а. Какие здесь купишь леденцовые петушки на палочках! Какие пряники!..

Б а з и л и о. Превкусные и прежирные бутерброды.

Алиса, Базилио и Буратино поднимаются вверх на пустырь.

А л и с а. Вот тебе и поле чудес.

Б а з и л и о. Поле чудес...

Б у р а т и н о. Здесь нужно рыть ямку?

А л и с а. В любом месте.

Б а з и л и о. Рой скорее... Я помогу...

А л и с а. Пусти, я помогу.

Б а з и л и о. Вынимай деньги из-за щеки.

А л и с а. Клади деньги в ямку. Ну, что же ты?

Б у р а т и н о. А вы уйдите все-таки подальше.

А л и с а. Пожалуйста, мы на тебя даже не глядим, где ты зароешь свои денежки...

Б а з и л и о. Нам неинтересно.

А л и с а. Не забудь сказать: «Крекс, фекс, пекс!»

Кот и лиса отходят и прячутся за кучу мусора.

Б у р а т и н о (*вынимает деньги из-за щеки, кладет в ямку*). Вот кладу в ямку пять золотых... Вот говорю: «Крекс, фекс, пекс»... Расти, расти, волшебное деревцо, принеси назавтра пятьдесят пять денежек для папы Карло...

А л и с а (*коту*). Ты карауль, а я побегу за полицией.

Б а з и л и о. Беги скорей...

Алиса спускается вниз на площадь.

Б а з и л и о (*из-за угла*). Буратино, Буратино!..

Б у р а т и н о (*засыпал ямку, сел на кучу*). Ну, чего — Буратино?

Б а з и л и о. Это говорит твой ангел-хранитель. Иди спать, моя крошка, баю-баюшки-баю... Я за тебя покараулю твои денежки.

Б у р а т и н о. Ладно, ладно, я и без ангелов обойдусь.

А л и с а (*на площади подбегает к бульдогу — начальнику полиции, который храпит в окне по-*

лицейского участка). Господин мужественный начальник полиции...

Бульдог-начальник (*спросонья*). Гам! Бунт! Гам!

Алиса (*струсив*). Господин мужественный начальник, нельзя ли задержать на пустыре одного безработного мальчишку?.. Ужасная опасность грозит всем богатеньким и почтенненьким гражданам этого города...

Бульдог-начальник. Безработный? Гам! Сыщики! Подлецы!

На улицу перед окном выскакивают два сыщика.

1-й доберман. Тяф!

2-й доберман. Тяф!

Бульдог-начальник. Арестовать на пустыре беспризорного мальчишку и привести ко мне.

1-й доберман. Тяф!

2-й доберман. Тяф!

Сыщики поскакали наверх, Алиса — за ними.

Базилио (*наверху за кучей*). Буратино, Буратино...

Буратино. Ну, уходи, уходи отсюда... А то запущу чем-нибудь...

Сыщики примчались наверх.

Базилио. Вот он, хватайте его.

Сыщики схватили Буратино, потащили вниз, на площадь.

Буратино. Ай-ай, за что? Почему?

1-й доберман. Молчать!

2-й доберман. Там разберут.

Лиса и кот наверху поспешно выкапывают деньги.

Бульдог-начальник (*перегнувшись через окно, сыщикам*). Обыскать негодяя.

Буратино. У меня же ничего же нет, только несколько крошек миндального пирожного... Честное слово, Мальвина сама велела взять это пирожное.

Бульдог-начальник. Ты совершил три преступления, негодяй: ты беспризорный, ты беспаспортный, ты безработный... Отвести его на мост и бросить в пруд.

1-й доберман. Тяф!

2-й доберман. Тяф!

Буратино. Ай-ай!..

Сыщики подхватили Буратино, дотащили до моста и бросили в озеро. Буратино скрылся под водой.

Базилио (*вместе с Алисой спускаясь вниз*). Давай половину.

Алиса. Не торопись, Базилио, денежки счет любят.

Базилио. Смотри, вцеплюсь в рожу.

Алиса. У нас пять червонцев. Понятно? Пять на два не делится. Понятно? Попробуем разделить на пять, получается один червонец. Получай...

Базилио. Ты, слушай, не путай меня.

Алиса. Боже сохрани, когда же я путала. Остается четыре червонца, четыре на пять не делится... Понятно? (*Постным голосом.*) Уж так и быть, я себе и неделящиеся возьму... Я всегда готова услужить другу.

Базилио. Запутала, обманула, тварь! (*Вцепился в нее.*)

Кот и лиса кубарем, дерясь, визжа и шипя, летят вниз через мост и скрываются.

Буратино (*вынырнув из озера*). Слушайте же, в самом деле, пиявки, водяные жуки, головастики, отцепитесь от меня,— я вам не дохлая кошка. (*Вылезает на лист кувшинки, трясется.*) Б-б-б... Холодно как.

На листья кувшинок выскакивают лягушки, глядят на Буратино.

1-я лягушка. Ква-ква, какая-то каракатица приплыла.

2-я лягушка. Ква, нос, как у журавля!

3-я лягушка. Ква! Это морская лягушка.

Буратино. Да нет же, это я. Буратино. Все на свете мальчики и девочки напились молока, спят в теплых постельках, сопят носами, я один — сиди на мокром листе. Дайте поесть чего-нибудь, лягушки.

Все лягушки. Ква! (*Подскочили и нырнули в воду.*)

Буратино. А вот, говорят, лягушки хладнокровные. Не успел я попросить — они нырь! — ни слова не говоря... Они очень даже добрые...

1-я лягушка *(выныривая, кладет на лист перед Буратино)*. Вот кусочек зеленой тины, редкое лакомство.

2-я лягушка *(выныривая)*. Вот дохлый водяной жук — редкое лакомство.

3-я лягушка *(выныривая)*. Вот жабья икра — особое лакомство.

Буратино *(пробуя)*. Меня стошнило, какая гадость!

Все лягушки. Ква! *(Опять бултыхнулись в воду.)*

Буратино. Ой, какая гадость! Принесите маленькую рыбку или живого головастика, что ли, — все-таки не так противно.

Из воды показывается голова Тортилы.

Ой, водяная змея! Боюсь... боюсь... Слушайте, я же вам ничего не сделал!

1-я лягушка *(выныривая, вскакивает на лист)*. Не бойся ее, Буратино!

2-я лягушка *(садясь на лист)*. Это черепаха.

3-я лягушка *(садясь на лист)*. Это тетка Тортила.

Тортила *(Буратино)*. Ах ты, безмозглый, доверчивый мальчишка с коротенькими мыслями. Сидеть бы тебе дома да прилежно учиться. Занесло тебя в столицу Тарабарского короля.

Все лягушки *(сочувственно)*. Так, так, так...

Буратино. Ничего не так. Я же хотел добыть побольше золотых для бедного, больного папы Карло... Я очень хороший и благоразумный мальчик.

Все лягушки. Так, так, так...

Тортила. Деньги твои украли кот и лиса по твоей же глупости.

Буратино. Ой-ой-ой!.. Как я теперь вернусь к папе Карло!..

Тортила. И поделом тебе, дурачку, баловнику, за твои коротенькие мысли.

Буратино. Тут не ругаться надо, тут помочь надо человеку.

1-я лягушка. Ух, ух! Тортила, помоги человеку.

Все лягушки. Тортила, помоги человеку...

Тортила. Однажды я вот так же помогла одному человеку, а он потом из моей бабушки и из моего дедушки наделал черепаховых гребенок.

Буратино. Я даже в книжке читал: кто-кто, а уж черепаха Тортила всегда поможет.

1-я лягушка. Тортила, он в книжке читал.

2-я лягушка. Надо помочь.

3-я лягушка. Этому человеку.

Тортила. Ладно уж, ладно! Уши болят от вашего кваканья. *(Дает Буратино ключик.)* Вот тебе: сороки летели да в пруд его и обронили.

Буратино. Чего это?

Все лягушки. Золотой ключик.

Буратино. А на что он мне?

Тортила. Сороки говорили, что этим ключиком отворяется одна дверца, а за дверцей ты найдешь сокровище, и оно принесет тебе счастье.

Буратино. Можно вас поцеловать, тетя Тортила?

Тортила. Это излишне. *(Скрылась.)*

Буратино. Благодарю вас, лягушки,— я побежал домой. Вот обрадуется папа Карло!.. *(Бежит к берегу по листьям кувшинок.)*

1-я лягушка. Буратино!

2-я лягушка. Буратино!

3-я лягушка. Буратино!

Буратино. Ну, чего вам?

1-я лягушка
2-я лягушка } Буратино! Не потеряй золотой
3-я лягушка } ключик.

Карабас выбегает и кидается к окошечку полицейского отделения.

Карабас. Господин начальник! Дайте спешно двух полицейских собак... Я должен догнать и арестовать одного негодяя, куклу из моего театра, Пьеро с длинными рукавами. Он выведал у меня величайшую тайну...

Бульдог-начальник. Рад вас слушать, Карабас Барабас. *(Зовет.)* Сыщики! Подлецы!

Д у р е м а р в это время перегибается через перила моста и глядит на воду.

Д у р е м а р. Ах, ах, сколько тут чудных пиявочек, хорошеньких черепашенков и жирненьких водяных жуков.

Т о р т и л а *(высовываясь из воды)*. Это вы тот самый человек, кто наделал из моей бабушки и моего дедушки черепаховых гребенок?

Д у р е м а р. К чему вспоминать прошлое, тетка Тортила!

Т о р т и л а. Я все помню, я ничего не забываю. Так вот, ни вам, ни Карабасу Барабасу не достанется золотой ключик. Вам не будет счастья. Золотой ключик я отдала Буратино. *(Скрывается.)*

Д у р е м а р. Ах ты, старый плавучий чемодан, тетка Тортила! Что ты наделала? *(Кричит.)* Карабас Барабас!. Сюда, сюда!.. Я напал на след золотого ключика.

Л я г у ш к и. Ква, ква, ква! Карабасу Барабасу не достанется золотой ключик.

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В горах. Огромные звезды. Из пропастей поднимается туман. Внизу пробирается Б у р а т и н о, приседая от страха. В горах перекатывается эхо... Слышно громовое тявканье псов. Улюлюканье.

Б у р а т и н о. Ой, как страшно... Конечно, я не пропаду... Конечно, я выберусь отсюда... Ой-ой-ой, как страшно...

Г о л о с К а р а б а с а. У-лю-лю-лю...

Со скалы на скалу через пропасть проносятся п с ы. За ними огромная тень К а р а б а с а, заслоняющая развевающейся бородой звезды. За ними, с поднятыми руками, Д у р е м а р.

Б у р а т и н о. Ой-ой-ой, как страшно. Конечно, я вывернусь же в конце концов... Ой-ой, как страшно...

Проносится какой-то серый комочек, за ним два пса, Карабас Барабас и Дуремар.

К а р а б а с. Лови, хватай, ату, ату его!

Д у р е м а р. Улю-лю... Наддай... Наддай...

С горы вниз колесом катится серый комочек — это з а я ц; с него что-то сваливается у самых ног Буратино.
Погоня проносится мимо.

Б у р а т и н о. Человечек!

П ь е р о. Прощай, Мальвина, прощай навсегда.

Б у р а т и н о *(подбегая к нему)*. Это Пьеро. Это ты, Пьеро? *(Тормошит его.)* Ну, будет лежать вниз носом,— очень страшно так... Давай лучше поговорим о чем-нибудь.

П ь е р о. Ох, я еще жив, оказывается?

Б у р а т и н о. Как ты сюда попал? Почему ты скакал верхом на сером зайце?

П ь е р о. Буратино, Буратино! Спрячь меня скорее. Собаки Карабаса Барабаса гнались не за серым зайцем, они гнались за мной.

Б у р а т и н о. Давай прикроемся лопухами. Так нас сроду не найдут. Рассказывай.

Они садятся под лопухи.

П ь е р о. Сегодня ровно в полночь Карабас Барабас сидел около очага и сердито курил трубку. Шумел ветер и лил дождь. Все наши куклы спали, я один не спал, я думал о Мальвине...

Б у р а т и н о. Нашел о ком думать... Я вчера убежал от этой девчонки, из чулана с пауками.

П ь е р о. Как... ты видел мою Мальвину?

Б у р а т и н о. Подумаешь — невидаль! Девчонка! Плакса и приставала!

П ь е р о. Веди меня, веди меня к ней! Буратино! Если отыщем Мальвину, я тебе открою тайну золотого ключика.

Б у р а т и н о. Как! Ты знаешь тайну золотого ключика? А ты знаешь, у кого находится ключик?

П ь е р о. Я знаю, где ключик лежит, как его достать и как им нужно отворить дверцу. Так вот... Сегодня ровно в полночь шумел ветер и лил дождь...

Б у р а т и н о. Про это ты уже рассказывал. Ну, а дальше что?

П ь е р о. Вдруг входит Дуремар... «Карабас Барабас,— сказал он противным голосом,— не лиса Алиса, не кот Базилио, а ваш вернейший друг Дуремар узнал

тайну: золотой ключик находится на дне пруда, у черепахи Тортилы». Тут Карабас Барабас вскочил, начал бесноваться от радости и хвастаться, как он отнимет ключик у черепахи Тортилы, как откроет потайную дверцу, спустится в подполье и возьмет сокровища... Мне стало до того интересно...

Буратино. Еще бы не интересно...

Пьеро. На одну маленькую минуточку я высунул нос из-за занавески... «Ага, ты подслушиваешь мои тайны, негодяй!» — закричал Карабас Барабас и кинулся ко мне, но запутался в бороде и шлепнулся на пол со страшным грохотом.

Буратино. Здорово! Так ему и надо!

Пьеро. Не помню, как я выскочил в окно... Над моей несчастной головой шумел ветер, лил дождь как из ведра...

Буратино. Про это ты уже рассказывал.

Пьеро. Вдруг молния... Я вижу, как Карабас Барабас выбежал из театра и закричал: «Ага! Вот он!» Я побежал и споткнулся обо что-то мягкое. Это был заяц. Я кинулся ему на спину, схватил его за уши, и мы понеслись.

Буратино. Подожди-ка,— ты мне вот что скажи: в каком доме, в какой комнате находится потайная дверца?

Пьеро. Карабас Барабас не успел рассказать об этом... Ах, не все ли равно — ключик на дне глубокого озера, мы никогда не увидим счастья...

Буратино *(вынимает ключик)*. А это ты видел?.. Золотой ключик...

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Декорация седьмой картины. Поляна. Домик Мальвины. Мальвина сидит на кукольном стуле у кукольного стола. Перед ней Артемон.

Мальвина. Ах, как жалко, что куклы не умеют плакать.

А р т е м о н. Я обегал весь лес — Буратино нигде нет. Я думаю так: из чулана его утащили крысы и съели. Все.

М а л ь в и н а. Утешил меня, нечего сказать... Гадкий пес! Какой ты противный... Это я, это я, черствая девчонка, виновата, что погиб маленький, миленький Буратино...

А р т е м о н. Мальвина, вытрите слезы, я вам принесу розовое платьице и зеленую гребенку из целлулоида... Все.

М а л ь в и н а. Не хочу целлулоидовой гребенки. Все равно от горя я превращусь в хорошенькую ночную бабочку.

А р т е м о н. Это очень опасно, вас может сожрать сова или слопать летучая мышь.

М а л ь в и н а. Когда вы научитесь изящно выражать свои мысли! Ах, пускай меня скушают птицы...

А р т е м о н. Как скучно... (*Завыл.*)

Лазоревые цветы раздвигаются, над ними взлетают б а б о ч к и, появляются Б у р а т и н о и П ь е р о.

Б у р а т и н о (*Пьеро*). Уговор: если девчонка опять начнет меня воспитывать, напьюсь молока, наемся варенья, утащу миндальное пирожное, и — нипочем я здесь не останусь.

П ь е р о. Мальвина!

М а л ь в и н а (*схватившись за щеки*). Ай!

А р т е м о н (*подскочил*). Жив и здоров!

Б у р а т и н о. Вот я его привел, — воспитывайте на здоровье.

П ь е р о. Мальвина!

М а л ь в и н а (*подходит, протягивает руку к мальчикам*). Буратино и Пьеро... (*Танцует вальс, поет.*)

Пойте, пойте же, птички,
Танцуй, танцуй, Мальвина.
Ножки по светлой дорожке,
Юбочка, как колесо.

П ь е р о.

Радость жизни, свет очей,
Наконец я снова с ней...

А р т е м о н. Здорово заживем вчетвером! *(От радости схватил себя за хвост, завертелся.)*

Бабочки продолжают утешать. Мальвина машет на них платком.

М а л ь в и н а. Отстаньте, бабочки, я уже утешилась... *(Взрослым голосом.)* Мальчики, все же это вас не избавляет от необходимости вымыть руки и почистить зубы. *(Хлопочет.)*

Б у р а т и н о. Вот железный характер у девчонки.

М а л ь в и н а. Аист, достаньте из колодца воды похолоднее. Буратино, вот гусеница, она вам выдавит немного пасты на зубы. Артемон, принесите два чистых полотенца!

А р т е м о н. Есть!

Б у р а т и н о *(Пьеро).* У нее бзик в голове — мыться, чистить зубы. Она кого угодно со свету сживет чистотой.

П ь е р о. У меня темнеет в глазах, у меня трясутся руки и ноги. Я вижу мою Мальвину...

Б у р а т и н о. Не робей, она не съест.

М а л ь в и н а. Ну, что вы такое увидели у меня на лице?

Артемон приносит полотенце и воду. Буратино моется. Гусеница взобралась на голову Буратино, выдавливает ему пасту на зубы.

П ь е р о *(загробным голосом).* Мальвина, я давно уже не умываюсь и не чищу зубов.

М а л ь в и н а. Какой ужас!

Б у р а т и н о *(с полным ртом пасты).* Гусеница, довольно же, слушайте, я же подавлюсь этой гадостью!

П ь е р о. Я пишу стихи и посвящаю их вам.

М а л ь в и н а. В таком случае почитайте ваши стихи.

П ь е р о *(с завыванием).*

Мы сидим на кочке,
Где растут цветочки
Разные, приятные,
Очень ароматные.
Будем жить все лето
Мы на кочке этой,
Под густой калиною,
С милою Мальвиною...
Ах!

М а л ь в и н а. Стишки мне понравились... Но все же это не избавляет вас от необходимости хорошенько помыться и почистить зубы.

П ь е р о. Мальвина, для вас готов мыть руки до дыр и чистить зубы так, чтобы от них ничего не осталось.

Выпрыгивают т р и л я г у ш к и.

Л я г у ш к и. Ква! Ква! Ква! Беда, беда! Карабас Барабас с полицейскими псами идет сюда! Спасайтесь! Спасайтесь!

М а л ь в и н а. Ах! Я побледнела! Ух! Я падаю в обморок! *(Упала на цветок.)*

П ь е р о. Мальвина умерла... Солнце, погасни! Земля, разверзнись! *(Начал заламывать руки, упал навзничь.)*

А р т е м о н *(зарычал)*. Врраги!.. Разорррву...

Б у р а т и н о. Никакой паники! Мальвина! Пьеро! *(Тормошит их.)* Бежим!

М а л ь в и н а. Это свинство — хватать меня за нос...

П ь е р о. Бежим, бежим...

Мальвина убегает.

Б у р а т и н о. Артемон, захвати самые необходимые вещи! Живо!

А р т е м о н. Есть захватить самые необходимые вещи! *(Ускакал.)*

Б у р а т и н о *(Пьеро)*. Вставай... Ты вообще можешь драться?

П ь е р о. Если обидят Мальвину, я буду драться как лев...

Слышен голос Карабаса: «Ого-го-го-го!.. Они где-нибудь здесь». Слышен лай псов Карабаса.

Б у р а т и н о. Ребята, Карабас Барабас близко, бежим скорее.

М а л ь в и н а выбегает переодетая.

М а л ь в и н а. Я надела простенький дорожный костюмчик, ничего? Шапочка — ничего?

Б у р а т и н о. Ничего, наплевать...

П ь е р о. Мальвина, как ты хороша!..

А р т е м о н выскакивает с узлами.

Буратино. Пьеро, перестань бормотать чепуху, держись за хвост собаки. (*Кладет узлы на Артемона.*) Девчонка, садись на узлы! Марш!

Появляется Карабас Барабас, у него на сворке два полицейских пса. Сзади Дуремар.

Карабас. Ага! Наконец-то вы мне попались, деточки!

Дуремар. Добаловались, деточки... Хи-хи-хи...

Карабас (*манит пальцем*). Идите, идите, деточки. Полезайте ко мне в широкие карманы...

Дуремар. Полезайте к нему в широкие карманы... Хи-хи-хи...

Карабас. Золотой ключик, иди сам ко мне, золотой ключик.

Дуремар. Переступай ножками, Буратино. Хи-хи-хи...

Буратино. Мальвина, слезай с собаки.

Мальвина. Боюсь, боюсь... (*Соскочила с Артемона.*)

Буратино. Артемон, скидывай тюки — будешь драться.

Артемон. Готов! Тяф!

Мальвина (*заплакала*). Гадкий, противный Карабасишка Барабасишка!

Пьеро. Карабасишка Барабасишка!

Буратино. Погибать — так весело. Пьеро, скажи свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи обидно во всю глотку.

Пьеро.

Дуремар наш дурачок,
Безобразнейший сморчок.
Карабас вы Барабас,
Не боимся очень вас.

Буратино и Мальвина.

Карабас вы Барабас,
Не боимся очень вас.

Буратино, Мальвина и Пьеро повторяют это, обидно смеясь и еще обиднее дразнясь.

Д у р е м а р. Уважаемый Карабас Барабас, эта песенка крайне оскорбительна для нас обоих. Вот как-с.

К а р а б а с *(спуская собак)*. Возьмите их, рвите в клочки...

Псы начинают кидать задними ногами.

Б у р а т и н о. Пьеро, Мальвина, бегите, прячьтесь.

Пьеро и Мальвина убегают и прячутся. Начинается бой собак с Артемоном.

(Кричит, подняв руки.) Звери, птицы, насекомые! Наших бьют! Спасайте ни в чем не повинных деревянных человечков. *(Влезает на дерево, кидает шишки.)*

К а р а б а с *(подходит к сосне)*. Слезай, слезай!.. *(Начинает трясти сосну.)*

Д у р е м а р. Он мне набил шишку!

К а р а б а с *(сильнее трясет сосну)*. Слезай, слезай!.. *(Орет.)* Слезай, деревянная, пустая голова!

Б у р а т и н о *(кидая шишку)*. Вот я тебе налажу шишкой по лысине!..

Шишка хлопнула Барабаса в темя.

Вот тебе, Барабасишко!

Драка Артемона продолжается. Псы чихают, кидаются, кусаются. Артемон изнемогает.

На помощь! На помощь благородному пуделю Артемону!

Л я г у ш к и ведут под руки огромную старую ж а б у.

Ж а б а *(кашляя)*. Кхей-кхе-хе-кхе... Ничего не вижу... Подведите меня к этим злым псам... Я им брызну в глаза ядовитой жидкостью из моих бородавок.

Артемону совсем плохо, псы его рвут, он едва отбивается. Старую жабу подводят к псам.

Вы никогда никому больше не сможете сделать зла... *(Брызгает им в глаза.)*

Псы визжат, катаются, трут лапами глаза.

Все в порядке, отведите меня назад в болото.

Лягушки ее уводят.

Артемон. Благодарю вас, почтенная, благородная жаба.

Карабас *(со всей силой трясет дерево)*. Отдай, тебе говорю, золотой ключик.

Буратино. Вот тебе — золотой ключик.

Вторая шишка падает прямо Карабасу в разинутый рот. Карабас мычит, вытаскивает ее.

(Слезает с сосны и начинает бегать вокруг нее.) Не догонишь, не поймаешь, не догонишь, не поймаешь. *(Приклеивает бороду Карабаса к дереву.)*

Карабас. Стой, стой, стой!.. *(Бегает кругом дерева и, приклеившись бородой к смолистому стволу, ударяется об него носом.)* Ух ты! Провел, совсем провел! Буратино, отлепи от ствола мою бороду.

Буратино. С удовольствием, уважаемый Карабас Барабас, но сначала я отнесу золотой ключик папе Карло.

Карабас. Буратино, ты всегда был, в общем, неплохим парнем,— отдай мне ключик, я тебе подарю за него мешок золотых червонцев.

Буратино *(вынимает ключик)*. Отдать?

Карабас. Ага!

Буратино. Скажите сначала, где эта дверца, которую отворяет этот ключик?

Карабас *(рванувшись)*. Подойди поближе, негодяй, я тебе откушу голову.

Буратино. Глупо отдавать такой чудный ключик за какой-то мешок червонцев. *(Артемону.)* Идемте, песик... Вас здорово покусали... Но вы дрались, как чемпион мира...

Артемон. Хороший кусок мяса, и я готов снова драться, как чемпион мира.

Мальвина появляется из-за цветов.

Мальвина. Буратино! Храбренький, отважненький Буратино! Мы спасены?

Буратино. Карабас Барабас с огромнейшей шишкой на голове и с носом, расквашенным вдребезги, приклеен к стволу этой сосны. Артемон и старая благородная жаба так отделали полицейских псов, что за их жизнь я не дам и дохлой сухой мухи.

М а л ь в и н а.

Пойте, пойте же, птички.
Танцуй, танцуй, Мальвина.

На крыше дома появляются с о р о к и.

П ь е р о. Ты спас Мальвину, благородный Буратино. Моя жизнь принадлежит тебе.

Б у р а т и н о. Отвяжись. Ребята, необходимо узнать, где находится дверца, которую открывает ключик.

С о р о к и *(поют)*.

Ключик отворит, ключ золотой...
Тра-та-та-та... Тра-та-та-та...
Дверцу отворит ключ золотой...
Тра-та-та-та... Тра-та-та-та...

К а р а б а с. Молчите! Молчите, проклятые сороки!

Б у р а т и н о. Сороки, милые сороки, да скажите же, где же находится эта потайная дверца?

С о р о к и.

Умным ребятам, веселым ребятам
Дверцу покажем — бегите за нами.

Б у р а т и н о. Ребята, сороки обещали нам показать эту дверцу. Бежим скорее!

Карабас вы Барабас,
Не боимся очень вас.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!
А теперь ты никогда
Нам не сделаешь вреда.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

С о р о к и.

Тра-та-та... Тра-та-та...
Дверцу найдешь ты у папы Карло.

Тра-та-та... Тра-та-та...
К дверце подходит ключ золотой...
Тра-та-та... Тра-та-та...

Артемон, Буратино, Мальвина и Пьеро убегают.

Занавес

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Декорация второй картины. Каморка Карло. Окно на улицу раскрыто. Карло чинит старую шарманку.

Карло. Хочешь—не хочешь, а жить надо... Говорят, есть одна страна на свете, где старики живут в покое и довольстве, где старикам не нужно таскаться по дворам с шарманкой, да еще с такой, где не хватает половины дудочек. *(Попробовал шарманку, запел.)*

Добрые люди,
Добрые люди,
Это я вам пою,
Старый шарманщик Карло.
Играю веселый вальс,
Все тот же, все тот же
Вальс на закате дня...
Играю веселую песню
Про счастье, про счастье...
Про счастье, мой старый вальс.

(Вздохнул.) Эта песенка — про счастливую страну, где старикам живется легко... а вот я и забыл, как называется эта страна... Спросить не у кого... Был бы жив Буратино, он бы узнал, он бы мне помог... Эх, Буратино, Буратино...

На улице шум, голоса. Карло глядит в окно. На окно садятся сороки.

Сороки. Тра-та-та-та... Дверцу откроет ключ золотой...

Вбегают Буратино, Мальвина, Пьеро, Артемон.

Буратино. Вот и мы!

К а р л о. Буратино, сынок! Мерещится мне, что ли, от радости?.. Нет, не мерещится... Здравствуй, проказник!

Б у р а т и н о. Здравствуй, папа Карло... Теперь сразу у тебя вот сколько детей — считай по пальцам: я — храбренький, отважненький Буратино, Мальвина — не девочка, а золото с железным характером, Пьеро — сочинитель глупых стишков, и песик, благороднейший, мужественный Артемон... Папа Карло, мы голодны, как кукушкины дети.

К а р л о. Ай-ай-ай, ребята... Ладно, сейчас пойду продам шарманку, куплю вам чего-нибудь поесть.

П ь е р о. Оставьте шарманку, папа Карло, я выйду на улицу, прочту мои стишки и соберу денег на обед.

К а р л о. И не успеешь ты, сынок, разинуть рта, как возьмут тебя за шиворот и отведут в тюрьму.

М а л ь в и н а. Хорошо, я пойду на улицу и станцую хорошенький вальс перед публикой.

К а р л о. Чтобы петь и танцевать, нужно разрешение, а чтобы его получить, нужно заплатить губернатору.

А р т е м о н. Я могу прыгать через горящие обручи и зарабатывать деньги.

К а р л о. Нет, нет, ребятки, в нашем городе детям ничего не дозволено.

Б у р а т и н о. Будет тебе хныкать, папа Карло, возьми молоток и отдери от стены дырявый холст.

К а р л о. Зачем, сынок, ты хочешь отдирать от стены такую прекрасную картину? Она здесь висит давным-давно... В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая похлебка, и мне становится немного теплее.

Б у р а т и н о. Даю честное кукольное слово, у тебя будет настоящий огонь в очаге, настоящий котелок и настоящая баранья похлебка с чесноком. Сдери холст.

М а л ь в и н а и П ь е р о. Сдери холст, папа Карло.

К а р л о. Ну, будь по-вашему. *(Сдирает холст.)* Э! Да тут какая-то дверца!

Б у р а т и н о. А вот ключик от этой дверцы.

К а р л о. Золотой ключик! Ну, давай, давай... Посмотрим, что там такое за дверцей. *(Отмыкает ключиком замок.)*

Раздается приятная музыка, будто из музыкального ящика.

Карло (*приотворяя дверь*). Темно...

В наружную дверь сильный стук и голос Карабаса Барабаса: «Именем Тарабарского короля — отворите».

Артемон. Карабас Барабас привел полицейских.

Буратино. Дуремар, наверно, отклеил его от дерева. За мной, ребята! (*Кидается в открытую дверцу.*)

За ним — остальные. Наружная дверь с треском валится, вместе с дверью валятся два полицейских. В каморку вбегают Карабас Барабас и Дуремар.

Карабас. Именем Тарабарского короля — арестуйте старого плута Карло!

Карло. Опоздали, почтеннейший Карабас Барабас, мы уходим. (*Захлопывает за собой дверцу.*)

Карабас. Держи их, держи их! (*Бежит к дверце— дверца захлопывается. Бьет задом в дверь.*) Ограбили! Ограбили!

Занавес

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Темное подземелье. Лестница. Шаги по ступеням. Внизу сидит крыса Шушара и угрожающе смотрит вверх.

Голос Мальвины. Как темно! Как страшно!

Голос Карло. Осторожнее, осторожнее, дети!

Голос Пьеро. Не страшись — подземный путь приведет куда-нибудь.

Вниз сбегает Буратино, он едва виден.

Буратино. Слушайте, слушайте, тут кто-то сверкает глазами и шипит.

Шушара. Не пущщщщщу... Погибнешшшшшшь... (*Кидается на Буратино.*)

Возня, шипение.

Буратино. Ай-ай, на помощь! Крыса Шушара!

Артемон сбегает по лестнице, кидается на Шушару. Борьба, шипенье. По лестнице сбегают Карло, Пьеро и Мальвина.

Мальвина. Буратино!

Пьеро. Буратино!

Карло. Ты жив, мой мальчик?

Буратино. Ну, конечно, я жив.

Артемон. Готово! Тяф!

Пьеро. Она мертва.

Карло. Так ей и надо, проклятая Шушара!

Буратино *(видит большие двери с нарисованными на них солнцем, луной, звездами, птицами, зверями, мальчиками и девочками и другими занимательными вещами. С боков дверей — две башенки)*. Глядите, глядите, вот оно!..

Мальвина. Что это такое?

Пьеро. Заколдованный замок Тарабарского короля.

На одной из башенок появляется сверчок.

Сверчок. Кри-кри... Кри-кри...

Буратино. Здравствуйте, говорящий сверчок! Скажите, что это такое, на чем вы сидите, столетняя букашка-таракашка?

Сверчок. Слушайте, дети... Жил-был старый-старый, умный-умный, ученый-ученый человек. Он очень любил детей. Он говорил: «Весь прекрасный мир земной должен принадлежать детям, пусть они будут счастливы».

Буратино. Очень хорошо...

Сверчок. Но, увы, в стране Тарабарского короля никто его не хотел слушать. Здесь всегда обижали детей. Тогда он сказал: «Настанут другие времена, и будет другая страна,— там дети будут счастливы». Тогда он построил этот большой красивый ящик и в него положил одну вещь, которую вы сейчас увидите.

Буратино. Ой-ой-ой, мы хотим ее поскорее посмотреть.

Мальвина. А что для этого нужно сделать?

Сверчок. Старый, умный, ученый человек сказал: «Только очень хороший, очень смелый, очень умный ребенок может открыть этот ящик».

Мальвина. Буратино самый хороший...

Пьеро. Буратино самый смелый...

Артемон. Буратино самый умный...

С в е р ч о к. Дайте же мне досказать...

Б у р а т и н о. Мы уже все поняли... Скорее, скорее — как он открывается?

С в е р ч о к. Буратино, возьми в руки золотой ключик.

Б у р а т и н о. Держу... Вот он...

С в е р ч о к. Заведи им часы на башенке.

Б у р а т и н о. Папа Карло, подними же меня повыше.

Карло поднимает Буратино. Буратино заводит часы, которые помещаются в другой башенке — сбоку дверей. Раздается музыка. Двери раскрываются. Внутри видна большая книга.

Книга!

М а л ь в и н а. Книжечка!

П ь е р о. Книжка какая-то!

К а р л о. Вот тебе и сокровище!.. А я-то думал—мы найдем здесь мешки с золотом...

Б у р а т и н о. Нет же, папа Карло... Это даже гораздо лучше, чем твое золото.

П ь е р о. Это, наверно, волшебная книжка.

М а л ь в и н а. Про хорошеньких девочек и послушных мальчиков.

С в е р ч о к. В этой книге с картинками рассказано, как найти страну счастья. Буратино, раскрой книгу и переверни страницу.

Буратино, Мальвина, Пьеро и Артемон раскрывают книгу. Раздается музыка. Они перевертывают страницу. На ней нарисовано солнце с лучами.

Б у р а т и н о. Слушайте, слушайте, вы что-нибудь чувствуете?

М а л ь в и н а. Мне хочется смеяться и танцевать... *(Закружилась.)* Пойте, пойте же, птички, танцуй, танцуй, Мальвина...

П ь е р о. Мне хочется кувыркаться через голову.

М а л ь в и н а. Кувыркайтесь, мальчик...

Б у р а т и н о. Дайте мне, дайте мне сейчас же десять Карабасов Барабасов,— я всех уложу, узлом бороды свяжу...

Артемон. Всем собакам Тарабарского короля дам перекатку...

Карло. Правильно, ребятки, и я как будто помолодел на полсотни лет...

На лестнице шум, в подземелье сбегают куклы.

Все куклы. Солнце, солнце, солнце...

Фея. Мы услышали дивную музыку...

Паяц. Мы набрались храбрости...

Обезьянка. Мы убежали от Карабаса Барабаса...

Звездочет. Мы тоже хотим играть с вами.

Кукла с цветком. Давайте станцуем свою собственную «Польку-птичку»...

Все начинают петь и танцевать «Польку-птичку».

Все вместе.

Птичка польку танцевала
На лужайке в ранний час.
Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Карабас».
Два жука на барабане,
Дует жаба в контрабас...
Нос налево, хвост направо,—
Это полька «Барабас».
Птичка польку танцевала,
Потому что весела.
Нос налево, хвост направо,—
Вот так полечка была...

Голос Карабаса Барабаса. Ага-га! Тут-то они попались наконец!

Появляются Карабас Барабас, Дуремар, кот Базилио и лиса Алиса

Дуремар. Текс-текс, здесь они, как в мышеловке.

Карабас. Полицейские, хватайте паршивых мальчишек и девчонок.

Дуремар. Полицейские, сюда, сюда...

Алиса. Карабас Барабас, оцените наши услуги, это мы с котом нашли подземный ход.

Базилио. Это мы с лисой вас привели в подземелье...

Б у р а т и н о. А ну ты, Карабасишко Барабасишко, выходи на один мизинчик...

Артемон бешено лает.

К а р л о. Не дам моих детей в обиду,— вот только— дай — засучу рукава.

Карабас хохочет. Дуремар пронзительно хихикает. Появляются полицейские.

1-й полицейский. Расступись! Дорогу Тарабарскому королю!

2-й полицейский. Расступись! Дорогу Тарабарскому королю!

Появляется страшный Тарабарский король.

Тарабарский король. Крррамола! Сокррррушу! Рррррастерзаю!

К а р а б а с. Ваше божественное превосходительство, трижды великий Тарабарский король, эта преступная шайка мальчишек и девчонок избила меня, ограбила и похитила мое сокровище...

Тарабарский король (*топает ногами*). Схватить! Связать! Растоптать! Брамбамбрыссимо! Карамбабиссимо!

Все — в ужасе. Пауза. Полицейские присели для прыжка.

С в е р ч о к. Буратино, переверни следующую страницу.

Буратино поспешно перевертывает страницу. На ней нарисована молния.

Прочти громко, что там написано.

Б у р а т и н о (*и все вместе с ним читают*). «Тарабарский король, и Карабас Барабас, и Дуремар, и кот Базилио, и лиса Алиса, и все полицейские и все, все, все, кто мучает детей,— провалитесь в тартарары...»

Раздается удар грома, сверкает молния, взвывает ветер.

К а р а б а с. Буря, Буря! Ветер рвет мою бороду...

Д у р е м а р. Нас уносит ураган!

Тарабарский король. Мы проваливаемся в тартарары...

Темнота. Тишина. Снова свет. Исчезли Тарабарский король, Карабас Барабас, Дуремар, кот, лиса и полицейские.

Буратино. Спасибо тебе, волшебная книга.

Все (*вслед за ним*). Спасибо тебе, волшебная книга.

Сверчок. Буратино, переверни третью страницу.

Мальвина, Пьеро и все куклы. Мы тебе поможем, умный, отважный Буратино.

Страницу перевертывают. На ней изображен воздушный корабль.

Мальвина. Хорошенькая лодочка!

Пьеро. Она с крыльями и парусами!

Буратино. Это воздушный, корабль!

Все. Это воздушный корабль!

Сверчок. Буратино, прочти громко, что там написано.

Буратино (*и за ним — все*). «Мы хотим на этом воздушном корабле улететь в страну счастья...»

Сверчок. Смелее, смелее,— только смелые и хорошие дети могут улететь в страну счастья.

Буратино. Подойдем ближе.

Все подходят к книге. Музыка. Постепенное затемнение. Опускается облачный занавес. Перед ним проплывает ярко освещенный кораблик. Музыка громче. Освещается задний занавес, на котором — очень красивый пейзаж: здесь и море, и пионерский лагерь в горах, и поля, где жнут, и самолеты в небе, и выбегающие из тоннелей поезда; наверху башни, похожие на Кремль, за ними — лучи солнца.

На площадку перед занавесом выбегают Буратино и все участвующие.

Буратино. Слушайте! Куда это мы попали?

Мальвина. Здесь даже гораздо красивее, чем у меня в кукольном саду.

Пьеро. Это, должно быть, та самая счастливая страна.

Карло. Буратино, уж не та ли это страна, где старики на старости лет счастливы, как дети, у каждого теплая куртка и каждый ест досыта, и если приходится играть на шарманке, то уж только для своего удовольствия?

Артемон. Тяф! Я сейчас сбегаю, разнюхаю, расскажу. (*Убегает в зрительный зал.*)

Б у р а т и н о *(в зрительныйзал)*. Скажите, а тут у вас нет какого-нибудь Карабаса Барабаса?

М а л ь в и н а. Или кота Базилио и лисы Алисы?

П ь е р о. Или Тарабарского короля?

Г о л о с д е в о ч к и и з з а л а. Какие вы говорите смешные глупости, мальчик!

А р т е м о н *(из зала)*. Буратино, я узнал: это страна счастливых детей.

Б у р а т и н о. Спроси, как она называется?

В с е *(на сцене)*. Как называется ваша страна?

Г о л о с а *(из зала)*. СССР.

Б у р а т и н о. Слушайте, в таком случае мы недаром перенесли ужасные опасности и страшные приключения, победили самого Карабаса Барабаса, отняли золотой ключик и добыли себе волшебную книжку... Мы хотим остаться у вас жить, учиться и веселиться... Хотите с нами водиться?

Г о л о с а *(из зала)*. Хотим, хотим...

Б у р а т и н о. Тогда давайте споем все вместе...

Был поленом, стал мальчишкой,
Обзавелся умной книжкой, —
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!..
Мы сокровище добыли,
Потому что смелы были... *(Припев.)*
Детям умным, детям смелым
Хорошо на свете белом. *(Припев.)*
И у каждого из нас
Спрятан ключик про запас.

К о н е ц

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много было попыток переделывать русские народные сказки. Дело в том, что записывались они на протяжении ста лет — записываются и до сих пор — от разных сказителей. Каждый сказитель рассказывает сказку посвоему: один — кратко, другой — пространно, с подробностями; у одного бывает хорошо начало, у другого хорош конец, а у третьего — середина; один сказитель знаменит балагурством, словечками, другой — интересными подробностями рассказа; есть сказители — творцы, истинные поэты, а есть и малодаровитые — простые пересказчики.

Поэтому при составлении сборника сказок для широкого читателя всегда возникала необходимость выбирать из многих вариантов сказок один, наиболее интересный. Но выбрать просто — нельзя, потому что в каждом из вариантов есть что-нибудь ценное, что жалко упустить. Составители таких сборников обычно брались за обработку сказок, причем пересказывали их не народным языком, не народными приемами, а «литературно», то есть тем условным, книжным языком, который ничего общего не имеет с народным.

Пересказанные таким образом сказки теряли всякий смысл — в них от великолепного народного творчества оставался один сюжет, а главное: народный язык, остроумие, свежесть, своеобразие, сама манера рассказа-беседы, иными словами, народный стиль — пропадали

так же, как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев.

Моя задача была другая: сохранить при составлении сборника всю свежесть и непосредственность народного рассказа. Для этого я поступаю так: из многочисленных вариантов народной сказки выбираю наиболее интересный, коренной, и обогащаю его из других вариантов яркими языковыми оборотами и сюжетными подробностями. Разумеется, мне приходится при таком собирании сказки из отдельных частей, или «реставрации» ее, дописывать кое-что самому, кое-что видоизменять, дополнять недостающее, но делаю я это в том же стиле — и со всей уверенностью предлагаю читателю подлинно народную сказку, народное творчество со всем богатством языка и особенностями рассказа.

Алексей Толстой

Книга первая

РЕПКА

Посадил дед репку и говорит:

— Расти, расти, репка, сладка́! Расти, расти, репка, крепка́!

Выросла репка сладка́, крепка́, большая-пребольшая.

Пошел дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку.

Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут — и вытянули репку.

КУРОЧКА РЯБА

Жили-были дед да баба,
У них была курочка ряба.
Снесла курочка яичко:
Пестро́, востро́, костяно́, мудрено́,—
Посадила яичко в осиное дупёлко,
В кут [1] под лавку.
Мышка бежала, хвостом вернула,
Яичко приломала.
Об этом яичке дед стал плакать,
Бабка рыдать, вереи [2] хохотать,
Курицы летать, ворота скрипеть,
Сор под порогом заку́рился,
Двери побутусились [3], тын рассыпался,
Верх на избе зашатался...
А курочка ряба им говорит:
— Дед, не плачь, бабка, не рыдай,
Куры, не летайте,
Ворота, не скрипите, сор под порогом,
Не за́куривайся,
Тын, не рассыпайся,
Верх на избе, не шатайся, и
Снесу вам еще яичко:
Пестро́, востро́, костяно́, мудрено́,
Яичко не простое — золотое.

---

[1] Кут — угол.
[2] Вереи — столбы у ворот.
[3] Побутусились — выпятились, распузатились.

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой.

Вот и говорит старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку[1] помети, не наскребешь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.

Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, пó полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, заяц, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,

---

[1] Сусек — большой деревянный ящик, в котором хранится мука или зерно.

Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца, подавно уйду!

И покатился по дороге — только заяц его и видел! Катится колобок, навстречу ему волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только волк его и видел! Катится колобок, навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только медведь его и видел! Катится колобок, навстречу ему лиса:
— Колобок, колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.
— Колобок, колобок, спой мне песенку!
Колобок и запел:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, колобок, сядь ко мне на носок да спой еще разок, погромче.

Колобок вскочил лисе на нос и запел погромче ту же песенку.

А лиса опять ему:

— Колобок, колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок.

Колобок прыг лисе на язык, а лиса его — гам! — и съела.

ТЕРЕМОК

Ехал мужик с горшками и потерял один горшок. Прилетела муха-горюха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?

Видит — никого нет. Она залетела в горшок и стала там жить-поживать.

Прилетел комар-пискун и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха. А ты кто?

— Я комар-пискун.

— Ступай ко мне жить.

Вот они стали жить вдвоем.

Прибежала мышка-погрызуха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун. А ты кто?

— Я мышка-погрызуха.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить втроем.

Прискакала лягушка-квакушка и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха. А ты кто?

— Я лягушка-квакушка.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить вчетвером.

Бежит зайчик и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?
— Я заюнок-кривоног, по горке скок.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить впятером.
Бежала мимо лиса и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок. А ты кто?
— Я лиса — при беседе краса.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вшестером.
Прибежал волк:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса. А ты кто?
— Я волк-волчище — из-за куста хватыш.
— Ступай к нам жить.
Вот живут они семеро все вместе — и горя мало.
Пришел медведь и стучится:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса.
— Я, волк-волчище — из-за куста хватыш. А ты кто?
— Я вам всем пригнетыш.
Сел медведь на горшок, горшок раздавил и всех зверей распугал.

КОЧЕТОК[1] И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком.

Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.

Курочка пошла — плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня портки разорвала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

— Меня козы подглодали.

— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережете?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

---

[1] Кочеток — петушок.

— Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?

— А у меня свинья опару[1] пролила.

— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

— У меня волк поросеночка унес.

— Волк, волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?

— Я есть захотел.

[1] Опара — тесто, бродящее в квашне.

БОБОВОЕ ЗЕРНЫШКО

Жили-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

— Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зернышко!

— Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зернышко и подавился. Позвал курочку:

— Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

— Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зернышком!

Речка говорит:

— Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

— Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Липка говорит:

— Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

— Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Девушка отвечает:

— Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

— Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Гребенщики говорят:

— Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

— Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, нитку отнесу липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Калашники говорят:

— Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

— Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам, калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке, девушка даст нитку, нитку отдам липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам, калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам, гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке, девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке, липка дала листок, отнесла листок речке, речка дала водицы.

Петушок напился, и проскочило зернышко.

Запел петушок:

— Ку-ка-ре-куу!

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ

Пошел козел лыки[1] драть, а коза орехи рвать.

Пришел козел с лыками — нет козы с орехами.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Ну, добро же, коза! Пошлю на тебя волка.

Волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, волк! Пошлю на тебя медведя.

Медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, медведь! Пошлю на тебя людей.

Люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, люди! Пошлю на вас дубье.

Дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, дубье! Пошлю на тебя топор.

Топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, топор! Пошлю на тебя камень.

---

[1] Лыко — волокнистое подкорье, находящееся под липовой корой; из него плетут лапти.

Камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, камень! Пошлю на тебя огонь.

Огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, огонь! Пошлю на тебя воду.

Вода нейдет огонь заливать, огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, вода! Пошлю на тебя ветер.

Ветер послушался и пошел воду гнать, вода пошла огонь заливать, огонь пошел камень палить, камень пошел топор тупить, топор пошел дубье рубить, дубье пошло людей бить, люди пошли медведя стрелять, медведь пошел волка драть, волк пошел козу гнать.

Пришла коза с орехами, пришла коза с калеными!

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избенка ледяная, у зайца — лубяная [1].

Пришла весна красна — у лисы избенка растаяла, а у зайца стоит по-старому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избенки и выгнала. Идет доро́гой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

— Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подошли они к избенке. Собака забрехала:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала.

Зайчик опять идет доро́гой, плачет. Ему навстречу медведь:

— О чем, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, я твоему горю помогу.

---

[1] Луб — плотная часть липового подкорья; из луба делают короба, крыши и т. п.

— Нет, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Медведь как закричит:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идет опять зайчик. Ему навстречу бык:

— Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

— Нет, бык, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Бык как заревел:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Бык испугался и убежал.

Идет опять зайчик доро́гой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:

— Ку-ка-реку! О чем, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

— Нет, петух, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет выгоню!

Подошли они к избенке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,

Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услыхала, испугалась и говорит:
— Обуваюсь...
Петух опять:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,
Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:
— Одеваюсь...
Петух в третий раз:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,
Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса вон!

Лиса без памяти выбежала, петух ее тут и зарубил косой.

И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избенке.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелко́вую, пить воду студёную. Как только уйдет — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдет в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поет коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

— Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритеся,
Отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поет тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошел он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придет к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберет всего, что я вам причитываю,— дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козленочек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козленочка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдем лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костер горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.

КОЗА-ДЕРЕЗА

Жили-были старик со старухой да их дочка.

Вот дочка пошла пасти коз. Пасла по горам, по долам, по зеленым лугам, вечером пригнала их домой. Старик вышел на крыльцо и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Отвечают ему козы:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза отвечает:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек,
Да как бежала через гребёльку [1],
Ухватила воды капёльку.

---

[1] Гребёлька — узкая плотина поперек речки.

Рассердился старик на дочь и прогнал ее с глаз долой.

На другой день послал пасти старуху. Старуха пасла коз по горам, по долам, по зеленым лугам.

Поздно вечером пригнала их домой.

Вышел старик на крыльцо:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек,
Да как бежала через гребе́льку,
Ухватила воды капе́льку.

Пуще прежнего рассердился старик, прогнал старуху с глаз долой.

На третий день сам пошел пасти коз. Пас по горам, по долам, по зеленым лугам. Пригнал их вечером домой, сам забежал вперед и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребе́льку,
Ухватила воды капе́льку.

Старик поймал эту козу, привязал ее и давай бить. Бил, бил, половину бока ободрал и пошел нож точить.

Коза видит — дело плохо, оторвалась и убежала. Бежала, бежала, прибежала в заячью избушку, завалилась на печку и лежит.

Приходит зайчик:

— Кто, кто в мою избушку залез?

А коза ему с печи отвечает:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу́, топу́ ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Зайчик испугался и убежал. Идет, горько плачет.

Попадается навстречу ему петух в красных сапожках, в золотых сережках, на плече косу несет:

— Здравствуй, заинька. Чего плачешь?

— Как мне не плакать? Забралась коза в мою избушку, меня выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

Подошли они к избушке, петух постучался:

— Тук-тук, кто в избушке?

А коза ему с печи:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,

Топу́, топу́ ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

А петух как вскочит на порог да как закричит:

— Я иду в сапожках,
В золотых сережках,
Несу косу,
Твою голову снесу
По самые плечи,
Полезай с пе́чи!

Коза испугалась да со страху упала с печи и убилась...
А заинька с петушком стали в избушке жить да быть да рыбку ловить.

ПЕТУШОК—ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок — золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай, когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису — кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывали петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса —тут как тут: села под окошечко и поет:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко.
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок все помалкивает. А лиса — опять:

— Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал — кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой—петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили — и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

ЛИСА И ВОЛК

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел, а лисичка не воро́хнется, лежит, как мертвая.

— Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке.

Повыбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовет бабу:

— Ну, старуха, знатный воротник привез тебе на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротника, ни рыбы. И начала она старика ругать:

— Ах ты, старый хрен, такой-сякой, еще вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

— Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

— Я ем — свой, а ты подальше стой.

— Дай мне рыбки.

— Налови сам, да и ешь.

— Да я не умею.

— Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала́ и велика́, ловись, рыбка, и мала́ и велика́!» Так рыба тебя сама за хвост будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошел волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

— Ловись, рыбка, и мала́ и велика́,
Ловись, рыбка, и мала́ и велика́!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

— Ясни, ясни на небе звезды,
Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

— Что ты, кума, все говоришь?

— А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

— Ясни, ясни на небе звезды,
Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби. Хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться — не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащить!»

В это время идет баба с ведрами за водой. Увидела волка и закричала:

— Волк, волк! Бейте его!

Волк — туда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила ведра и давай его бить коромыслом. Била, била, волк рвался, рвался, оторвал себе хвост и пустился наутек.

«Хорошо же, думает, ужо [1] я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба, наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит — стонет.

Волк ей навстречу:

— Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего исколотили...

Лиса ему говорит:

— Эх, куманек! У тебя хвоста нет, зато голова цела, а мне голову разбили: смотри —мозг выступил, насилу плетусь.

— И то правда, — говорит ей волк. — Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Села лисица волку на спину. Он ее и повез.

Вот лисица едет на волке и потихоньку поет:

— Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

— Ты чего, кума, все говоришь?..

— Я, куманек, твою боль заговариваю.

И сама опять:

— Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

---

[1] Ужо — скоро, в тот же день.

МЕДВЕДЬ—ЛИПОВАЯ НОГА

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошел посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе. А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверно, это медведь проказит! Поди-ка, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошел караулить на ночь. Лег под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагреб целое беремя [1] и полез через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушел на трех лапах в лес.

Старик взял отрубленную лапу, принес домой:

— На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прясть.

Старуха прядет. А медведь сделал себе липовую ногу и пошел к старику со старухой.

---

[1] Беремя — охапка; сколько можно обхватить руками.

Вот медведь идет, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

— Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идет...

А медведь уже в сени вошел, дверь отворяет, сам приговаривает:

— Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под черные рубахи.

Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой, да и угодил в подполье.

Тут собрался народ, и убили медведя.

МИЗГИРЬ

В старопрежние годы в красну весну, в теплое лето сделалась такая срамота, в мире тягота — стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пускать.

Появился паук-мизгирь, удалой добрый молодец. Стал он ножками трясти да мере́жки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Муха пролетала да к мизгирю в сеть попала. Тут ее мизгирь стал бить да губить, за горло давить. Муха мизгирю взмолилась:

— Батюшко мизгирь, не бей ты меня, не губи ты меня: у меня много останется детей-сирот — по дворам ходить и собак дразнить.

Тут ее мизгирь и отпустил. Она полетела, всем комарам да мошкам весть посылала:

— Ой, вы еси, комары да мошки, убирайтесь под осиновое корище! Появился мизгирь-борец, стал ножками трясти, мере́жки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Они и полетели, забились под осиновое корище, лежат мертвы...

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и лесного клопа.

— Ты, сверчок, сядь на кочо́к — курить табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди

под осиновое корище — проложи про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что меня вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочо́к курить табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиновое корище и говорит:

— Что запали [1], лежите мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: его в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Комары да мошки возрадовались и возвеселились, в разные стороны залетали, да к мизгирю в сеть и попали.

Он и говорит:

— Так-то почаще бы ко мне в гости бывали!

---

[1] Запали — то есть завалились, лежат без движения.

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Жили-были петушок и курочка. Вот пошел град. Испугалась курочка и кричит:

— Петушок, петушок! Беда! Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают! Бежим отсюда!

И побежали. Бежали, бежали. Им навстречу — заяц:

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали втроем. Им навстречу — лиса:

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали вчетвером. Им навстречу — волк:

— Куда, лиса, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?
— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
— Возьмите меня!
И побежали впятером. Им навстречу — медведь:
— Куда, волк, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай лису!
— Куда, лисичка, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!
— Куда, зайчик, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!
— Куда, петушок, бежишь?
— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!
— Куда, курочка, бежишь?
— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
— Возьмите меня!

И побежали вшестером. Бежали, бежали да в глубокую яму и упали. Долго они в яме сидели, есть захотели, а выйти не могут.

Вот лиса и говорит:

— Давайте имена спрашивать! Чье имя хуже, того и съедим.

И запела лиса:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.
Заяц-зайчу́хно — имечко хорошее.
Петух-петушу́хно — имечко хорошее.
Кура-окура́ва — имя худое!

Тут курочку и съели.

Прошло немного времени — опять есть хочется. Лиса запела:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.
Заяц-зайчу́хно — имечко хорошее.
Петух-петушу́хно — имя худое!

И съели петушка.

Посидели — опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.

Заяц-зайчу́хно — имя худое!

Съели и зайца. Долго ли, коротко ли, опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.

Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.

Волк-волчу́хно — имя худое!

Разорвал медведь волка. Стали они с лисой есть. Лиса часть съела, а другую-то припрятала. Сидели-сидели, опять проголодались. Лиса потихоньку начала есть припрятанное, а медведь спрашивает:

— Чем, лисанька, лакомишься?

— Кишочки свои достаю и ем.

— А как ты их достаешь?

— Распорола брюхо и достаю.

Медведь поверил и распорол себе брюхо.

Осталась лиса одна в яме. Прошло немного времени, летит мимо птичка-синичка. Лиса и кричит ей:

— Птичка-синичка, выручи меня из беды!

— А как я тебя выручу?

— Наноси в яму веток!

Наносила птичка-синичка в яму веток, и выбралась лисица на волю.

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да медом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдем со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли, да и сядет, взлетит, да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдем скорей! Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь [1], а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

А пиво из бочки на дорогу льется. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в свое гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повел дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетет.

Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула.

---

[1] Гвоздем в данном случае называется деревянная затычка в бочке.

Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в свое гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит—покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает.

Привел дрозд лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак и — наутек. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Нате, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили ее из норы.

ЛИСА И РАК

Лиса говорит раку:

— Давай перегоняться!

— Что ж, лиса, давай.

Начали перегоняться.

Лиса побежала, а рак уцепился лисе за хвост.

Лиса до места добежала, обернулась посмотреть, вильнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я уж давно тут тебя жду.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лисица по лесу, увидела на дереве тетерева и говорит ему:

— Терентий, Терентий! Я в городе была.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была так была.

— Терентий, Терентий! Я указ добыла.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла так добыла.

— Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревам, а все бы гулять по зеленым лугам.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять так гулять.

— Терентий, Терентий! Кто там едет?

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Мужик.

— Терентий, Терентий! А за мужиком кто бежит?

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Жеребенок.

— Терентий, Терентий! А какой у него хвост-то?

— Крючком.

— Ну так прощай, Терентий, мне дома недосуг.

ЛИСА И ПЕТУХ

Зачинается, починается хорошая сказка, добрая повесть не от сивки, не от бурки, не от верного каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Шла лисица на боярский двор, хотела съесть из телятника теленка, из курятника куренка, от овцы ягненка, от свиньи поросенка.

Вор-петух лису увидал, крыльями-перьями замахал и запел — на весь двор зашумел.

Весь народ сбежался: старые старухи с лопатами, с ухватами; старые старики с топорищами, с коромыслами; малые ребята с мутовками, с колотовками — хотят лису бить.

Насилу лисица убралась, убежала в лес, под ольховый куст пала и три дня там пролежала.

Вот петух пошел в чистое поле, взлетел на высокое дерево, сел и сидит.

А лисица отлежалась, пошла по чистому полю. Идет возле того дерева, взвела око ясное, видит — сидит петух.

— Что, вор-петух, по своей ли охоте летаешь или за нами, зверями, наблюдаешь?

— Э, мать-лисица! Я по своей охоте летаю, ни за кем я не наблюдаю.

— Что, вор-петух! Без покаяния на высоком дереве погибнешь. Слезь да покайся, много ли у тебя грехов на душе.

Тут петух умилился, стал спускаться с ветки на ветку, с сучка на сучок, с пенька на пенек. Спустился на землю и сел перед лисицей.

Лисица к нему подбегала, крепко петуха в когти хватала, крылышки-перышки расправляла, начала трепать да приговаривать:

— Что, вор-петух! Когда мне была крайняя нужда, когда я была голодна, к богатому боярину шла, хотела что-нибудь съесть, много ли бы у него убыло? А тогда ты первый горло драл!

Петух на то сказал:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Тебя люди знают, купцы да бояре почитают, шубки из тебя шьют и по праздникам носят. А мое дело маленькое: у одного хозяина живу — двум не служу.

— Вор-петух! Не строй лясы!

И пуще стала петуха трепать.

Петух опять:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Вот у тебя буду жить и тебе верой-правдой служить! Будешь ты просвиры попекать, а я буду просвиры продавать да песенки попевать. Пойдет про нас слава добрая...

Лисица и приослабила когти. Петух вырвался да взлетел повыше на дерево:

— Э, мать-лисица, дорогая боярыня-просвирня, сладки ли твои просвиры? А не хочешь ли орехов? Не выломай зубов!

Упустила лисица поживу и пошла прочь несолоно хлебавши.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошел журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

— Покушай, голубчик куманек,— сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так все сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдет, и этак, и лизнет его, и понюхает-то, — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюет себе да клюет, пока все не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летела сова — веселая голова.

Вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела — летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела и опять полетела — летала, летала...

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были на болоте журавль да цапля. Построили они себе по концам [1] избушки.

Журавлю стало скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Дай пойду посватаюсь к цапле!

Пошел журавль, — тяп-тяп! — семь верст болото месил.

Приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то тебе меня нечем! Ступай прочь, долговязый!

Пошел журавль домой несолоно хлебавши.

Цапля после раздумалась:

---

[1] По концам — то есть журавль на одном конце болота, а цапля — на другом.

«Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля».

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась домой.

Ушла цапля, а журавль раздумался:

«Напрасно не взял за себя цаплю! Ведь одному-то скучно».

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться, пойди за меня!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж!

Пошел журавль домой. Тут цапля раздумалась:

«Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду».

Приходит она свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сию пору один к другому свататься, да никак не женятся.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса.— Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица,— девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса — домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови,— говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услыхал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну,— думает медведь,— увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

СТАРИК И ВОЛК

У старика со старухой были паренек да девушка, петушок да курочка, пятеро овец, шестой — жеребец.

Прибежал к избушке голодный волк и завыл:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Петушок да курочка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай петушка да курочку, а то съем старуху!

Жалко стало старику петушка да курочку, но — делать нечего — отдал их волку.

На другой день волк опять прибежал:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,

Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай овечек, а то съем старуху!

Жалко стало старику овечек, а старуху еще жальче, — отдал он волку овечек.

На третий день прибежал волк:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Да соломенный хлевец,
А в нем — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай жеребца, а то съем старуху!

Отдал старик жеребца. Волк наутро опять прибегает:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай паренька да девушку, а то съем старуху!

Старику так жалко стало паренька да девушку, схватил он кочергу и давай возить волка. Бил, бил, покуда у того брюхо не лопнуло, и выскочили оттуда жеребец, а за ним пятеро овец, а за овечками и петушок с курочкой.

КАК СТАРУХА НАШЛА ЛАПОТЬ

Шла по дороге старуха и нашла лапоть. Пришла в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ну, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне лапоть положить?

— Клади под лавку.

— Нет, мой лапоть привык в курятнике спать.

И положила лапоть с курами.

Утром встала и говорит:

— Где-то моя курочка?

— Что ты, старуха,— говорит ей мужик,— ведь у тебя лапоть был!

— Нет, у меня курочка была! А не хотите отдать, пойду по судам, засужу!

Ну, мужик и отдал ей курочку.

Старуха пошла дальше путем-дорогой. Шла, шла — опять вечер. Приходит в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ночуй, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне курочку положить?

— Пусть с нашими курочками ночует.

— Нет, моя курочка привыкла с гусями.

И посадила курочку с гусями.

А на другой день встала:

— Где моя гусочка?

— Какая твоя гусочка? Ведь у тебя была курочка!

— Нет, у меня была гусочка! Отдайте гусочку, а то пойду по судам, по боярам, засужу!

Отдали ей гусочку.

Взяла старуха гусочку и пошла путем-дорогой. День к вечеру клонится. Старуха опять ночевать выпросилась и спрашивает:

— А куда гусочку на ночлег пустите?

— Да клади с нашими гусями.

— Нет, моя гусочка привыкла к овечкам.

— Ну, клади ее с овечками.

Старуха положила гусочку к овечкам.

Ночь проспала, утром спрашивает:

— Давайте мою овечку!

— Что ты, что ты, ведь у тебя гусочка была!

— Нет, у меня была овечка! Не отдадите овечку, пойду к воеводе судиться, засужу!

Делать нечего — отдали ей овечку.

Взяла она овечку и пошла путем-дорогой. Опять день к вечеру клонится. Выпросилась ночевать и говорит:

— Моя овечка привыкла дома к бычкам, кладите ее с вашими бычками ночевать.

— Ну, пусть она с бычками переночует.

Встала утром старуха:

— Где-то мой бычок?

— Какой бычок? Ведь у тебя овечка была!

— Знать ничего не знаю! У меня бычок был! Отдайте бычка, а то к самому царю пойду, засужу!

Погоревал хозяин — делать нечего, отдал ей бычка.

Старуха запрягла бычка в сани, поехала и поет:

— За лапоть — куру,
За куру — гуся,
За гуся — овечку,
За овечку — бычка...
Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу ей идет лиса:

— Подвези, бабушка!

— Садись в сани.

Села лиса в сани, и запели они со старухой:

Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу идет волк:

— Пусти, бабка, в сани!

— Садись.

Волк сел. Запели они втроем:

Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу — медведь:

— Пусти в сани!

— Садись.

Повалился медведь в сани и оглоблю сломал. Старуха говорит:

— Поди, лиса, в лес, принеси оглоблю!

Пошла лиса в лес и принесла осиновый прутик.

— Не годится осиновый прутик на оглоблю.

Послала старуха волка. Пошел волк в лес, принес кривую, гнилую березу.

— Не годится кривая, гнилая береза на оглоблю.

Послала старуха медведя. Пошел медведь в лес и притащил большую ель — едва донес.

Рассердилась старуха. Пошла сама за оглоблей.

Только ушла — медведь кинулся на бычка и задавил его. Волк шкуру ободрал. Лиса кишочки съела. Потом медведь, волк да лиса набили шкуру соломой и поставили около саней, а сами убежали.

Вернулась старуха из леса с оглоблей, приладила ее, села в сани и запела:

Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

А бычок ни с места. Стегнула бычка, он и упал. Тут только старуха поняла, что от бычка-то осталось одна шкура.

Заплакала старуха и пошла одна путем-дорогою.

О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси.

Лещи, окуни, ерши собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду:

— Экая щука уродилась зубастая!

И стала она расти не по дням — по часам: что ни день, то на вершок прибавится.

И стала щука в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хватит его — леща как не бывало, только косточки на зубах хрустят.

Экая оказия случилась на Шексне!

Что делать лещам да окуням? Тошно приходится: щука всех приест, прикорнает [1].

Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать: как перевести щуку зубастую да такую тароватую.

Пришел Ерш Ершович и так наскоро проговорил:

— Полноте думу думать да голову ломать, а вот послушайте, что я буду баять [2]. Тошно нам всем теперь в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку, там нас никто не тронет, будем жить припеваючи.

---

[1] Прикорнать — погубить.
[2] Баять — рассказывать.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки — Сизму, Коному да Славенку.

По дороге как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил ушицу.

С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Много наделала хлопот щука зубастая, да после и сама несдобровала.

Как не стало мелкой рыбицы, пошла щука хватать червяков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил из нее уху, хлебал да хвалил: такая уха была жирная.

Я там был, вместе уху хлебал, по усам текло, да в рот не попало.

БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА

Захотел тетерев дом строить.

Подумал-подумал:

«Топора нет, кузнецов нет — топор сковать некому».

Некому выстроить тетереву домишко.

«Что ж мне дом заводить? Одна-то ночь куда ни шла!»

Бултых в снег!

В снегу ночку ночевал, поутру рано вставал, по вольному свету полетал, громко, шибко покричал, товарищей поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищем.

Они играли, по кусточкам бродили, местечко искали, гнездышки свивали, яичушки сносили и деток выводили.

С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

«А одна-то ночь куда ни шла! Чем нам дом заводить, лучше на березыньках сидеть, во чисто поле глядеть, красну весну встречать, шулдар-булдары кричать!»

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

— Что, лисица, умеешь ли летать?

— Нет, не умею.

— Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унес ее журавль высоко-высоко.

— Что, лисица, видишь ли землю?

— Едва вижу: с овчину земля кажется!

Журавль ее и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу.

Журавль подлетел:

— Ну как, умеешь, лисица, летать?

— Летать-то умею — садиться тяжело!

— Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унес он ее и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю.

Так лисица и не научилась летать.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть.

Пошли они в лес дрова рубить. Дошли до реки и не знают, как перейти через реку.

Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывем!

— Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдем.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошел по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду.

А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

КОТ—СЕРЫЙ ЛОБ, КОЗЕЛ ДА БАРАН

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клок, и тот пополам. А коли вилы в бок — так одному коту Ваське! Он такой вор и разбойник, каждый час на промысле, и где что плохо лежит, так у него брюхо болит.

Вот лежат себе козел да баран и разговаривают. Откуда ни возьмись — котишко-мурлышко, серый лбишко, идет да таково жалостно плачет.

Козел да баран его спрашивают:

— Кот-коток, серенький лобок, о чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня хозяйка, уши выдирала, ноги приломала, да еще и удавить обещала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— А за то мне погибель, что сметанку слизал!

И опять заплакал кот-мурлыка.

— Кот-коток, серый лобок, о чем же ты еще-то плачешь?

— Как мне не плакать? Баба меня била да приговаривала: «К нам-де придет зять, где будет сметаны взять? Поневоле придется колоть козла да барана!»

Заревели козел да баран:

— Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут кот-мурлыка вину свою приносил и прощенья просил. Козел да баран его простили и стали втроем думать: как быть и что делать?

— А ну, середний брат,— спросил кот барана,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся баран, с разбегу стукнулся о ворота лбом— покачнулись ворота, да не отворились.

— А ну, старший брат,— спросил кот козла,—крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся козел-козлище, разбежался, ударился— ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот — серый лоб.

Устал кот, взмолился навáным братьям:

— Козел да баран, не оставьте меньшóго брата...

Взял козел кота, посадил его на себя, и поскакали они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам.

Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крýтище, стáново станóвище. Под тем крýтищем — скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят.

Остановились козел, баран и кот отдыхать.

А ночь была осенняя, холодная. Где огня добыть?

Думают козел да баран, а кот — серый лоб уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами.

Стукнулись козел с бараном, да так крепко —искры из глаз посыпались,— береста и запылала.

Развели они огонь, сели и греются.

Не успели путем обогреться — глядь, жалует незваный гость — медведь:

— Пустите обогреться, отдохнуть, что-то мочи моей нет...

— Садись с нами, Михайло Иванович! Откуда идешь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками.

Стали они вчетвером делить темную ночь: медведь под стогом, кот — серый лоб на стогу, а козел с бараном — у костра.

Вдруг идут семь серых волков, восьмой — белый, и — прямо к стогу.

Заблеяли козел да баран со страху, а кот — серый лоб такую речь повел:

— Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшо́го брата: он сердит, как расходится — никому несдобровать. Али не видите у него бороды: в ней-то и сила, бородою он зверей побивает, а рогами только кожу снимает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть, силу попытать с меньшим братишкой, вон с тем, что под стогом лежит.

Волки на том коту поклонились, обступили медведя и стали его задирать. Вот медведь крепился, крепился — да как хватит на каждую лапу по волку! Перепугались они, выдрались кое-как — да, поджав хвосты, давай наутек.

А козел да баран тем временем подхватили кота, побежали в лес и опять наткнулись на серых волков.

Кот живо вскарабкался на макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубами лязгают.

Видит кот — серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, кот, давеча двух волков съел с косточками, так еще сытёхонек, а ты, бо́льшой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А кот знай свое кричит:

— Держи их, лови их!

Тут на волков напал такой страх — пустились бежать без оглядки. Так и убежали.

А кот — серый лоб, козел да баран пошли своей дорогой.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику!

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашел я петуха, придется нам свинью заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашел:

— Придется барана зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик на двор — нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашел:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придется, видно, быка зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошел к барану:

— Как же, братцы-товарищи? Время приходит студеное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба теплая, я и так прозимую.

Пошел бык к свинье:

— Пойдем, свинья, избу рубить!

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Пошел бык к гусю:

— Гусь, пойдем избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймет.

Пошел бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну,— говорит,— вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошел к быку:

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошел в избу и перед печкой на лавочку лег.

Немного погодя прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньей гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозимуешь.

— А не пустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашел гусь в избу и сел на шесток.

Немного погодя прибегает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.

— Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.

— А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдем,— говорят,— в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперед, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей меня, иди ты вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел — бык рогами его к стене и припер. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съесть волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегает по брусу да кричит:

— А вот ка́к, да куда́к, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко[1] здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик — да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

---

[1] Гужишко — гуж, петля в упряжи, которая соединяет хомут с оглоблей и дугой.

— Ну, что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да все обухом по бокам. А еще поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегает по брусу да кричит: «А вот ка́к, да куда́к, да. подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья еще кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съесть его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Жил-был волк, старый-престарый. Зубы у него приломались, глаза плохо видят. Тяжело стало жить старому: хоть ложись да помирай.

Вот пошел волк в поле искать себе добычи и видит — пасется жеребенок.

— Жеребенок, жеребенок, я тебя съем!

— Где тебе, старому, съесть меня! Да у тебя и зубов-то нет.

— А вот есть зубы!

— Покажи, коли не хвастаешь!

Волк и оскалил зубы:

— Смотри!

А жеребенок лягнул его изо всех сил по оскаленным зубам, да и был таков.

Упал волк без памяти. Лежал, лежал, насилу очухался. Голод не тетка, побрел он дальше.

Идет лесом, навстречу ему — портной. Веселый такой портной: песни поет и аршином железным помахивает.

Остановился волк посреди дороги:

— Портной, портной, я тебя съем!

Посмотрел портной на волка:

— Ну, что ж делать! Так и быть, ешь. Дай только смеряю тебе брюхо: влезу ли еще в тебя-то.

— Меряй,— говорит волк,— да поскорей, а то очень есть хочу.

Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, намотал его на руку и давай по бокам аршином лупить, бьет да приговаривает:

— Аршин вдоль, аршин поперек! Аршин вдоль, аршин поперек!

Рвался, рвался волк, полхвоста оторвал, насилу ноги унес.

Плетется волк да зализывает рану. Вдруг видит — пасется на горе большой козел.

— Козел, а козел! Я тебя съем!

— Ну что ж, ешь, коли тебе хочется. Только зачем понапрасну зубы ломать, ты лучше стань под горой и разинь пасть пошире, а я с горы разбегусь — да прямо к тебе в рот.

Волк стал под горой, разинул пасть и ждет.

Козел разбежался с горы и ударил волка в лоб, тот с ног свалился. А козел и был таков.

Отлежался волк, встал и думает:

«Проглотил я козла или нет? Коли бы я съел козла, брюхо было бы полнехонько. Наверно, он меня, бездельник, обманул».

Погоревал, погоревал и пошел опять искать себе добычи. Увидел под кустом падаль, бросился на нее и попал в капкан.

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

Убежала у одного мужика овца.

Навстречу ей — лиса:

— Куда, овечка, идешь? Куда путь держишь?

— Ох, лисичка-сестричка! Была я у мужика, да житья мне не стало: где баран сдурит-напроказит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куда глаза глядят.

— И я тоже! — говорит лиса.— Где коршун ли, ястреб ли курочку словят, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе!

Встретился им голодный волк:

— Овца и лиса, далече ли бредете?

Лиса ему:

— А куда глаза глядят!

— Пойдемте вместе!

Пошли они втроем. Вдруг волк говорит овце:

— А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой!

Лиса услышала это и подхватила:

— Вправду, братец, твой?

— Верно говорю, мой тулуп.

— И к присяге пойдешь?

— Пойду,— говорит волк.

— Тогда целуй присягу!

Лиса сметила, что мужик на тропинке поставил капкан. Подвела волка к капкану и говорит:

— Вот здесь и целуй!

Волк сдуру сунулся туда мордой; капкан щелкнул и ухватил его.

Лиса с овцой убежали подобру-поздорову.

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Жили-были мужик да баба. Была у них собака верная. Смолоду сторожила она дом, а как пришла старость, так и брехать перестала.

Надоела она мужику. Вот он взял веревку, зацепил собаку за шею и повел в лес. Привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут горькие слезы, стало ему жалко.

Отпустил мужик собаку, а сам отправился домой.

Остался пес в лесу. Лежит под деревом голодный и проклинает собачью долю.

Вдруг идет медведь:

— Что ты, пес, здесь улегся?

— Хозяин меня прогнал.

— А что, пес, хочется тебе есть?

— Еще как хочется-то!

— Ну, пойдем со мной, я тебя накормлю.

Вот они и пошли. Попадается им навстречу жеребец.

Медведь схватил жеребца. Жеребец упал. Медведь разорвал его и говорит собаке:

— На, ешь, сколько хочешь, а как съешь все, приходи ко мне.

Живет собака, ни о чем не тужит. А как все съела да опять проголодалась, побежала к медведю.

— Ну что, брат, съел жеребца?

— Съел, опять приходится голодать.

— Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

— Знаю!

— Тогда пойдем, я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу ребенка, а ты догоняй меня да отнимай. Как отнимешь, отнеси хозяйке. Она за то станет тебя по-старому кормить.

Вот прибежал медведь на ниву, где бабы жнут, и унес ребенка.

Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились.

Мать плачет, бабы тужат.

Откуда ни возьмись прибежал пес, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад.

— Смотрите,— говорят бабы,— пес-то отнял ребенка!

Мать уж так рада-радешенька.

— Теперь,— говорит,— я этого пса ни за что не покину!

Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлебца:

— На, покушай!

А мужику говорит:

— Вот, муженек, эту собаку надо беречь да кормить: она нашего ребенка у медведя отняла.

Поправился пес, отъелся и живет припеваючи. Стал он медведю первый друг.

Один раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости.

— Здоро́во, пес! Ну, как поживаешь — хлеб поедаешь?

— Слава богу,— отвечает пес,— не житье, а масленица! Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу, хозяева загуляли, не увидят. Только ты войдешь —поскорее лезь под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрался медведь в избу — под печку.

Собака видит, что гости и хозяева порядком развеселились,— и ну таскать со стола, угощать приятеля.

Медведь выпил стакан, выпил другой — и разобрало

его. Гости затянули песни. И медведь стал свою песню заводить.

Собака его уговаривает:

— Не пой, а то беда будет.

Куда! Медведь не утихает, а все громче заводит песню.

Гости услыхали вой под печью, похватали колья и давай медведя по бокам охаживать.

Насилу медведь вырвался, убежал.

Вот тебе и сходил в гости!

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Жили-были медведь и лиса.

У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка меду.

Лиса про то сведала. Как бы ей до меду добраться?

Прибежала лиса к медведю, села под окошечко:

— Кум, ты не знаешь моего горечка!

— Что, кума, у тебя за горечко?

— Изба моя худая, углы провалились, я и печь не топила. Пусти к себе ночевать.

— Поди, кума, переночуй.

Вот легли они спать на печке. Лиса лежит да хвостом вертит. Как ей до меду добраться? Медведь заснул, а лиса — тук-тук хвостом.

Медведь спрашивает:

— Кума, кто там стучит?

— А это за мной пришли, на повой [1] зовут.

— Так сходи, кума.

Вот лиса ушла. А сама влезла на чердак и почала кадушку с медом. Наелась, воротилась и опять легла.

— Кума, а кума,— спрашивает медведь,— как назвали-то?

— Починочком.

---

[1] Повой — прием новорожденного; принимает (повивает) повивальная бабка.

— Это имечко хорошее.

На другую ночь легли спать, лиса — тук-тук хвостом:

— Кум, а кум, меня опять на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Лиса влезла на чердак и до половины мед-то и поела. Опять воротилась и легла.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Половиночком.

— Это имечко хорошее.

На третью ночь лиса — тук-тук хвостом:

— Меня опять на повой зовут.

— Кума, а кума,— говорит медведь,— ты недолго ходи, а то я блины хочу печь.

— Ну, это я скоро обернусь.

А сама — на чердак и докончила кадушку с медом, все выскребла. Воротилась, а медведь уже встал.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Поскрёбышком.

— Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь.

Медведь напек блинов, а лиса спрашивает:

— Мед-то у тебя, кум, где?

— А на чердаке.

Полез медведь на чердак, а меду-то в кадушке нет — пустая.

— Кто его съел? — спрашивает.— Это ты, кума, больше некому!

— Нет, кум, я мед в глаза не видала. Да ты сам его съел, а на меня говоришь!

Медведь думал, думал...

— Ну,— говорит,—давай пытать —кто съел. Ляжем на солнышке вверх брюхом. У кого мед вытопится— тот, значит, и съел.

Легли они на солнышке. Медведь уснул. А лисе не спится. Глядь-поглядь — на животе у нее и показался медок. Она ну-ко скорее перемазывать его медведю на живот.

— Кум, а кум! Это что? Вот кто мед-то съел!

Медведь — делать нечего — повинился.

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришел к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так,— сказал медведь.— А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езди.

Сказал и ушел в дуброву.

Репа выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повез в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел.— Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Жили-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:

— Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет.

Старик вылепил из глины паренька. Положили его на печку сушить. Высох парень и стал просить есть:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку.

Принесла ему старуха это, а он съел все и опять просит:

— Есть хочу! Есть хочу!

И съел он у старика со старухой весь хлеб, выпил все молоко и опять кричит:

— Есть хочу! Есть хочу!

Нечего ему больше дать. Глиняный парень соскочил с печки и съел бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и пошел на улицу.

Идет навстречу бык. Глиняный парень говорит ему:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и тебя, бык, съем!

Да и съел быка.

Идет дальше. Навстречу дроворубы с топорами. Глиняный парень и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять каду-

шек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами — и вас всех съем!

И съел дроворубов с топорами.

Идет дальше. Навстречу ему мужики с косами да бабы с граблями. Глиняный парень им говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами — и вас всех съем!

Съел мужиков с косами да баб с граблями и дальше пошел. Встретил глиняный парень козла и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами, мужиков с косами, баб с граблями — и тебя, козел, съем!

А козел ему говорит:

— Да ты не трудись, стань под горку, а я стану на горку, разбегусь, да тебе в рот и прыгну.

Стал глиняный парень под горку, а козел разбежался с горы да рогами в брюхо как ударит! Тут и рассыпался глиняный парень.

И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, бык с рогами, дроворубы с топорами, мужики с косами да бабы с граблями.

Всех козел избавил.

КОБЫЛЬЯ ГОЛОВА

Жили-были мужик да баба. У них были две дочери: одна мужикова, другая бабова.

Баба падчерицу свою невзлюбила и говорит мужику:

— Вези свою дочь куда хочешь.

Делать нечего. Повез мужик свою дочку в лес. Видит, в лесу стоит избушка, а в ней никого нет. Он и завел туда дочь и говорит:

— Ты здесь посиди, а я пойду дров насеку.

А сам прицепил к двери березовую ветку. Ветер дует, ветка стучит да стучит, а дочь думает, что отец дрова секёт. А отец давно уж дома.

Долго ли, коротко ли, идет из леса кобылья голова, без ног, без хвоста, подходит к избушке и говорит:

— Девчонка, девчонка, отвори мне ворота!

Девочка выбежала, отворила ворота.

Кобылья голова зашла в избушку.

— Девчонка, девчонка, пересади меня с порога на лавку.

Девочка взяла ее и пересадила с порога на лавку. Кобылья голова говорит:

— Девчонка, девчонка, постели постелю, меня спать уложи.

Девчонка постелила постелю и кобылью голову уложила, а кобылья голова ей говорит:

— Полезай ко мне в правое ухо, а в левое вылазь.

Вот девочка влезла ей в правое ухо и вылезла в левое и стала красавицей. Тут к избушке кони с возом добра подъехали — и повезли девочку к отцовскому дому.

Там все так и ахнули. Девочка всех одарила — и отца, и бабу, и бабову дочь.

Вот баба и говорит мужику:

— Вези мою дочь туда, где твоя была.

Мужик не перечил. Привез бабову дочь в лесную избушку. Завел ее туда и говорит:

— Ты тут посиди, а я схожу за дровами.

Да опять привязал к двери березовую ветку. Она колотится, бабова дочь думает: «Отчим дрова секёт».

Долго ли, коротко ли, идет кобылья голова, без ног, без хвоста:

— Девчонка, девчонка, отвори мне ворота!

А бабова дочь — ей:

— Не барыня, сама отворишь...

Кобылья голова зашла в избушку.

— Девчонка, девчонка, пересади меня через порог, постели постелю да спать уложи.

А бабова дочь — ей:

— Я и дома не стелю и тебе не стану.

— Девчонка, девчонка,— говорит кобылья голова,— полезай мне в левое ухо, а в правое вылазь.

Бабова дочь и влезла ей в левое ухо, а из правого вылезла, да не красавицей, а беззубой старухой.

ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК

Раз на реке лев со щукой разговаривал, а человек стоял поодаль и слушал.

Только щука увидала человека, сейчас же ушла в воду.

Лев ее после спрашивает:

— Чего ты ушла в воду?

— Человека увидела.

— Ну так что же?

— Да он хитрый.

— Что за человек? — спрашивает лев.— Подай мне его, я его съем.

Пошел лев человека искать. Идет навстречу мальчик.

— Ты человек?

— Нет, я еще не человек. Я мальчик. Еще когда буду человеком-то!

Лев его не тронул, прошел мимо. Идет навстречу старик.

— Ты человек?

— Нет, батюшка лев! Какой я теперь человек! Был когда-то человеком.

И этого лев не тронул.

— Что за диковина! Не найдешь человека нигде!

Шел, шел лев, встретил солдата с ружьем и с саблей.

— Ты человек?

— Человек.

— Ну, я тебя съем!

— А ты погоди,— говорит ему солдат.— Отойди от меня, я сам тебе в пасть кинусь. Разинь пасть пошире!

Лев отошел, разинул пасть. Солдат наметился да как бабахнет из ружья! Потом подбежал да саблей ухо у льва отсек. Лев — бежать.

Прибегает к реке. Выплывает щука, спрашивает:

— Ну что, видел человека?

— Да что,— говорит лев,— хитёр человек! Сразу-то я его не нашел: то говорит, что был человеком, то говорит, что еще будет человеком, а как нашел человека — так я и не обрадовался. Он мне велел отойти да раскрыть пасть, потом как плюнет мне в пасть и сейчас еще жжет, а потом как высунет язык, да ухо мне и слизнул!

— То-то же, я тебе говорила, что хитёр человек...

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить, овес воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

— У меня не усы, а уси́щи, не лапы, а ла́пищи, не зубы, а зу́бищи — я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про эту хва́сту. Тетка ворона пошла хва́сту разыскивать и нашла его под кокориной [1]. Заяц испугался:

— Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а уси́щи, не лапы, а ла́пищи, не зубы, а зу́бищи.

Вот она его маленько и потрепала:

— Боле не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел:

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидали зайца, бросили ворону — да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец, не хва́ста, а храбрец!

---

[1] Кокорина — коряга.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ[1]

Жили старик со старухой, бедные-бедные.

Хлеба у них не было. Вот они и поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть.

Старуха уронила желудь, он покатился по полу и провалился в щель, в подполье...

Долго ли, коротко ли, пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу.

Старуха приметила это и говорит:

— Старик, надобно пол-то прорубить, пускай дуб растет выше. Как вырастет— не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Дуб рос, рос и вырос до потолка.

Старуха опять говорит:

— Старик, надобно потолок разобрать, пускай дуб растет выше.

Старик разобрал и потолок. А после крышу снял. Дуб растет да растет и дорос до самого неба.

Вот не стало у старика со старухой желудей.

Старик взял мешок и полез на дуб.

Лез, лез и взобрался на небо. Видит — избушка; он в нее зашел. В избушке сидит петушок — золотой гребешок и лежат жерновки.

Старик недолго думал, положил жерновки в мешок, взял петушка и полез вниз. Спустился и говорит:

---

[1] Жерновки — ручная мельница.

— Нá тебе, старуха, петушка да жерновки.

Старуха посадила петушка на шесток, взяла жерновки и давай молоть: как повернет — оттуда блин да пирог, что ни повернет — все блин да пирог.

Намолола старуха целый угол блинов да пирогов, старика накормила и сама поела.

Стали жить они припеваючи, и петушок — золотой гребешок с ними живет.

Прослышал о чудных жерновках барин.

Пришел к старику со старухой и говорит:

— Нет ли чего-нибудь у вас поесть?

Старуха ему:

— Чего тебе, родимый, дать поесть? Разве блинков да пирогов?

Взяла жерновки и намолола. Напáдали блины да пироги. Барин поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновки.

— Что ты, родимый, продать их нельзя!

Вот старик со старухой легли спать, а барин потихоньку жерновки унес. Проснулись старик со старухой, увидели, что украдены жерновки, стали они горевать.

Петушок — золотой гребешок и говорит им:

— Старик, не горюй, старуха, не горюй: я вам жерновки достану.

Слетел петушок с шестка и пошел искать жерновки. Бежит по дороге. Навстречу ему лиса:

— Петушок — золотой гребешок, куда идешь?

— К барину за жерновками.

— Возьми меня.

— Полезай ко мне в зоб.

Лиса залезла петуху в зоб. Пошли дальше. Попадается волк:

— Петушок — золотой гребешок, куда идешь?

— К барину за жерновками.

— Возьми меня.

— Полезай ко мне в зоб.

Волк залез петушку в зоб. Пошли дальше. Попадается им медведь:

— Петушок — золотой гребешок, куда идешь?

— К барину за жерновками.

— Возьми меня!

— Полезай ко мне в зоб.

Петушок и медведя спрятал туда же — в зоб. Добежал до барского двора, вскочил на ворота и закричал:

— Кукареку, барин! Подавай мои жерновки!

Барин это услыхал, в окошко петушка увидал и говорит слуге:

— Поймай его, посади в гусиный хлев — гуси его там защиплют.

Петушка схватили и в гусиный хлев бросили. Он и говорит:

— Лиса, полезай из зоба, души гусей.

Лиса из зоба выскочила, гусятинки налупилась и убежала.

А петушок опять взлетел на ворота:

— Кукареку, барин! Отдай мои жерновки!

Услыхал барин, рассердился:

— Слуга, поймай петуха, брось его коровам — они его замнут!

Схватили петушка, бросили к коровам. Он и говорит:

— Ну-ка, серый волк, полезай из зоба, режь коров.

Волк вылез из зоба, всех коров зарезал, наелся и убежал.

Петушок — опять на ворота:

— Кукареку, барин! Отдай мои жерновки!

Барин пуще прежнего рассердился:

— Слуга, поймай петуха, брось его к коням — они его затопчут.

Бросили петушка к коням. Он и говорит:

— Ну-ка, медведь, вылезай из зоба, поломай коней.

Медведь вылез из зоба, всех коней поломал и ушел в дуброву. А петушок — на ворота:

— Кукареку, барин! Подай мне жерновки!

А барин-то кричит, кулаком стучит:

— Что за петух!.. Разорил нас в раззор, всю скотину перевел. Заколите его!

Тут петушка схватили, голову ему отсекли. Барин его сам ощипал, зажарил и съел — и спать захотел.

А петушок — золотой гребешок в животе у барина как закричит:

— Кукареку, барин! Отдавай мои жерновки!

Испугался барин, схватил саблю, да и цапнул себя по брюху, живот себе и разрубил.

Петушок — золотой гребешок вылетел оттуда, схватил жерновки и был таков.

Принес он жерновки старику со старухой. Они обрадовались, намололи блинов да пирогов и с тех пор живут, горя не знают.

И петушок с ними живет.

ТЕРЁШЕЧКА

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили.

Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, стали качать да прибаюкивать:

— Спи-тко, усни, дитя Терёшечка,—

Все ласточки спят,
И касатки спят,
И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терёшечке
Спать велят!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терёшечка — настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а весельцы — красной.

Вот Терёшечка сел в челнок и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече.
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терёшечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить.

Придет на берег и зовет:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка издалека услышит матушкин голос и подплывет к бережку. Мать возьмет рыбку, накормит, напоит Терёшечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовет страшным голосом:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
То не матушка меня зовет.

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал как у Терёшечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло. Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала.

Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терёшечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Терёшечке:

— Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь.

А она ему:

— Не так лег.

— Да я не умею — покажи как...

— А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

— А ты ляг сама да поучи меня.

Алёнка села на лопату, а Терёшечка ее в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Алёнку, съела, кости обглодала.

Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве.

Катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка ей с дуба отвечает:

— Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

А ведьма:

— Не листья ли это шумят?

И сама — опять:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка все свое:

— Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла —два передних зуба выломала, побежала в кузницу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне еще два железных зуба.

Кузнец сковал ей еще два зуба.

Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызет — только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается.

Что тут делать? Терёшечка видит: летят гуси-лебеди.

Он их просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами еще летят — поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терёшечку, облизнется — и опять за дело...

Летит другое стадо. Терёшечка просит...

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами летит защипанный гусенок, он тебя возьмет-донесет.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб.

Летит защипанный гусенок. Терёшечка его просит:

— Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси меня к батюшке, к матушке.

Сжалился защипанный гусенок, посадил Терёшечку на крылья, встрепенулся и полетел, понес его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке.

А старуха напекла блинов — поминать Терёшечку — и говорит:

— Это тебе, старичок, блин, а это мне блин.

А Терёшечка под окном:

— А мне блин?

Старуха услыхала и говорит:

— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, привел к старухе — пошло обниманье!

А защипанного гусенка откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди стада летать да Терёшечку вспоминать.

КРИВАЯ УТОЧКА

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли уточку. А та уточка была кривая. Они ее взяли и принесли домой.

Назавтра встали и опять пошли за грибами, а ей сделали у́течье гнездышко из перьев.

Они ушли, а уточка обернулась девушкой, избу вымыла, воды наносила и пирогов испекла.

Дед и баба пришли и спрашивают:

— Кто это у нас так все прибрал?

А соседи им говорят:

— У вас тут кри́венька девушка воду носила.

Вот дед и баба и назавтра ушли, да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскочили, да ее перышки и бросили в печь. Перышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала. Стала просить у деда, у бабы золотую прялочку. Села на крылечко и прядет куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей. Она и говорит:

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

А те говорят:

— Другие летят, те дадут.

Опять летит стадо гусей-лебедей.

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

— Другие летят, те дадут.

Тут летит одинокий гусь, он и бросил ей перышки. Стала она опять уточкой и улетела.

Поплакали дед с бабой, да ничего не выплакали.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Аленушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли,— солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут,— солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком...

Зовет Аленушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села под стожок — плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись приходит ведьма: стала под Аленушкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Аленушку на реку. Кинулась на нее, привязала Аленушке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

— Аленушка, сестрица моя!..
Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристает, так упрашивает,— делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобнёхонько закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегает козленочек и жалобнёшенько зовет:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелкòвые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу.

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! — яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли,— Одноглазка, Двуглазка, и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не знать.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузьма один-одинешенек в темном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать — и не заводил.

Вот поставил он капкан. Утром пошел посмотреть — попала лисица.

— Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит:

— Кузьма, отпусти меня, я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличком — пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мясца, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

— Чего, кума, катаешься, лаешь?

— Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

— Лисанька, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Станет царь из-за одного тебя беспокоиться. Собирайтесь вы — сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привел их к лисице, и лиса повела их к царю.

Пришли к царю, лиса забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: «Богатый человек Кузьма!»

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить еще одну курочку с масличком — пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга.

Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидал лису и говорит:

— Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду...

Медведь стал просить:

— Лиса, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок черных медведей — поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок черных медведей, привел их к лисе, и лисица привела их к царю. Сама забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!»

А лисица опять прибежала к Кузьме. И велела зажарить курочку с петушком, с масличком — пожирнее. Скушала на здоровье — и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с куницею:

— Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду...

Соболь и куница стали упрашивать лису:

— Кумушка, своди нас к царю. Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:

— Соберите сорок сороков соболей да куниц — поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама забежала вперед:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может надивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запереть накрепко.

«Вот, думает, беда, какой богач Кузьма!»

На другой день лисица опять прибегает к царю:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами—мерять серебряные деньги. Свои-то ведра у него золотом заняты.

Царь без отказу дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерять ведрами песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю. Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит — денег много у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготовиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперед забежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик — он вместе с ним и рушился в воду.

Лисица стала кричать:

— Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услыхал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

— Ахти! Надо Кузьме одёжу дать — какую получше.

Царь дал Кузьме свою одёжу праздничную.

Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить — все готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живет у царя неделю, живет другую.

— Ну,— говорит царь,— поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперед. Видит — пастухи стерегут стадо овец,— она их спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньица: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех и с овцами-то сожгут и спалят!

Пастухи видят, что дело неминучее, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила.

А лиса пустилась вперед. Видит — другие пастухи стерегут коров.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что стадо это Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньица: они вас всех с коровами сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам сказывать, что этот табун Кузьмы Скоробогатого.

— А то едут царь Огонь да царица Молоньица: они всех вас с конями сожрут и спалят!

И эти пастухи согласились.

Лиса бежит вперед. Прибегает к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты:

— Здравствуй, Змей Горыныч!

— Что скажешь, лисанька?

— Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наскоро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньица, все жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать — пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохлась.

Змей Горыныч закручинился:

— Ах, лисанька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоем саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги, схоронись в дупле, пока царь Огонь с царицей Молоньицей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царем да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

— Пастушки, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

— Пастушки, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя коров!

Едут они дальше; пастухи лошадей пасут.

— Чей табун?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти браные...

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю.

Лиса и говорит Кузьме:

— Ну, Кузьма! Перестань гулять — надо дело исправлять. Ступай с царем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошел с царем в зеленый сад. Увидели они старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла.

Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисаньку всякий день угощать курочкой.

ВОЙНА ГРИБОВ

В старые-стародавние времена царь Горох воевал с грибами.

Гриб-боровик, над грибами полковник,— под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать:

— Приходите вы, белянки, ко мне на войну!

Отказалися белянки:

— Мы — столбовые дворянки! Не пойдем на войну!

— Приходите, рыжики, ко мне на войну!

Отказались рыжики:

— Мы — богаты мужики! Не пойдем на войну!

— Приходите вы, волнушки, ко мне на войну!

Отказалися волнушки:

— Мы, волнушки,—старушки! Не пойдем на войну!

— Приходите вы, опёнки, ко мне на войну!

Отказалися опёнки:

— У нас ноги очень тонки! Не пойдем на войну.

— Приходите, грузди, ко мне на войну!

— Мы, грузди,— ребятушки дружны! Пойдем на войну!

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька,— говорила мать,— мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью,— братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здра́вствуй, дѐвица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

— Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листами.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устьице [1].

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

---

[1] Устьице — устье, наружное отверстие в русской печи.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил старик со старухою. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку.

Вдруг услышала — кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

— Ты кто таков?

— Я твой сынок, народился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался.

Вот он раз и говорит:

— Где мой батюшка?

— Поехал на пашню.

— Я к нему пойду, помогать стану.

— Ступай, дитятко.

Пришел он на пашню:

— Здравствуй, батюшка!

Осмотрелся старик кругом:

— Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?

— Я — твой сынок. Пришел тебе помогать пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

— Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось — не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет [1], а человека нет!

— Этого еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

— Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

— Продай мне его!

— Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

— Продай, дедушка!

— Ну, давай тысячу рублей.

— Что так дорого?

— Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой.

А Мальчик с пальчик прогрыз дыру в кармане и ушел от барина.

Шел, шел, и пристигла его темная ночь.

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадется овцу унести — Мальчик с пальчик и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснется, бросится бежать на волка с дубиною да еще притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдет серый волк!

Совсем волк отощал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

— Вылези!

---

[1] Орет — пашет.

— Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу.

Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

— Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват — и давай бить волка. Тут его и порешили [1], сняли кожу да сынку тулуп сделали.

---

[1] Порешили — убили.

МОРОЗКО

Живало-бывало,— жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь что ни сделает — за все гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези ее, старик,— говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

— Тепло ли тебе, де́вица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места,— под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка — все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, де́вица?

А она ему:

— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

— Тепло ли тебе, де́вица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — все свое:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.

ЧИВЫ, ЧИВЫ, ЧИВЫЧОК...

Жил-был старик со старухой. Жили они бедно и дошли до того — не стало у них ни дров, ни лучины.

Старуха посылает старика:

— Поезжай в лес, наруби дров.

Старик собрался. Приехал в лес, выбрал дерево — и тяп-тяп по нему топором.

Вдруг из дерева выскакивает птичка и спрашивает:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот старухе надобно дров да лучины.

— Поди домой, у тебя много и дров и лучины.

Послушался старик — не стал рубить дерево. Приезжает домой — у него полон двор и дров и лучины. Рассказал он старухе про птичку, а старуха ему говорит:

— У нас изба-то худа — поди-ка, старик, опять в лес, не поправит ли птичка нашу избу.

Старик послушался. Приезжает в лес, нашел это дерево, взял топор и давай рубить.

Опять выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, птичка, у меня больно изба-то плоха, не поправишь ли ты?

— Иди домой, у тебя изба новая, всего вдоволь.

Воротился старик домой и не узнает: стоит на его дворе изба новая, словно чаша полная, хлеба — вдоволь, а коров, лошадей, овец и не пересчитаешь.

Пожили они некоторое время, приелось старухе богатое житье, говорит она старику:

— У нас всего довольно, да мы крестьяне, нас ни-

кто не уважает. Поди-ка, старик, попроси птичку — не сделает ли она тебя чиновником, а меня — чиновницей.

Старик взял топор. Приезжает в лес, нашел это дерево и начинает рубить. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, родима птичка, нельзя ли меня сделать чиновником, а мою старуху — чиновницей?

— Иди домой, будешь ты чиновником, а старуха твоя — чиновницей.

Воротился он домой. Едет по деревне — все шапки снимают, все его боятся. Двор полон слуг, старуха его разодета, как барыня.

Пожили они небольшое время, захотелось старухе большего.

— Велико ли дело — чиновник! Царь захочет — и тебя и меня под арест посадит. Поди, старик, к птичке, попроси — не сделает ли тебя царем, а меня — царицей.

Делать нечего. Старик опять взял топор, поехал в лес и начинает рубить это дерево. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот чего, матушка родима птичка: не сделаешь ли ты меня царем, а старуху мою — царицей?

— Ступай домой, будешь ты царем, старуха твоя — царицей.

Приезжает он домой, а за ним уж послы приехали: царь-де помер, тебя на его место выбрали.

Не много пришлось старику со старухой поцарствовать — показалось старухе мало быть царицей:

— Велико ли дело — царь! Бог захочет — смерть пошлет, и зароют тебя в сырую землю. Ступай, старик, к птичке да проси — не сделает ли она нас богами...

Взял старик топор, пошел к дереву и хочет рубить его под корень. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Сделай милость, птичка, сотвори меня богом.

— Ладно, ступай домой — будешь ты быком, а старуха твоя — свиньей.

Старик тут же обратился быком. Приходит домой и видит — стала его старуха свиньей.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка́!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка́.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

«По щучьему веленью,
По моему хотенью».

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Ступайте, ведра, сами домой..,

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дерева, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого на̀большего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что́ любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят,— тогда он все сделает, что ни попросишь.

На́больший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить,— пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

На́больший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять на́большему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

Стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

Книга вторая

ПРИСКАЗКА

На море, на океане, на острове Буяне стоит древо — золотые маковки. По этому древу ходит кот Баюн: вверх идет — песню заводит, вниз идет — сказки сказывает.

Это еще не сказка, а присказка, а сказка вся впереди. Будет сказка сказываться с утра после обеда, поевши мягкого хлеба.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок, по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, думает, стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь.

Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей!

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пропихался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок,. десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест — не наест и пьет — не запьет: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выспрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней ду-

маю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, думает, хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень[1] в рваном кафтанишке:

— О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот

---

[1] Кабацкая теребень — постоянный посетитель кабака.

свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень— и бегом к царю:

— Так и так,— можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем.

Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что не весел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится, Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житье-бытье.

— Ах, Андрей-стрелок,— отвечает царь,— плохое мое житье на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец.

Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — Марья-царевна говорит.— Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон — кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот Баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — пришел Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом, изломал железный, принялся угощать медным — и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю.

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай,— говорит,— к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, не весел! Или еще невзгода какая?

— Эх,— говорит,— через твою красу все напасти несу! Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба так служба! Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные,— вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете,— не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине,— сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царев-

на махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку[1].

— Брось клубок перед собой,— куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится, Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется; стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге... Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

---

[1] Ширинка — полотенце.

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом — он ест, она выспрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика [1], полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

---

[1] **Голик** — березовый веник без листьев, голый.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась —сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало,— ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх,— говорит,— до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки — не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидали остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят.— Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якори, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревах птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись явился накрытый стол, на нем — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай,— говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тяпать: тяп да ляп — вышел корабль; тяп да ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, думает, где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг откуда ни возьмись прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом — зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любуются. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тяп да ляп — стоит на море корабль, опять тяп да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тяпнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску—останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир, и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что за тридевять земль, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовет на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребятушки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут бо́льший стал хорониться за середнего, а середний за меньшо́го, а от меньшого ответу нет.

Выходит царевич Федор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Федор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился

Федор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Федор-царевич: «Давай поеду — где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Федор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли,— царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бо́льший хоронится за середнего, а середний за меньшо́го, а от меньшого ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь—себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откушать хлеба-соли и лечь опочивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого....

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Федор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, — в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за середнего, середний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать еще моих братьецев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идет, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

— Здравствуй, дитятко, Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неузданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до росстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять,— куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть,— не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти,— эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет. Шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу,— говорит,— русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собра-

ла. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей середней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это баба-яга — еще старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постелю уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до закату. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет,

еще старее той. Поглядела — конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к середней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница,— сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены — и бей коня по бокам плетью нахлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на ее доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока,

а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самою увидать, сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят — по одну сторону шесть polениц[1]— девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьет коня плетью нехлестанной.

— Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперед погнал... Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

---

[1] Поленица — богатырка.

Доезжает Иван-царевич до середней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печет, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон [1]. Конь ее с горки на горку поскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копья-сабли исщербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

[1] Сугон — погоня.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь. Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается,— доезжает Иван-царевич до росстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:
— Кто там живой?
А из ямы отвечают:
— Федор-царевич да Василий-царевич.
Он их из ямы вынул — они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.
Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:
— Покараульте моего коня, а я лягу отдохну.
Лег он на шелковую траву и богатырским сном заснул. А Федор-царевич и говорит Василию-царевичу.
— Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти...
Василий-царевич отвечает:
— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.
Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.
Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьет их погода.
Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.
Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:
— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?
— Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.
Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:
— Для чего ты сюда попал, милый человек?
— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.
— Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куска вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнает, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказы-

вается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь, — все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Федора-царевича. Идет Федор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает середнего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унес.

А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдете — все царство потопчу, пожгу.

Царь еще пуще испугался, посылает за Федором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке, и с ним идет голь

кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идет с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одёжу на нем сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Федору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в ее девичье царство.

Тут и сказке конец.

ИВАН — КОРОВИЙ СЫН

В некотором царстве жил царь с царицей, и не было у них детей. Сколько ни горевали, сколько знахарей ни звали — нет и нет у них детей.

Раз приходит к ним бабушка-задворенка.

— Пустите,— говорит,— невода в море, выловится рыбка — золотое перо. Сварите ее в семи водах, пусть царица поест, тогда и понесет.

Царь велел сплести невода, спустить в море, выловить рыбку — золотое перо. Рыбаки опустили невода в синее море — в первый раз ничего не попалось; опустили в другой раз — опять ничего не попалось; опустили в третий и выловили рыбку — золотое перо.

Взяли ее и принесли к царю. Он наградил рыбаков и приказал рыбку отнести в поварню, сварить в семи водах и подать царице. Повара рыбку вычистили, вымыли, сварили, а помои на двор выплеснули. Проходила мимо корова, помои полизала. Девка-чернавка положила рыбку на блюдо — отнести царице — да дорогой оторвала золотое перышко и попробовала. А царица рыбку съела.

И все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и царица. И разрешились они в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у девки-чернавки Иван — девкин сын; и корова родила человека, назвали его Иван — коровий сын.

Ребята уродились в одно лицо, голос в голос, волос в волос. Растут они не по дням, а по часам; как тесто на опаре поднимается, так и они растут.

Долго ли, коротко ли, стало им годков по десяти. Стали они с ребятами гулять, шутить шутки нехорошие. Какого парня возьмут за руку— рука прочь, возьмут за голову — голова прочь. Стал добрый народ на них жаловаться.

Вот Иван — коровий сын и говорит братьям:

— Чем нам у батюшки-царя жить, народ смущать, поедем лучше в чужие края.

Иван-царевич, Иван — девкин сын и Иван — коровий сын пришли к царю и просят, чтобы велел он сковать им три железные палицы и дал бы им благословеньице — ехать в чужие края, искать себе поединщиков.

Царь приказал сковать три железные палицы. Кузнецы неделю ковали, сделали три палицы; никто их за один конец приподнять не может, а Иван-царевич, Иван — девкин сын и Иван — коровий сын их между пальцами поворачивают, словно перо гусиное.

Вышли братья на широкий двор.

— Ну, братаны,— говорит Иван-царевич,— давайте силу пробовать, кому быть на́большим. Кто выше палицу забросит, тот и больший брат.

— Ладно, бросай ты первый.

Иван-царевич бросил, улетела палица высоко, едва видать, через час только назад упала. После него бросил Иван — девкин сын, улетела палица еще выше, совсем не видать, через два часа назад упала. А Иван — коровий сын стал бросать палицу, улетела она за облако, назад упала через три часа.

— Ну, Иван — коровий сын, быть тебе бо́льшим братом.

Оседлали братья коней, попросили у батюшки благословеньице и поехали в чистое поле — куда глаза глядят.

Ехали они по горам, по долам, по зеленым лугам, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается,— подъезжают они к реке Смородине. Через реку стоит калиновый мост, по берегам кости человеческие валяются, по колено будет навалено.

Увидали братья избушку, вошли в нее — пустехонька, и вздумали тут остановиться. Коней расседлали, сами поели, попили. Пришло дело к вечеру, Иван — коровий сын говорит братьям:

— Давайте каждую ночь поочередно ходить в дозор, не будет ли кто проезжать по этому мосту.

Бросили жребий: в первую ночь досталось идти в дозор Ивану-царевичу, во вторую ночь Ивану — девкину сыну, в третью Ивану — коровьему сыну.

Иван-царевич обулся, оделся и пошел в дозор на реку Смородину, на калиновый мост. Походил, походил, да и заснул. А Ивану — коровьему сыну в избушке не спится, в головах подушечка вертится. Встал он, обулся, оделся, взял палицу и пошел на мост. А там Иван-царевич спит. Взял его Иван — коровий сын под плечи и снес под мост, а сам стал караулить.

Вдруг на реке вóды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей шестиглавый; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт [1] ощетинился.

Говорит им чудо-юдо:

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ощетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга.

— Врешь! Нет мне во всем свете ни спорщика, ни наговорщика, есть один только Иван — коровий сын. Так его костей сюда и ворон не занашивал, не только ему самому быть.

Тут Иван — коровий сын выскочил из-под моста:

— Я здесь!

Чудо-юдо его спрашивает:

— Зачем приехал, Иван — коровий сын? Сватать моих сестер али дочерей?

— Ох ты, чудо-юдо змей шестиглавый, в поле съезжаться — родней не считаться. Давай поспорим!

Вот они сошлись, поравнялись, жестоко ударились. Чуду-юду не посчастливилось: Иван — коровий сын с одного размаху снес ему три головы.

---

[1] Хорт — борзая собака.

— Стой, Иван — коровий сын, дай мне роздыху.

— Нет тебе роздыху, чудо-юдо! По-нашему: бей да руби, себя не береги.

Тут они снова сошлись. Чудо-юдо ударил, вогнал Ивана — коровьего сына по колена в сырую землю, а Иван — коровий сын ударил, снес ему остальные три головы; туловище разрубил и в речку побросал, а шесть голов сложил под калиновый мост. Сам вернулся в избушку и лег спать.

Поутру возвращается Иван-царевич.

— Что, брат, не видал ли: кто ходил, кто ездил по калиновому мосту? — спрашивают братья.

— Никто, братцы, не ходил, не ездил. Мимо меня и муха не пролетывала.

На другую ночь пошел в дозор Иван — девкин сын. Походил, походил, забрался в кусты и заснул.

А Ивану — коровьему сыну не спится, в головах подушечка вертится. Как пошло время за полночь, он обулся, оделся, взял палицу, вышел и стал под калиновый мост.

На реке во́ды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей девятиглавый. У коня дым из ушей валит, из ноздрей пламя пышет.

Вдруг конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился.

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ощетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга. Не Иван ли здесь — коровий сын?

— Его костей сюда и ворон не занашивал, не только ему самому быть.

Тут Иван — коровий сын выскочил из-под моста:

— Врешь ты! Я здесь.

Чудо-юдо говорит ему:

— Зачем приехал? Сватать моих сестер али дочерей?

— Ох ты, чудо-юдо девятиглавое, в поле съезжаться — родней не считаться. Давай биться!

Вот они сошлись, поравнялись, жестоко ударились, кругом земля простонала. Иван — коровий сын размахнулся палицей — три головы чуду-юду, как кочки, снес;

в другой раз размахнулся — еще три головы снес. А чудо-юдо ударил — по пояс вогнал его в сырую землю.

Иван — коровий сын захватил земли горсть и бросил ему в очи. Чудо-юдо схватился протирать глазища, Иван — коровий сын сбил ему остальные головы, туловище рассек на части, покидал в реку Смородину, а девять голов сложил под калиновый мост. Сам пошел в избушку и лег спать.

Наутро возвращается Иван — девкин сын.

— Что, брат, не видал ли: кто ходил, кто ездил по калиновому мосту?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетывала и комар не пропискивал.

Иван — коровий сын повел братьев под калиновый мост, показал змеевы головы и давай стыдить:

— Эх вы, богатыри! Где вам воевать — вам дома на печи лежать!

На третью ночь собирается Иван — коровий сын идти на дозор. Воткнул он нож в стену, повесил на него белое полотенце, а под ним на полу миску поставил.

— Я на страшный бой иду. А вы, братья, всю ночь не спите, присматривайте, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полная миска набежит — все ничего, а если через край польется — тогда спешите мне на помощь.

Вот стоит Иван — коровий сын под калиновым мостом; пошло время за полночь. На реке вóды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей двенадцатиглавый. У коня его дым из ушей валит, из ноздрей пламя пышет, из-под копыт ископоть по копне летит.

Вдруг конь под ним споткнулся, на плече ворон встрепенулся, позади хорт ощетинился.

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ощетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга: здесь Иван — коровий сын.

— Врешь! Его костей сюда и ворон не занашивал.

— Ах ты, чудо-юдо двенадцатиглавое! — Иван — коровий сын отозвался, из-под моста выскочил.— Ворон моих костей не занашивал, я сам здесь погуливаю.

— Зачем пришел?

— Пришел на тебя, нечистая сила, поглядеть, твоей крепости испробовать.

— Так ты моих братьев убил? И меня думаешь победить? Я дуну только — от тебя и праху не останется.

— Я пришел с тобой не сказки сказывать, давай биться насмерть!

Иван — коровий сын размахнулся палицей, сбил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним огненным пальцем — головы приросли, будто и с плеч не падали. Да в свой черед ударил Ивана — коровьего сына и вбил его по колена в сырую землю.

Тут ему плохо пришлось.

— Стой, нечистая сила, дай мне роздыху!

Чудо-юдо дал ему роздыху. Иван — коровий сын снял правую рукавицу и кинул в избушку. Рукавица двери-окна вышибла, а братья его спят, ничего не слышат.

Иван — коровий сын размахнулся в другой раз, сильнее прежнего, снес чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах; ударил в свой черед и вбил Ивана — коровьего сына по пояс в сырую землю.

— Стой, нечистая сила, дай мне роздыху!

Иван — коровий сын снял левую рукавицу, кинул — рукавица крышу у избушки снесла, а братья все спят, ничего не слышат.

Размахнулся он палицей в третий раз, еще сильнее того, и сбил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли; а Ивана — коровьего сына вбил на этот раз по плечи в сырую землю.

— Стой, нечистая сила, дай мне третий раз роздыху!

Снял Иван — коровий сын шапку и кинул в избушку; от того удара избушка развалилась, вся по бревнам раскатилась.

Тут братья проснулись, глянули — все полотенце в крови, из миски кровь через край льется.

Испугались они, палицы взяли, поспешили на помочь старшему брату. А он тем временем приловчился

и отсек чуду-юду огненный палец. Да вместе с братьями давай сбивать ему головы... Бились они день до вечера и одолели чудо-юдо змея двенадцатиглавого, посшибали ему головы все до единой, туловище на части разрубили, побросали в реку Смородину.

Утром ранешенько братья оседлали коней и поехали в путь-дорогу. Вдруг Иван — коровий сын говорит:

— Стой, рукавицы забыл! Поезжайте, братья, шажком, я вас скоро догоню.

Он отъехал от них, слез с коня, пустил его в зеленые луга, сам обернулся воробушком и полетел через калиновый мост, через реку Смородину к белокаменным палатам; сел у открытого окошка и слушает.

А в палатах белокаменных сидела старая змеиха и три ее снохи, чудо-юдовы жены, и говорили между собой, как бы им злодея Ивана — коровьего сына с братьями погубить.

— Я напущу на них голод,— младшая сноха говорит,— а сама обернусь яблоней с наливными яблоками. Они съедят по яблочку — их на части разорвет.

Средняя сноха говорит:

— Я напущу на них жажду, сама обернусь колодцем,— пусть попробуют из меня выпить.

А старшая сноха:

— Я напущу на них сон, сама перекинусь мягкой постелью. Кто на меня ляжет — огнем сгорит.

А старая змеиха, чудо-юдова мать, говорит:

— Я обернусь свиньей, разину пасть от земли до неба, всех троих сожру.

Иван — коровий сын выслушал эти речи, полетел назад в зеленые луга, ударился об землю и стал по-прежнему добрым молодцем. Догнал братьев, и едут они дальше путем-дорогой. Ехали долго ли, коротко ли, стал их мучить голод, а есть нечего. Глядят, у дороги стоит яблоня, на ветвях — наливные яблоки. Иван-царевич и Иван — девкин сын пустились было яблоки рвать, а Иван — коровий сын вперед их заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест, из нее только кровь брызжет.

— Видите, братья, какая это яблоня!

Едут они дальше по степям, по лугам, а день все

жарче, терпения нет. Стала их мучить жажда. Вдруг видят — колодец, холодный ключ. Младшие братья кинулись к нему, а Иван — коровий сын вперед их соскочил с коня и давай этот колодец рубить, только кровь брызжет.

— Видите, братья, какой это колодец!

Вдруг день затуманился, жара спала, и пить не хочется. Поехали они дальше путем-дорогой. Настигает их темная ночь, стал их одолевать сон — мочи нет. Видят они — избенка, свет в окошке; в избенке стоит тесовая кровать, пуховая постель.

— Иван — коровий сын, давай здесь заночуем.

Он выскочил вперед братьев и давай рубить кровать вдоль и поперек, только кровь брызжет.

— Видели, братья, какая это пуховая постель!

Тут у них и сон прошел.

Едут они дальше путем-дорогой и слышат — за ними погоня: летит старая змеиха, разинула рот от земли до неба. Иван — коровий сын видит, что им коротко́ приходится. Как спастись? И бросил он ей в пасть три пуда соли. Змеиха сожрала, пить захотела и побежала к синему морю.

Покуда она пила, братья далеко уехали; змеиха напилась и опять кинулась за ними. Они припустили коней и наезжают в лесу на кузницу. Иван — коровий сын с братьями зашел туда.

— Кузнецы, кузнецы, скуйте двенадцать прутьев железных да накалите клещи докрасна. Прибежит большая свинья и скажет: «Отдайте виноватого». А вы ей говорите: «Пролижи языком двенадцать железных дверей да бери сама».

Вдруг прибегает старая змеиха, обернулась большой свиньей и кричит:

— Кузнецы, кузнецы, отдайте виноватого!

Кузнецы ей ответили, как научил их Иван — коровий сын:

— Пролижи языком двенадцать железных дверей да бери сама.

Змеиха начала лизать железные двери, пролизала все двенадцать дверей, язык просунула. Иван — коровий сын ухватил ее калеными щипцами за язык, а братья

начали бить ее железными прутьями, пробили шкуру до костей. Убили змеиху, сожгли и пепел по ветру развеяли.

И поехали Иван — коровий сын, Иван — девкин сын и Иван-царевич домой.

Стали жить да поживать, гулять да пировать. На том пиру и я был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. Тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока. Я не пил, не ел, вздумал упираться, стали со мной драться. Я надел колпак, стали в шею толкать...

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить, и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечеру, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть

боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, думает, взялся — делать нечего».

И пошел пеший. Шел, шел, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит. Откуда ни возьмись бежит к нему серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну, да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, прости, серый волк.

— То-то прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь, со страху, где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили ее:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уж во́роны летают. Откуда ни возьмись прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк спрыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал,— говорит серый волк.— Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

— Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтрему рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от бóльших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

— Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную златом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хи́тра[1]...

Царь опять позвал сыновей:

— Пускай ваши жены испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтрему испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките, мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от бо́льших сыновей. Их жены-то поспускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

---

[1] Хи́тра — колдунья.

И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой не весел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услыхал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрёсся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звезды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены бóльших-то царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушечью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич

нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга.— Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю,— говорит ему баба-яга,— твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц

сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся, как ударит ее — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошел в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

СИВКА-БУРКА

Жил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тароваты и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе — любил в лес ходить по грибы, а дома все больше на печи сидел.

Пришло время старику умирать, вот он и наказывает сыновьям:

— Когда помру, вы три ночи подряд ходите ко мне на могилу, приносите мне хлеба.

Старика этого схоронили. Приходит ночь, надо большому брату идти на могилу, а ему не то лень, не то боится,— он и говорит младшему брату:

— Ваня, замени меня в эту ночь, сходи к отцу на могилу. Я тебе пряник куплю.

Иван согласился, взял хлеба, пошел к отцу на могилу. Сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднимается из могилы и говорит:

— Кто тут? Ты ли, мой бо́льший сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван направился домой, дорогой набрал грибов. Приходит — старший сын его спрашивает:

— Видел отца?

— Видел.

— Ел он хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

Настала вторая ночь. Надо идти среднему брату, а ему не то лень, не то боится,— он и говорит:

— Ваня, сходи за меня к отцу. Я тебе лапти сплету.

— Ладно.

Взял Иван хлеба, пошел к отцу на могилу, сел, дожидается. В полночь зѐмля расступилась, отец поднялся и спрашивает:

— Кто тут? Ты ли, мой середний сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или мое чадо плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Средний брат его спрашивает:

— Отец ел хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

На третью ночь настала очередь идти Ивану. Он говорит братьям:

— Я две ночи ходил. Ступайте теперь вы к отцу на могилу, а я отдохну.

Братья ему отвечают:

— Что ты, Ваня, тебе стало там знакомо, иди лучше ты.

— Ну ладно.

Иван взял хлеба, пошел. В полночь земля расступается, отец поднялся из могилы:

— Кто тут? Ты ли, мой младший сын Ваня? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

— Здесь твой сын Ваня. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и говорит ему:

— Один ты исполнил мой наказ, не побоялся три ночи ходить ко мне на могилу. Выдь в чистое поле и крикни: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец. Садись на коня и поезжай.

Иван взял узду, поблагодарил отца и пошел домой, доро́гой опять набрал грибов. Дома братья его спрашивают:

— Видел отца?

— Видел.

— Ел он хлеб?

— Отец наелся досыта и больше не велел приходить.

В это время царь кликнул клич: всем добрым молодцам, холостым, неженатым, съезжаться на царский двор. Дочь его, Несравненная Красота, велела построить себе терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах. В этом тереме она сядет на самый верх и будет ждать, кто бы с одного лошадиного скока доскочил до нее и поцеловал в губы. За такого наездника, какого бы роду он ни был, царь отдаст в жены свою дочь, Несравненную Красоту, и полцарства в придачу.

Услышали об этом Ивановы братья и говорят между собой:

— Давай попытаем счастья.

Вот они добрых коней овсом накормили, выводили, сами оделись чисто, кудри расчесали. А Иван сидит на печи за трубой и говорит им:

— Братья, возьмите меня с собой счастья попытать!

— Дурак, запечина! Ступай лучше в лес за грибами, нечего людей смешить.

Братья сели на добрых коней, шапки заломили, свистнули, гикнули — только пыль столбом. А Иван взял узду и пошел в чистое поле. Вышел в чистое поле и крикнул, как отец его учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Стал как вкопанный и спрашивает:

— Чего велишь?

Иван коня погладил, взнуздал, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел на коня и поехал на царский двор. Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застилает, пни-колоды промеж ног пускает.

Приезжает Иван на царский двор, а там народу видимо-невидимо. В высоком тереме о двенадцати столбах, о двенадцати венцах на самом верху в окошке сидит царевна Несравненная Красота.

Царь вышел на крыльцо и говорит:

— Кто из вас, молодцы, с разлету на коне доскочит до окошка да поцелует мою дочь в губы, за того отдам ее замуж и полцарства в придачу.

Тогда добрые молодцы начали скакать. Куда там — высоко, не достать! Попытались Ивановы братья, до середины не доскочили. Дошла очередь до Ивана.

Он разогнал Сивку-бурку, гикнул, ахнул, скакнул — двух венцов только не достал. Взвился опять, разлетелся в другой раз — одного венца не достал. Еще завертелся, закружился, разгорячил коня и дал рыскача́ — как огонь, пролетел мимо окошка, поцеловал царевну Несравненную Красоту в сахарные уста, а царевна ударила его кольцом в лоб, приложила печать.

Тут весь народ закричал:

— Держи, держи его!

А его и след простыл.

Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком. Коня пустил, а сам пошел домой, по дороге набрал грибов. Обвязал лоб тряпицей, залез на печь и полеживает.

Приезжают его братья, рассказывают, где были и что видели.

— Были хороши молодцы, а один лучше всех — с разлету на коне царевну в уста поцеловал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Иван сидит за трубой и говорит:

— Да не я ли это был?

Братья на него рассердились:

— Дурак — дурацкое и орет! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Иван потихоньку развязал тряпицу на лбу, где его царевна кольцом ударила,— избу огнем осветило. Братья испугались, закричали:

— Что ты, дурак, делаешь? Избу сожжешь!

На другой день царь зовет к себе на пир всех бояр

и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых.

Ивановы братья стали собираться к царю на пир. Иван им говорит:

— Возьмите меня с собой!

— Куда тебе, дураку, людей смешить! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Братья сели на добрых коней и поехали, а Иван пошел пешком. Приходит к царю на пир и сел в дальний угол. Царевна Несравненная Красота начала гостей обходить. Подносит чашу с медом и смотрит, у кого на лбу печать.

Обошла она всех гостей, подходит к Ивану, и у самой сердце так и защемило. Взглянула на него — он весь в саже, волосы дыбом.

Царевна Несравненная Красота стала его спрашивать:

— Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?

— Ушибся.

Царевна ему лоб развязала — вдруг свет по всему дворцу. Она и вскрикнула:

— Это моя печать! Вот где мой суженый!

Царь подходит и говорит:

— Какой это суженый! Он дурной, весь в саже.

Иван говорит царю:

— Дозволь мне умыться.

Царь дозволил. Иван вышел на двор и крикнул, как его отец учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Иван ему в правое ухо влез, из левого вылез и сделался опять таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Весь народ так и ахнул.

Разговоры тут были коротки: веселым пирком да за свадебку.

Русские народные сказки, не опубликованные при жизни писателя

ЛИСА ТОПИТ КУВШИН

Лисица пришла в деревню и попала в один дом, где никого не было. Лиса нашла там кувшин с маслом. Кувшин был с высоким горлышком,— как достать масло? Подошла лиса к нему и давай совать туда голову. Засунула в кувшин голову и лакомится маслом.

Вдруг приходит хозяйка, лисица бросилась вон вместе с кувшином, вытащить из него своей головы не может. Вот бежала, бежала, прибежала к реке и говорит:

— Кувшин, батюшка, пошутил да уж и будет, отпусти меня!..

Но кувшин все на голове. Лисица опять говорит:

— Вот застужу масло в проруби, да и разобью тебя.

Подошла она к проруби и сунула в нее голову с кувшином.

Кувшин был большой и тяжелый, быстро пошел на дно, а вместе с ним и лисица утонула.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ

Жили-были старик да старушка.

Старушка померла. Жалко старику старушку. Пошел он искать плачею. Идет, а навстречу ему медведь:

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, старушка померла.

— Возьми меня!

Старик спрашивает:

— Умеешь ли плакать?

Медведь и заревел:

— Ах ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко!

Старик говорит:

— Не умеешь, медведь, плакать, не надо, да и голос не хорош!

Пошел дальше. Шел-шел и повстречал волка.

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, по старушке плакать.

— Возьми меня!

— А плакать умеешь?

— Умею: у старика была старуха, он ее не любил!

— Нет, не умеешь ты плакать, не надо!

И пошел дальше. Шел-шел, а навстречу лиса бежит:

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, старушка померла.

— Возьми, дедушка, меня!

— Умеешь ли ты плакать?

Лиса и заплакала, запричитала:

— У ста-рич-ка бы-ла ста-руш-ка.
По-у-тру ра-но вста-ва-ла,
Боль-ше прост-ня [1] пря-ла.
Щи, ка-шу ва-ри-ла,
Ста-ри-ка кор-ми-ла!

— Хорошо,— говорит старик,— ты мастерица плакать!

Привел лису домой, посадил у старухи в ногах и заставил плакать, а сам пошел гроб строить.

Пока старик ходил да воротился, а в избе нет ни старухи, ни лисицы. Лисица давно убежала, а от старухи одни кости остались. Поплакал, поплакал старик и стал жить один.

---

[1] Количество пряжи, выпрядываемой на одно веретено.

СНЕГУРУШКА И ЛИСА

Жил да был старик со старухой. У них была внучка Снегурушка.

Пошла она летом с подружками по ягоды. Ходят по лесу, собирают ягоды. Деревцо за деревцо, кустик за кустик. И отстала Снегурушка от подруг.

Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слыхала. Уже стало темно, подружки пошли домой.

Снегурушка как увидела, что осталась одна, влезла на дерево и стала горько плакать да припевать:

Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!
У дедушки у бабушки
Была внучка Снегурушка;
Ее подружки в лес заманили,
Заманивши — покинули.

Идет медведь и спрашивает;

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведушка, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка. Меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Я тебя боюсь, ты меня съешь!

Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, запривала:

Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет волк:

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, серый волк, не плакать, меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Ты меня съешь!

Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала, запричитала:

Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет лисица:

— Чего ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, Лиса-олисава, не плакать? Меня подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу.

Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею. Прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку.

— Кто там?

Лиса отвечает:

— Я принесла вашу внучку Снегурушку!

— Ах ты, наша милая, дорогая Лиса-олисава! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить? Чем нам тебя угостить?

Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А потом простились и дали ей на дорогу еще курочку.

МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ

Жил-был старик. У него было три дочери.

Поехал он в лес дрова рубить и говорит:

— Вы, дочки, хлеба напеките, мне обед принесите!

— А где нам тебя найти, тятенька?

— Я поеду да буду на дорогу стружки кидать.

Вот едет старик, стружечки стружит и на дорогу кидает. А медведь стружки на свою тропу и перетаскал.

Дочери приготовили обед и посылают младшую сестру:

— Поди отнеси батюшке обед!

Взяла она обед, пошла. Идет, идет по стружечкам и к медведю в избу пришла.

— Здравствуй, красная девица! — говорит ей медведь.— Я тебя давно жду!

Отец вечером приехал из лесу и говорит:

— Что вы, дочки, мне обед не принесли?

— Мы младшую сестрицу послали, ушла и домой не воротилась.

На другой день отец опять поехал в лес дрова рубить:

— Дочки-умницы, в лес ко мне придите, обед принесите!

— Батюшка родной, обед-то мы принесем, да где там тебя найдем?

— Я поеду и буду на тропинку стружки кидать.

Едет старик, стружки стружит да на тропинку кидает. А медведь опять перетаскал стружки на свою тропу.

Понесла обед отцу средняя дочь и по стружкам пришла к медведю в избу.

— Здравствуй, красная девица,— говорит ей медведь,— я тебя давно жду.

Отец вечером приехал домой:

— Что же вы мне обед не принесли?

— Мы среднюю сестрицу послали, ушла и домой не воротилась.

На третий день отец поехал в лес. Едет, стружки на дорогу бросает. А медведь их на свою тропу перетаскивает.

Понесла обед отцу старшая дочь и по стружкам пришла к медведю в избу.

— Здравствуй, красная девица, я тебя давно ждал...

Вот живут все три сестры у медведя и не знают, как выйти, как домой вернуться.

Думали-думали, старшая сестра и говорит медведю:

— Мишенька, снеси тятеньке гостинцы! Я пирогов напеку.

Вышел медведь из избы, а она посадила младшую сестру в мешок и подает его медведю, а сама говорит:

— Смотри, Мишенька, не ешь дорогой пирогов, снеси все родителю.

Потащил медведь мешок. Нес, нес, устал, есть захотел и говорит:

Сесть было мне на пенечек,
Съесть было пирожочек!

А младшая сестра из мешка ему:

Не садись, Мишенька, на пенечек,
Не ешь пирожочек,
Неси батюшке,
Неси матушке.

— Эх! Как далеко видит! — говорит медведь и не стал отдыхать.

Подошел к деревне. Собаки встретили его и давай кусать. Медведь бросил мешок и бросился бежать.

На другой день старшая сестра посадила в корзину среднюю сестру и говорит:

— Мишенька, снеси в деревню батюшке с матушкой гостинцы!

Медведь унес и среднюю сестру.

На третий день опять просит медведя:

— Мишенька, снеси еще батюшке с матушкой гостинцы! Я корзину пирогов напекла.

Вышел медведь из избы, а она нарядила ступу в платье, сама села в корзину. Сидит.

Пришел медведь. Поднял корзину на плечи и понес.

Шел-шел, устал, есть захотел и говорит:

Сесть было мне на пенечек,
Съесть было пирожочек!

А она ему из корзины:

Вижу, вижу, Мишенька!
Не садись на пенечек,
Не ешь пирожочек.
Неси батюшке,
Неси матушке.

— Эх, как далеко видит! — рассердился медведь. Схватил корзину и потащил в деревню.

Кинулись на него у деревни собаки, стали лаять да кусать. Кинул медведь корзину и побежал в лес.

А старшая сестра вылезла из корзины и пришла домой. Обрадовались старики, что все дочери вернулись. И стали все жить-поживать и теперь живут.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

В старопрежние годы в некоем царстве мышь уговорилась с воробьем вместе в одной норе жить, в одну нору корм носить — про зиму в запас.

Вот и стал воробей воровать: благо есть куда прятать. Много натаскал в мышиную нору всякого зерна. Да и мышь не зевает: что ни найдет — туда же несет.

Знатный запас снарядили на глухое зимнее времечко. «Заживу теперь припеваючи»,— думает воробей, а он, сердечный, порядком-таки приустал на воровстве.

Пришла зима, а мышь воробья в нору не пускает, знай его гонит,— все перья на нем выщипала. Трудно стало воробью зиму маячить: и голодно и холодно.

— Постой же, мышь, я на тебя управу найду.— И пошел воробей к птичьему царю на мышь жаловаться: — Царь-государь, не вели казнить, вели слово вымолвить. Был у нас с мышью уговор, вместе в одной норе жить, про зиму корм запасать. А как пришла зима, не пускает меня мышь к себе, да еще в насмешку все перья мои повыдергала. Заступись за меня, царь-государь, чтобы не помереть мне с детишками напрасной смертью.

Отвечает птичий царь воробью:

— Ладно, я это дело разберу.

И полетел птичий царь к звериному царю, рассказал ему, как мышь над воробьем надругалась:

— Прикажи, любезный государь, твоей мыши моему воробью за бесчестье сполна заплатить.

Звериный царь говорит:

— Позвать ко мне мышь.

Мышь явилась, прикинулась такой смиренницей, такие лясы развела,— воробей стал кругом виноват:

— Никакого уговору у нас не было, а хотел воробей насилком в моей норе жить, а как стала его не пускать, он в драку полез, думала, что уж и смерть моя пришла.

Звериный царь говорит птичьему царю:

— Ну, любезный государь, мышь моя кругом чиста, воробей твой сам виноват.

— Коли так,— отвечает птичий царь звериному царю,— давай воевать, вели своему войску выходить в чистое поле, там у нас будет расчет.

— Хорошо, будем воевать.

На другой день чуть свет собралось в чистом поле войско звериное, собралось войско птичье. Начался страшный бой. Куда силен звериный народ! Кого ногтем, кого зубом цапнет — глядишь и дух вон. Да и птицы не поддаются,— завалили все поле трупами звериными.

В том бою ранили орла. Попытался было он подняться ввысь — только и смог, что взлетел на сосну и уселся на верхушке. Окончилась битва, звери разбрелись по берлогам, по норам, птицы разлетелись по гнездам, а он, горемычный, сидит на сосне, пригорюнился.

В ту пору по лесу шел мужик с ружьем. Видит — орел сидит. «Дай, думает, убью его». Только прицелился, вдуг орел говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, добрый человек, возьми-ка лучше к себе да корми меня три года,— соберусь с силами, я тебе добром заплачу.

Не поверил ему мужик,— какого добра ждать от орла? — и прицелился в другой раз... Опять орел просит его не губить... Прицелился мужик в третий раз, и в третий раз взмолился орел:

— Не бей меня, добрый человек, возьми лучше к себе, корми меня три года, я тебе добром заплачу.

Сжалился мужик над орлом, влез на сосну, взял орла, посадил к себе на руку и принес домой. Орел ему говорит:

— Возьми острый нож да ступай в чистое поле, там у нас был страшный бой, много набито всякого зверья, будет тебе пожива немалая.

Взял мужик острый нож, пошел в чистое поле, а там всякого зверья понабито — видимо-невидимо, одним куницам да лисицам счету нет. Мужик поснимал с них шкуры, свез шкуры в город и продал не дешево. На те деньги накупил хлеба, насыпал три больших закрома,— на три года хватит.

И стал он орла кормить. Прошел год. Один закром опустел. Орел и говорит мужику:

— Неси меня в поле на то место, где стоят высокие дубы.

Мужик принес его в поле к высоким дубам. Орел поднялся высоко и с разлету ударился грудью в одно дерево: дуб раскололся надвое.

— Нет,— говорит орел,— не собрался я с прежней силой, корми меня еще год.

Проходит еще один год. Велит орел нести его к высоким дубам. На этот раз взвился под самое облако, с разлету ударил в дерево грудью: раскололся дуб на мелкие части.

— Нет, не собрался я еще с прежней силою, корми меня третий год.

Вот, как прошло три года, опустело три закрома хлеба, орел велит опять нести его к высоким дубам. Взвился на этот раз выше облака да вихрем ударил сверху грудью в самый большой дуб,— расшиб его в щепы от верхушки до корня,— ажно лес кругом зашатался.

— Теперь вся моя старая сила со мной, спасибо тебе, добрый человек, что кормил меня три года. Садись ко мне на крылья, понесу тебя на свою сторону, расплачусь с тобой за добро.

Мужик сел ему на крылья, полетел орел по поднебесью к морю-океану, забрался высоко-высоко и спрашивает:

— Посмотри на синее море, велико ли?

— Да с колесо,— отвечает мужик.

Орел встрепенулся и сбросил его вниз, да не допустил до воды, подхватил на крылья, поднялся еще выше и спрашивает:

— Посмотри — велико ли синее море?

— Да с куриное яйцо.

Орел встрепенулся и сбросил мужика, и опять не допустил его до воды, подхватил на крылья и забрал на этот раз в самую высоту:

— Посмотри — велико ли синее море?

— С маковое зернышко.

В третий раз сбросил орел мужика в море, тот летел, летел до самой воды, и опять орел подхватил его на крылья и спрашивает:

— Что, добрый человек, спознал ты теперь — каков смертный страх?

А мужик-то чуть жив от страха.

— Спознал,— говорит...

— Таково-то и мне было сладко, когда ты в меня три раза из ружья целил.

Полетел орел с мужиком за море в тридевятое царство и тридевятое государство и говорит:

— Прилетим мы к моей старшей сестре. Станет она тебе давать много золота, серебра и каменья самоцветного, ты ничего не бери, проси только медный ларчик с медным ключиком.

Долго ли, коротко ли, прилетают они в медное царство. Выбегает к ним старшая сестра,— стала брата целовать, миловать, к сердцу прижимать.

— Чем тебя угощать, чем тебя потчевать, братец любезный?

— Не меня угощай, не меня потчуй,— отвечает ей орел,— угощай этого доброго человека,— он меня три года поил, кормил, от смерти выходил.

Орлова сестра мужика угостила, употчевала и повела в кладовые:

— Бери, чего душа хочет,— злато, серебро, каменье самоцветное...

Мужик ей отвечает:

— Не надо мне ничего, дай мне медный ларчик с медным ключиком.

Тут орлова сестра рассердилась:

— Не жирно ли тебе будет, этот ларчик для меня самой стоит дорого.

Орел не стал долго толковать с ней, посадил мужика

на крылья и полетел в серебряное царство к своей средней сестре. По дороге наказывал:

— Будет она тебе давать золото, серебро, каменья самоцветные, ты ничего не бери, а проси у нее серебряный ларчик с серебряным ключиком.

Ну и здесь, у средней сестры, случилось то же самое. Орел не стал долго толковать, полетел с мужиком в золотое царство к своей младшей сестре, по дороге наказывал:

— Проси у нее золотой ларчик с золотым ключиком.

Прилетают они в золотое царство, выбегает навстречу младшая сестра, стала брата встречать-целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать.

— Братец родимый, откуда ты взялся? Где три года пропадал, долго в гостях не бывал? Чем велишь себя угощать, чем потчевать?

— Не меня угощай, не меня потчуй, угощай этого доброго человека,— он меня три года поил, кормил, от смерти выходил.

Посадила она мужика за столы дубовые, за скатерти браные, угостила, употчевала и повела в кладовые,— дарит его златом, серебром, каменьями самоцветными:

— Бери, чего душа хочет.

Мужик ей говорит:

— Не надо мне ничего, дай мне золотой ларчик с золотым ключиком...

Орлова сестра ему отвечает:

— Ради брата родного мне ничего не жалко. Бери себе на счастье.— И подает ему золотой ларчик с золотым ключиком.

Вот мужик пожил, попировал в золотом царстве, пришло время расставаться.

— Прощай,— говорит ему орел,— не поминай лихом. Да смотри, не отмыкай ларчика, покуда домой не воротишься.

Пошел мужик домой. Долго ли, коротко ли, шел он, шел, приустал и захотелось ему отдохнуть. Сел на берегу синего моря, и взяло его раздумье:

«Зачем орел не велел открывать ларчика? А что, если в ларчике-то пусто? Бывало из-за чего хлопотать!»

Смотрел он, смотрел на золотой ларчик, крепился, крепился,— взял его и открыл.

Батюшки-светы! И полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны да табун лошадей; вышел оттуда широкий двор с хоромами, и амбарами, и сараями; зашумел зеленый сад; выскочили слуги многие: «Что угодно, что надобно?..»

Как увидел это мужик — и затужил, взгоревал, начал плакать, приговаривать:

— Что я наделал, зачем орла не послушал, как все это назад в ларчик соберу?

Вдруг видит он — вышел из синего моря старый человек, подходит к нему и спрашивает:

— Чего ты, мужик, горько плачешь?

— Как же мне не плакать! Кто мне будет собирать эдакое стадо великое да все добро в маленький ларчик?

Старый человек говорит ему:

— Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе всю скотину, все твое добро, но только с уговором: отдай мне то, чего дома не знаешь.

Задумался мужик: «Чего бы я дома не знал? Кажись, все знаю».

Подумал и согласился.

— Собери,— говорит,— все, отдам тебе — чего дома не знаю.

Старый человек собрал ему в ларчик всех быков и коров, овец да баранов, табун лошадей, широкий двор с хоромами, амбарами и сараями и слуг многих. Мужик взял ларчик и пошел восвояси.

Долго ли, коротко ли, приходит он домой,— встречает его жена:

— Здравствуй, свет, где был-пропадал?

— Ну, где был-пропадал,— там меня и нет теперь.

— А у нас радость, без тебя у нас сынок родился.

И несет жена ему младенца. Тут только спохватился мужик — чего обещал старому человеку, который из моря выходил. Крепко мужик приуныл и рассказал жене про все, что с ним было. Погоревали они, поплакали,— да не век же горевать? Пошел мужик на задний двор, открыл золотой ларчик и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны да табун лошадей; вышел широ-

кий двор с хоромами, амбарами, сараями да погребами; зашумел зеленый сад.

И стали мужик с женой жить-поживать, добра наживать да сына — Ванюшу — растить... Иван растет не по дням, по часам, словно тесто в опаре всходит; и вырос большой, умный, пригожий,— молодец молодцом.

Раз мужик пошел косить сено. Вдруг выходит из речки старый человек и говорит ему:

— Скоро же ты забывчив стал. Вспомни, ведь за тобой должок.

Воротился мужик домой, сидят они с женой и плачут. Иван спрашивает:

— Батюшка, матушка, о чем вы плачете?

— Как же нам не плакать,— смотрим на тебя, Ванюша,— не на счастье, а на беду ты зародился.

И тут мужик рассказал ему, какой у него со старым человеком был уговор.

Иван отвечает:

— Ну что же, обещанного назад не воротишь, значит моя судьба такая.

Попросил Иван у отца с матерью благословеньица и собрался в путь-дорогу.

Идет он дорогою, идет широкою, идет полями чистыми, лугами зелеными и приходит в дремучий лес. В лесу стоит избушка на курьей ножке об одном окошке. Иван думает: «Дай зайду»,— и зашел в избушку. А там сидит баба-яга, теребит кудель, увидала его и спрашивает:

— Что, добрый молодец, долю пытаешь или от дела лытаешь?

Иван ей отвечает:

— А ты, бабушка, сначала напои, накорми дорожного человека, а потом уж и спрашивай.

Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные, напоила, накормила, и он ей рассказал все без утайки,— куда и зачем идет.

— Счастье твое, дитятко,— говорит ему баба-яга,— что ты ко мне прежде зашел, а то не бывать бы тебе живому. Старый человек, кому ты обещан,— грозный морской царь, он на тебя давно сердит. Послушай меня,— иди на берег моря, прилетят туда двенадцать серых

утиц — дочери морского царя, ударятся об землю, обернутся красными девицами и станут купаться. Ты схвати сорочку у младшей царевны и не отдавай, покуда она за тебя замуж не согласится пойти. Тогда все будет хорошо.

Иван поблагодарил бабу-ягу и пошел, куда она ему сказала... Шел он дорогою, шел он широкою, шел полями чистыми, степями раздольными и приходит к синему морю. Сел за кустом и дожидается.

Прилетают двенадцать серых утиц, ударились о сырую землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной. Поскидали платья и стали купаться: играют, плещутся, песни поют.

Иван вспомнил, что наказывала ему баба-яга, подкрался и унес сорочку у самой младшей царевны [1]...

---

[1] Сказка автором не закончена. (*Прим. ред.*)

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Н. Толстой первоначально стал известен в литературе как поэт. Его первая книга стихов «Лирика», изданная в 1907 году, была, как об этом впоследствии говорил и сам автор, «... подражательная наивная книга...» В ней явно ощущается влияние поэтов-декадентов на молодого писателя.

Вслед за тем А. Толстым была выпущена в свет книга стихов «За синими реками» (изд-во «Гриф», 1911). Много лет спустя, характеризуя эту свою книгу, А. Н. Толстой писал: «...От нее я не отказываюсь и по сей день. «За синими реками» — это результат моего первого знакомства с русским фольклором, русским народным поэтическим творчеством».

Раздел первый этого сборника, включающий стихотворения: «Весенний дождь», «Купальские игрища», «Осеннее золото» и «Заморозки», назывался «Солнечные песни». Остальные четыре раздела общих заглавий не имели.

В дальнейшем, готовя издание сочинений («Книгоиздательство писателей в Москве», 1913), А. Н. Толстой включил в него сборник «За синими реками» (том IV), переработав многие стихотворения, но сохранив первоначальный порядок и состав. В этом издании стихотворения делятся на два цикла: «Солнечные песни» и «За синими реками». Спустя десять лет многие произведения автор подвергает вторичной переработке и печатает их в сборнике «Приворот» (Гиз, М. 1923). Не включенными в это издание оказались два стихотворения: «Заклятие смерти» и «Портрет гр. С. Т.».

Весь состав сборника «Приворот» (сказки и стихи), за исключением стихотворения «Москва», вошел в I том Собрания сочинений, Гиз, 1929, и в I том идентичного издания изд-ва «Недра». В этом

издании дополнительно напечатаны три стихотворения, опубликованные в свое время в журналах: «Егорий — волчий пастырь», «Кладовик» и «Кузница».

Стихотворения «Весенний дождь», «Купальские игрища», «Осеннее золото», «Заморозки», «Золото», «Сватовство», «Лешак», «Зори», «Додола», «Лесная дева», «Плач», «Обры», «Змеиный вал», «Ведьма-птица», «Мавка», «Фавн» и «Кот» впервые напечатаны в сборнике «За синими реками», изд-во «Гриф», 1911.

Первая публикация остальных стихотворений указывается в каждом отдельном случае.

Все стихотворения печатаются по тексту I тома Собрания сочинений, Гиз, 1929.

Солнечные песни

ПАСТУХ

Впервые напечатано в ежемесячном журнале стихов «Остров», 1909, № 1, вошло в книгу «За синими реками».

ПОЛДЕНЬ

Впервые под названием «Косари» напечатано в ежемесячнике искусства и литературы «Весы», изд-во «Скорпион», 1909, № 1. Под названием «Полдень» вошло в книгу «За синими реками». Переиздавалось под этим же названием.

ЗЕМЛЯ

Впервые напечатано в ежемесячном журнале стихов «Остров», 1909, № 1, вошло в книгу «За синими реками».

ТРАВА

Впервые напечатано в ежемесячном журнале стихов «Остров», 1909, № 1, с небольшими изменениями вошло в книгу «За синими реками».

ТАЛИСМАН

Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1909, № 3. С незначительными изменениями вошло в книгу «За синими реками».

САМАКАН

Впервые напечатано в ежемесячнике искусства и литературы «Весы», изд-во «Скорпион», 1909, № 1, вошло в книгу «За синими реками», изд-во «Гриф», 1911. Переиздавалось неоднократно.

ЛЕЛЬ

Впервые напечатано в журнале театра Литературно-художественного общества, 1909—1910, № 4. С некоторыми исправлениями вошло в книгу «За синими реками».

СЕМИК

Впервые напечатано в ежемесячнике искусства и литературы «Весы», изд-во «Скорпион», 1909, № 1, вошло в книгу «За синими реками».

За синими реками

СКОМОРОХИ

Впервые напечатано в литературном и общественно-политическом журнале «Образование», 1907, № 11. С незначительными изменениями вошло в книгу «За синими реками».

ЕГОРИЙ — ВОЛЧИЙ ПАСТЫРЬ

Впервые напечатано в литературном и общественно-политическом журнале «Образование», 1906, № 4.

ПРИВОРОТ

Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1909, книга III, вошло в книгу «За синими реками».

КЛАДОВИК

Первая публикация неизвестна. В дореволюционные собрания сочинений и в сборник «Приворот» не входило. Напечатано в Собрании сочинений, Гиз, 1929, т. I.

ХЛОЯ, ГРОЗА, ДАФНИС И МЕДВЕДИЦА, ДАФНИС ПОДСЛУШИВАЕТ СОВ, УТРО

Объединенные в цикле под названием «Хлоя», впервые опубликованы с подзаголовком «Весенние стихи» в журнале «Аполлон», 1909, № 2. С незначительными изменениями вошли в книгу «За синими реками».

КУЗНИЦА

Впервые напечатано в газете «Речь», 1909. 20 апреля. С некоторыми изменениями вошло в Собрание сочинений, Гиз, 1929, т. 1.

СКАЗКИ

Интерес писателя к народному поэтическому творчеству нашел свое выражение в ранний период его литературной работы, в создании сборника «Сорочьи сказки». По свидетельству А. Н. Толстого, это были «...первые опыты прозы...»

Отдельная книга «Сорочьи сказки», куда включено сорок одно произведение (из них известны ранние публикации в альманахах и журналах восьми сказок), вышла в издательстве «Общественная польза», СПб. 1910.

При переизданиях «Сорочьих сказок» автор не раз подвергал их переработке. Так, в большинство сказок, включенных в Собрание сочинений 1913 года, вышедшее в «Книгоиздательстве писателей в Москве», внесены исправления стилистического характера, а сказка «Мишка и леший» не включена в это издание.

При издании сборника сказок и стихов под общим заглавием книги «Приворот» (Гиз, 1923) сказки снова подвергнуты авторской правке и разделены на два цикла: «Русалочьи сказки» и «Сорочьи сказки». Семь произведений, входивших в Собрание сочинений 1913 года, в сборник «Приворот» не включены. В том же порядке, как они были расположены в сборнике «Приворот», с некоторыми незначительными изменениями, сказки вошли в I том Собрания сочинений А. Н. Толстого в 1929 году (изд-ва Гиз и «Недра»).

Сказки «Иван да Марья», «Ведьмак», «Водяной», «Кикимора», «Дикий кур», «Иван-царевич и Алая-Алица», «Соломенный жених», «Странник и змей», «Звериный царь», «Лиса», «Кот Васька», «Сова и кот», «Гусак», «Рачья свадьба», «Порточки», «Муравей», «Петуш-

ки», «Мерин», «Куриный бог», «Маша и мышка» впервые напечатаны в сборнике «Сорочьи сказки», изд-во «Общественная польза», СПб. 1910.

Первая публикация остальных сказок указывается в каждом отдельном случае.

Печатаются по тексту I тома Собрания сочинений, Гиз, 1929.

Русалочьи сказки

РУСАЛКА

Впервые напечатана под названием «Неугомонное сердце» в книге «Сорочьи сказки», 1910. С некоторыми изменениями неоднократно перепечатывалась под заглавием «Русалка». Эта сказка послужила сюжетной основой для рассказа «Терентий Генералов» (см. I т. наст. издания).

ПОЛЕВИК

Впервые напечатана в литературном альманахе «Колосья», изд. журнала «Театр и искусство», 1909. С незначительными изменениями вошла в книгу «Сорочьи сказки».

ХОЗЯИН

Впервые напечатана в «Новом журнале для всех», 1909, № 7. С небольшими изменениями вошла в книгу «Сорочьи сказки».

Сорочьи сказки

СОРОКА, МЫШКА

Впервые напечатана в детском журнале «Тропинка», 1909, № 15. Вошла в книгу «Сорочьи сказки».

КОЗЕЛ

Впервые напечатана в журнале «Сатирикон», 1909, № 16, с сокращениями и значительными исправлениями вошла в книгу «Сорочьи сказки».

ЕЖ

Впервые напечатана под названием «Еж-богатырь» в журнале «Тропинка», 1909, № 1, подписана: Мирза Тургень (псевдоним А. Н. Толстого), вошла в книгу «Сорочьи сказки».

ЗАЯЦ

Впервые напечатана в литературном альманахе «Колосья», книга I, изд. журнала «Театр и искусство», 1909. С некоторыми изменениями вошла в книгу «Сорочьи сказки».

МУДРЕЦ

Впервые напечатана в детском журнале «Тропинка», 1909, № 1, подписана: Мирза Тургень (псевдоним А. Н. Толстого), вошла в книгу «Сорочьи сказки».

ГРИВЫ

Впервые напечатана в детском журнале «Тропинка», 1909, № 18, вошла в сборник «Приворот», 1923.

ВЕРБЛЮД

Впервые напечатана в литературном сборнике в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине — «Италия», изд-во «Шиповник», 1909, вошла в книгу «Сорочьи сказки».

ГОРШОК

Впервые напечатана под названием «Маленький фельетон» в газете «Луч света», 1909, 22 января, вошла в книгу «Сорочьи сказки».

КАРТИНА

Впервые напечатана в литературном альманахе «Колосья», книга I, издание журнала «Театр и искусство», 1909. С незначительными изменениями вошла в книгу «Сорочьи сказки».

СИНИЦА

Впервые напечатана с подзаголовком «Сказка» и с посвящением «Наталье Толстой» в альманахе «Эпоха», книга I, М. 1918. С некоторыми изменениями перепечатывалась неоднократно.

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Печатаются по тексту первой и последней прижизненной публикации, за исключением рассказов «Фофка» и «Как ни в чем не бывало».

ПОЛКАН

Впервые напечатано в детском журнале «Тропинка», 1903, № 9.

ТОПОР

Впервые напечатано в детском журнале «Тропинка», 1909, № 1, подписано: Мирза Тургень (псевдоним А. Н. Толстого).

ВОРОБЕЙ

Впервые напечатано в детском журнале «Тропинка», 1911, № 9.

ЖАР-ПТИЦА

Впервые напечатано в книге «Жар-птица», детские сборники, изд-во «Шиповник», книга I, СПб. 1911.

ПРОЖОРЛИВЫЙ БАШМАК

Впервые напечатано в журнале «Галчонок», 1911, № 2.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

Впервые напечатано в журнале «Галчонок», 1911, № 7.

ФОФКА

Впервые напечатано в сборнике «Елка», книжка для маленьких детей, изд-во «Парус», П. 1918.

Печатается по тексту IV тома Собрания сочинений, «Книгоиздательства писателей в Москве», 1918.

КОТ СМЕТАННЫЙ РОТ

Впервые напечатано изд-вом Брокгауз—Эфрон, Л. 1924.

КАК НИ В ЧЕМ НЕ БЫВАЛО

Впервые напечатано изд-вом «Время», Л. 1925.

Печатается по тексту отдельного издания, Гиз, М.—Л. 1929.

РАССКАЗ О КАПИТАНЕ ГАТТЕРАСЕ, О МИТЕ СТРЕЛЬНИКОВЕ, О ХУЛИГАНЕ ВАСЬКЕ ТАБУРЕТКИНЕ И О ЗЛОМ КОТЕ ХАМЕ

Первая публикация неизвестна. Под названием «Радиовредитель» вышло отдельным изданием, изд-во «Красная газета», Л. 1929.

Под названием «Рассказ о капитане Гаттерасе, о Мите Стрельникове, о хулигане Ваське Табуреткине и злом коте Хаме» с авторскими исправлениями впервые напечатано в V томе Собрания сочинений, Гиз, М.—Л. 1929.

Печатается по этому тексту.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

Впервые сказка напечатана отдельным изданием, Детиздат, Л. 1936. Переиздавалась неоднократно. На основе этого произведения киностудией «Мосфильм» был выпущен фильм и издан сценарий «Золотой ключик» — монтажная запись нового звукового фильма. Сценаристы: А. Толстой, Л. Толстая, Н. Лещенко. Госкиноиздат, М. 1939.

Печатается по тексту отдельного издания, Детгиз, М.—Л. 1943.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Сказка для детей

Пьеса написана в 1938 году. Впервые поставлена в Центральном детском театре, 1938. С успехом шла во многих театрах страны.

Первая публикация — отдельное издание, Детгиз, М.—Л. 1939.

Печатается по тексту сборника «А. Н. Толстой. Пьесы», изд-во «Искусство», М. 1940.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В ПЕРЕСКАЗАХ А. Н. ТОЛСТОГО

Замысел А. Н. Толстого создать наиболее полное собрание или, как говорил писатель, свод русских народных сказок для широких читателей и в первую очередь для читателей-детей никак не случаен.

Жизнь, быт и поэтическая культура русского народа, его прошлое и настоящее с самых первых лет литературной деятельности и до конца жизни были в центре внимания писателя.

Русские народные сказки в пересказах А. Н. Толстого — это лишь начало осуществления большого творческого замысла. А. Н. Толстой всегда горячо утверждал необходимость создать многотомное издание народной поэзии, куда вошли бы все лучшие произведения словесно-художественного творчества народов Советского Союза.

«Вначале надо подготовить и издать полный свод русской народной поэзии,— говорил он,— а потом все лучшее, что есть в фольклоре народов СССР».

А. Н. Толстой, считая создание популярного собрания сказок делом чрезвычайно ответственным, имеющим большое значение в истории литературы, долго и тщательно готовился, прежде чем приступил к работе над изучением сказок.

В предисловии к своей первой книге русских сказок (см. наст. том) А. Н. Толстой характеризовал задачу и метод своей работы.

Принципы его работы и главная задача сводились к тому, чтобы донести до читателей сказку в наиболее подлинном народном ее звучании. Создать такой сборник, куда вошло бы действительно все наи-

более характерное и лучшее, что создано творческой деятельностью народа. Это определялось главным образом особенностями материала, над которым работал А. Толстой.

Русские сказки стали записываться и издаваться давным-давно. И уже более ста лет тому назад наметились два основных типа издания народных сказок: документальные записи ученых собирателей и сказки в литературной обработке, рассчитанные на широкие читательские круги.

Следует отметить, что большинство популярных сборников русских народных сказок XIX, XX веков, а также многие книги, изданные и в советский период (особенно в первые десятилетия), никак нельзя назвать удачными. Смысл и форма подлинно народных сказок часто в них была искажена. Происходило это чаще всего потому, что издатели ограничивали свою роль лишь литературной правкой какой-нибудь одной-единственной записи, оставляя в стороне множество других пересказов этой же самой сказки. Однако когда берется запись той или другой сказки, то такая запись, такой текст — это лишь один из множества вариантов, одна из бесчисленных редакций произведения. Спрашивается: является ли эта запись, этот пересказ наиболее типическим выражением содержания и формы подлинно народной сказки? И как можно достигнуть типического, имея под рукой лишь одну-единственную запись? Вот в таких случаях нередко и приходится наблюдать искажение народного творчества.

Рукописные и опубликованные тексты сказок, являющиеся источником для популярных книг народных сказок, имеют свои особенности. Материалы в этих собраниях, как правило, ограничены хронологически и географически. Характер, объем и прочие свойства записей и публикаций обусловлены весьма многими причинами, прежде всего методологическими позициями собирателей и издателей. Например, русские революционеры-демократы, подчеркивая историческую и социальную обусловленность народной поэзии, определили уже тогда плодотворное направление борьбы за подлинную народность в собирательской и издательской практике. С другой стороны, реакционеры всех мастей, стремясь во что бы то ни стало затушевать в народной поэзии социальные мотивы, подлинно народное ее звучание, искали в фольклоре моменты идеализации патриархально-помещичьих отношений, христианскую мораль: непротивление злу, пассивность и т. д. И такие произведения прежде всего записывались и в первую очередь издавались. А произведения, в которых наиболее остро звучал социальный протест, представителями

буржуазной фольклористики в иных случаях и вовсе не записывались, а если и записывались, то далеко не всегда такие записи публиковались. Тут, конечно, сказывались и цензурные условия. Например, сказки антибарского и антиклерикального содержания печатать в дореволюционное время было чрезвычайно трудно, а в иные периоды и невозможно.

Да и исполнители сказок, боясь преследования за резкие сатирические сказки, часто избегали рассказывать такие произведения собирателям фольклора, которые, как правило, были «из господ».

Таким образом, далеко не все источники, как печатные, так и рукописные, дают правильное представление о характере сказочного репертуара.

Очень важно отметить также еще одно — это качество пересказов, а следовательно, и текстов записей таких пересказов. Оно в очень многом зависит от исполнительского мастерства. При массовости распространения сказки исполнялись не только талантливыми, одаренными рассказчиками, но и средними, а иной раз и плохими сказочниками, то есть такими лицами, которые, запомнив две-три сказки кое-как, без какого бы то ни было вдохновения, излагают их содержание. Записанная от такого исполнителя сказка, утратив все поэтические достоинства, все художественное обаяние, выглядит в записи беспомощным, бледным текстом.

Привожу пример такой записи популярной русской народной сказки про солдата, который побеждает черта:

«Жил-был солдат. У этого солдата был сын. Сын его так хорошо служил, что дослужился до генеральского чина. Царь дал денег, чтобы он роздал солдатам. Он пошел и проиграл эти деньги и сказал себе: «Где я возьму денег солдатам? Пойду лучше на все четыре стороны». Долго он шел и пришел к помещику. «Зачем ты сюда?— спросил помещик.— Здесь никто не проходит: в соседнем доме поселился нечистый». Генерал сказал: «Дай мне тарелку с икрой, двенадцать бутылок с водкой и оловянных орехов». Помещик дал. Генерал пришел в дом. В самую полночь вылезает нечистый, весь в шерсти. Генерал сказал ему: «Иди сюда закусывать». Тот пришел. Генерал налил рюмку и подает, но тот не пьет. Генерал дал икры, но он не ест, стал давать оловянные орехи — тот взял орехи и бросил в лицо генералу. Генерал рассердился и вынул револьвер и застрелил его, отсек саблей голову и сел опять закусывать. Вдруг с шумом вылезают пять человек и тащат в гробу человека с длинным носом. Он сказал: «Идите сюда закусывать». Те не идут. Генерал подбежал и отрубил нос, который лежал в гробу, и положил нос в карман, а чер-

тям сказал: «Сейчас я вас застрелю». Черти сказали: «Не стреляй». Генерал потребовал пять мешков золота и велел их свезти к отцу. Черти свезли десять мешков. Генерал пошел к помещику и рассказал ему. У чертей захворал дядька. Они пришли к генералу и сказали: «Не вылечишь ли ты у нас дядьку?» Он сказал: «Вылечу, а вы давайте пять мешков золота». Те согласились. Генерал пошел и приклеил нос, от которого болел дядька. Черти дали генералу пять мешков золота. Генерал пошел к отцу, роздал солдатам деньги...»[1]

Ясно, что в этой записи нет никаких поэтических достоинств, а иной раз они бывают лишены и смысла. Подобные тексты, может быть, представляют какой-нибудь интерес для исследователей фольклора, но, конечно, не могут рассматриваться в качестве образцов поэтического творчества народа.

И, наконец, еще одна особенность фольклорных источников, о которой, к сожалению, многие литераторы часто забывают, не могла не привлечь внимания А. Н. Толстого. Дело в том, что народная сказка, как и все прочие виды фольклора, представляет собою явление устного исполнительского искусства, искусства, в котором словесный текст хотя и играет исключительно большую, даже ведущую роль, но далеко не единственную.

Художественно-впечатляющие, изобразительные средства сказки в живом исполнении не исчерпываются только словом; в арсенале художественных средств сказочника непременно присутствует и мимика, и жест, и интонация, и обязательно реакция слушателей. Иначе говоря, словесный текст не исчерпывает понятия сказки. Между текстом сказки и ее передачей сказителем приблизительно такая же разница, как, например, между текстом драматурга и театральной постановкой. На этот счет есть много чрезвычайно ценных свидетельств самих собирателей фольклора.

Да и сам словесный текст в сказке, в силу того, что полноценным в художественном отношении он становится именно в устном исполнении, не адекватен словесному тексту литературных произведений. Речь устная и речь письменная строятся по-разному. У них разный лексический состав и разное синтаксическое построение.

А. Н. Толстой учитывал все особенности, характер материала и специфику народных сказок и прекрасно понимал, что создание сборника никак не может быть ограничено составительской работой

---

[1] А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок, вып. II, П 1917, стр. 868—869.

и обычной литературной правкой имеющихся источников. И поэтому созданию свода русских народных сказок предшествовала большая предварительная подготовка, длившаяся довольно долго. Сначала был тщательно продуман общий план всего издания и содержание каждой книги. Затем надо было собрать материал и найти средства оформления этого материала таким образом, чтобы сохранить в книге наибольшую подлинность сказок в их типическом народном и общерусском звучании. Ведь создавался сборник не архангельских, не орловских или рязанских сказок. Готовились к изданию избранные сказки всего русского народа. Между тем все многочисленные записи сказок собирались и издавались как сказки какой-нибудь определенной местности, со всеми особенностями, обусловленными исторической судьбой края, местными поэтическими традициями народного искусства, диалектизмами и т. п.

Для полного и всестороннего изучения материала в наибольшем количестве вариантов А. Н. Толстой привлекал тексты, опубликованные в научных изданиях, обследовал рукописные фонды, а в некоторых случаях добивался и новых записей.

Помимо этого, писатель стремился послушать сказку в ее живом звучании. Он не раз говорил: «Надо непременно послушать хороших сказочников. Они могут дать для нашей работы больше, чем многие записи...» И А. Н. Толстой слушал сказки в исполнении одного из известных сказочников XX века М. М. Коргуева, слушал и других сказителей, чтобы получить непосредственное впечатление о сказке в живой традиции.

Русские народные сказки собирались в течение полутора веков. Каждое произведение записывалось много раз, а многие сказки насчитывают десятки записей, десятки вариантов. Чтобы освоить этот огромный материал, мало было все это читать и изучать. И вот А. Н. Толстой заводит специальную картотеку, где отмечались достоинства и недостатки каждого пересказа сказки. Затем из многих записей одного и того же произведения отбирались два, три (иной раз и больше) варианта, и эти варианты полностью переписывались. А из пересказов менее удачных или и просто неудовлетворительных выписывались в некоторых случаях отдельные эпизоды, яркие фразы, а порой и красочное, выразительное слово.

В результате этой работы у А. Н. Толстого накапливалось все самое ценное в смысле подлинно народного содержания, что заключалось в различных пересказах, все наиболее яркое в смысле языка и сказовой манеры.

После такой предварительной работы по подготовке материала писатель снова внимательно изучал и сличал «просеянные» лучшие варианты — два, три, а иной раз и четыре текста, и тот, который при этом вторичном изучении лучше других удовлетворял всем требованиям, получал назначение текста-основы, «коренного», по выражению писателя, варианта.

В дальнейшем, работая над текстом-основой, А. Н. Толстой отбрасывал из него все лишнее и неудачное и обогащал этот текст-основу заимствованиями из других вариантов. И в результате создавался новый текст, новый вариант сказки, предназначенный для жизни в литературе.

Совершенно естественно, что при этом писателю, как он и сам об этом говорил, приходилось кое-что дописывать, делать вставки, ибо творческое воссоздание литературного варианта сказки, конечно, никак нельзя было бы свести к механическому соединению отдельных эпизодов и деталей, заимствованных из различных текстов разновременной записи и различных по характеру сказовой манеры.

Приходилось в ту пору нередко слышать:

«При чем же тут народная сказка, если допускалась такая свобода обращения с подлинными записями?»

Подобные рассуждения защитников народности, направленные против писательских пересказов сказки, имеют хождение и по сей день. Надо ли доказывать, что это формальное и чисто внешнее понимание подлинности и народности. Ведь никогда не было, да и быть не могло никакого канонического текста сказки. Вследствие того, что сказка представляет собою один из видов устного исполнительского искусства, каждый даровитый сказочник ведет свой рассказ на основании глубокого освоения не только известных ему сказок, но и всей местной народно-поэтической традиции и вносит при этом много своего. Исполнение сказки в живой устной передаче таково: основа и орнаментика общерусские, а композиция, краски и многие конкретные детали заимствованы сказочником от своих учителей и отчасти внесены свои собственные. Словом, любой сказочник посвоему интерпретирует материал и, рассказывая, создает свои варианты сказки.

Точно так же поступал и А. Н. Толстой, выступая в роли общерусского сказочника и создавая свои варианты, предназначенные для чтения, и стремясь донести до читателей подлинно народный смысл и подлинно народную форму сказок. Писатель ничего не придумывал в своих пересказах, а лишь по-своему, средствами литературы воспроизводил сказку для жизни в книге. И сказки А. Н. Толстого по

содержанию и по манере рассказывания нисколько не менее народны, чем самые подлинные записи.

Основной фонд пересказов А. Н. Толстого составляют сказки о животных. Они представляют собой своеобразный вид народных сказок. Сказки о животных предельно кратки, чрезвычайно просты по форме, в них много стихов и песенок, речь часто ритмизованная. Характерная их особенность состоит в повторяемости основных эпизодов и диалогичности. Слушатели легко запоминают такие сказки. Широкое их распространение на протяжении века через популярные издания во многом определяют устойчивость и наибольшее по сравнению с прочими видами сказки постоянство текста.

А. Н. Толстой учитывал все особенности материала и бережно сохранял их в своих пересказах. Оставляя в неприкосновенном виде веками отшлифованные словесные формулы и всю так называемую сказочную обрядность, писатель стремился подчеркнуть и заострить ведущую идею произведения. Автор пересказов стремился средствами литературы восполнить то многое, что в живом исполнении воплощается и оформляется игровыми, чисто исполнительскими приемами и что утрачивается в записанных собирателями текстах.

А. Н. Толстой заботился о подлинно народном содержании и о подлинно народной форме своих пересказов. Сравнения источников, которыми пользовался писатель, с его пересказами показывают, как он, по выражению А. М. Горького, «вышелушивал» народный смысл сказки.

Например, популярная русская сказка о коте и лисице много раз издавалась и, к сожалению, по сей день издается в неудачных пересказах. Не уяснив народного смысла этой сказки, авторы таких литературных вариантов не обратили внимания на слово «воевода», часто встречающееся в записях, и называют кота братом лисицы, приехавшим из сибирских лесов, и тем самым не только исказили народное звучание, но и разрушили сказку, лишив ее логики. Судя по этим пересказам, кот нагнал страху на всех обитателей леса, потому что он сердитый. Но нельзя поверить, чтобы такие сильные звери, как медведь и волк, убоялись незнакомого им маленького зверька кота и приходят с приношениями, чтобы задобрить его.

В пересказе А. Н. Толстого, сохранившего и подчеркнувшего подлинно народное содержание сказки, все понятно: волк и медведь боятся кота потому, что на вопрос медведя: «А кто такой Котофей Иванович?» — лисица отвечает: «А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы—Котофея Ивановича — жена».

Эта деталь сразу же ставит все на свое место. Кот, оказавшись в лесу, выдает себя за воеводу, присланного управлять лесом. Поэтому (а не почему иному) лесные звери и стремятся задобрить кота-воеводу взятками и приношениями. Лиса, ставшая женой кота-воеводы, всячески эксплуатирует зависимых и подчиненных коту-воеводе зверей, запугивает их, вымогает взятки. В этой сказке хотя и рассказывается о зверях, но изображаются человеческие характеры, показаны социальные отношения и разоблачаются взяточничество, наглость и жадность чиновников, веками эксплуатировавших зависимый от них трудовой народ. Таково подлинно народное содержание сказки, хорошо донесенное до читателей в пересказе А. Н. Толстого.

В этом же направлении велась работа и над другими произведениями.

Одна из любимых народом сказок — это сказка о добывании целебных яблок и живой воды. Ведущей идеей ее народных вариантов является активная борьба за счастье: ум, смелость, сила и справедливость, женская верность и женское достоинство побеждают зло. Мечты народа о борьбе со старостью и болезнями, мечта о продлении жизни нашли свое воплощение в этой сказке.

В «Сказке о молодильных яблоках и живой воде» А. Н. Толстой полностью сохранил большинство эпизодов из народных вариантов и особенно подчеркнул сюжетные линии, связанные с женой-богатыркой, создающие прекрасный и очень характерный для народных сказок образ сильной физически и духовно женщины, полной достоинства и значительности. Тогда как в иных литературных вариантах этой сказки выпущены все эпизоды, в которых действует жена-богатырка. Вместо исключительной по яркости героини в этих пересказах—пассивная царевна, которую спасает Иван-царевич. Темы изображения героической женщины и верной любви опущены, и поэтому народная идея не нашла такого полного раскрытия, как в пересказе Толстого.

В сказках о животных, в соответствии с характером их стилевых особенностей, писатель, следуя традиции сказочников, не только сохранял, но в иных случаях и усиливал ритмичность, заново вводил песенки или обогащал имеющиеся в основном варианте.

В пересказе сказки «Как старуха нашла лапоть», источником которой послужил вариант из сборника Карнауховой (привлекались, конечно, некоторые эпизоды и детали и из других вариантов), А. Н. Толстой песенку старухи заимствовал из текста в сборнике Афанасьева:

Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

В сказке «Петушок — золотой гребешок», представляющей в пересказе писателя сложное соединение многих источников, первые три строки песенки кота:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума?—

взяты из текста, напечатанного в сборнике Авдеевой «Русские сказки для детей», а четвертая, последняя, строка «Во своем ли теплом гнездышке?» дописана А. Н. Толстым.

А. Н. Толстой, как известно, был великолепным рассказчиком. Он чувствовал малейшие оттенки не только в слове, но и в интонации, и в работе над пересказами строго относился к языку и стилевой манере, стремясь сохранить в книге живое звучание сказки.

В своем предисловии к первой книге русских сказок, отмечая неудачные опыты пересказов народных сказок, он писал: «Составители таких сборников обычно брались за обработку сказок, причем пересказывали их не народным языком, не народными приемами, а «литературно», то есть тем условным, книжным языком, который ничего общего не имеет с народным.

Пересказанные таким образом сказки теряли всякий смысл — в них от великолепного народного творчества оставался один сюжет, а главное: народный язык, остроумие, свежесть, своеобразие, сама манера рассказа, беседы, иными словамн, народный стиль — пропадало так же, как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев».

Стремление к народности в содержании, стиле и в изобразительности живого звучащего слова можно иллюстрировать множеством примеров.

Так, в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» на предостережения Аленушки: «Не пей, братец, теленочком (жеребеночком, козленочком) станешь...» — обычно в пересказах многих авторов говорится с некоторыми вариациями следующее: послушался Иванушка, согласился Иванушка и т. п. и т. д., то есть описательно.

В сказке А. Н. Толстого рассказано об этом так. При первом предостережении читаем: «Братец послушался, пошли дальше».

Но... «Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает». Жажда возрастает, а тут они дошли до лошадиного копытца, полного водицы, и просит Иванушка: «Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!» А Аленушка снова: «Не пей, братец, жеребеночком станешь!»

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше».

И вот это короткое, но чрезвычайно выразительное «вздохнул Иванушка» убедительно зримо изображает все переживания изнывающего от жары мальчика: борьбу с искушением утолить невыносимую жажду, окончившуюся тем, что он и в этот раз преодолел свое желание, внял предостережению. Это кульминационный момент. И как-то само собой становится понятно после этого вздохнул, что, когда им встретилось на пути «...козье копытце полно водицы», Иванушке уже не пересилить себя, и он говорит: «Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!» И, невзирая на третье предостережение, напился и стал козленочком.

Так эта маленькая на первый взгляд деталь, одно лишь слово — вздохнул, поставленное вместо обычных: послушался, согласился, не стал перечить и т. п., придало развитию завязки упругость, и сказка зазвучала эмоционально, а потому и убедительно.

Или вот помнится такой случай.

«Ищу и никак не найду глагола,— пожаловался как-то раз Толстой,— ни в одном варианте нет, просто хоть выбрасывай это место из сказки!»

Из дальнейшего разговора выяснилось: в сказке «Морозко», которая тогда подготовлялась к изданию, после эпизода, где рассказано о том, как Морозко заморозил грубую, злую старухину дочь и старик нашел ее в лесу, требовалось это самое слово. Толстому хотелось, чтобы слово выражало действие не описательно, а изобразительно, так сказать осязаемо зримо передавало бы ощущение, что старик взвалил в сани до звона оледеневшую падчерицу, старухину дочь.

И вот начались поиски такого слова во всех доступных вариантах этой и других сказок. Но поиски оказались безуспешными, слово, которое бы устраивало писателя, не было найдено, и автор пересказа заново написал два абзаца, опустив то место, где говорилось о том, как старик укладывал в сани замерзшую старухину дочь.

Можно с полной уверенностью утверждать, что объемная сказка «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» может быть смело поставлена в ряду лучших произведений фольклора, ставших достоянием художественной литературы. Писатель

тщательнейшим образом изучил во всех подробностях двадцать шесть различных записей этой сказки, больше двадцати листов текстов.

В основу своего пересказа он положил сказку из сборника Нечаева «Андрей-стрелец», записанную от сказочника М. М. Коргуева. В этом выборе сыграло, думается, известную роль и то обстоятельство, что при встрече с М. М. Коргуевым А. Н. Толстой в числе нескольких сказок, исполненных в тот вечер талантливым сказочником, слушал и понравившуюся ему сказку «Андрей-стрелец».

Вместе с тем, говоря о тексте-основе, следует заметить, что, как и в большинстве толстовских пересказов, речь идет не о литературной правке записанной у Коргуева сказки. А. Н. Толстой не только по-своему пересказал текст-основу. Он обогатил сюжет сказки — главного источника. В коргуевском варианте задачи — навестить покойного царя-отца на том свете — нет. Эпизод этот заимствован писателем из записей, напечатанных в сборниках Афанасьева и Зеленина «Пермские сказки», точно так же как и эпизод с добыванием Андреем-стрелком по поручению царя кота Баюна взят из афанасьевского варианта. Привлечение именно этих эпизодов усилило социальное звучание сказки. Образ жестокого и глупого царя, довольно хорошо намеченный в основном источнике—в сказке из сборника Нечаева, в пересказе писателя стал гораздо конкретнее, ярче и убедительнее.

А. Н. Толстой с большим увлечением писал свой пересказ. В его архиве сохранился текст, написанный от руки, и есть текст, перепечатанный на машинке и выправленный рукой автора. Машинописный экземпляр предназначался в набор. Но сличение этого, предназначенного к печати варианта и изданной сказки показывает, что правка продолжалась и во время издания, в корректуре. Например, в рукописном и в перепечатанном на машинке экземплярах эпизод, когда появляется мужичок с ноготок, борода с локоток и требует угощения у свата Наума, дается в традиционной устойчивой форме скоморошьего рассказа.

«...Откуда ни возьмись появился стол накрытый, на нем — бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный, в заду — чеснок толченый.

Мужичок с ноготок, борода с локоток сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать» и т. д.

В напечатанной сказке читаем этот эпизод в новой авторской правке.

По рукописному и машинописному текстам, которые сохранились в архиве, несомненно предшествовали более ранние, не сохранившиеся редакции. Известно, что на протяжении двух месяцев в кругу своих знакомых А. Н. Толстой дважды читал первоначальные варианты пересказа, и текст все время менялся.

Уместно также отметить, как писатель, стремясь сохранить живое звучание сказки в книге, шел не по тому протоптанному пути, по которому нередко шли иные популяризаторы народных сказок, сохраняющие в неприкосновенном виде речевую структуру устного повествования.

А. Н. Толстой отказывался безоговорочно следовать этому строю речи, писатель переводил, переключал устное повествование в строй литературной речи. В качестве иллюстрации приведу коротенький пример тому, как под пером писателя менялся текст фольклорной записи в пересказе, предназначенном для чтения. Чтобы увидеть это, достаточно сравнить текстуально очень близкие — начало сказки, записанной от М. М. Коргуева «Андрей-стрелец» и пересказ А. Н. Толстого: «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».

Текст сказки М. Коргуева:	*Текст пересказа А. Толстого:*
В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и он был холост.	В некотором государстве жил-был царь, холост, не женат.

В сказке Коргуева употребляется сложно-сочиненное предложение с союзом «и», причем подлежащее в этом сложно-сочиненном предложении одно.

Такая конструкция не характерна для литературного языка, она возможна только в разговорной речи.

Еще более показательное сравнение:

В сказке М. Коргуева говорится:	*В пересказе А. Толстого эта фраза выглядит так:*
Значит, имел он (царь. — *А. Н.*) стрельцов двенадцать у себя, и один был стрелок Андрей, тот уж на лету сокола убивал и уж числился как старший стрелок.	был у него стрелок по имени Андрей.

В записи коргуевской сказки, как видим, опять та же самая конструкция — сложно-сочиненное предложение. И в предложении «...один был стрелок Андрей...» нет дополнения («у него»), которое есть

в пересказе А. Н. Толстого, то есть предложение в рассказе Коргуева неполное, что в литературном языке мало употребительно и что характерно для устной речи, а потому и вполне уместно в сказке в ее живом звучании. Кроме того, слово «значит» в литературном языке не может употребляться в таком контексте. В живой же речи, особенно при рассказывании сказки, оно вполне уместно и закономерно, так как создает впечатление длительности повествования.

Или вот еще одно небольшое сличение текста-основы (запись М. К. Азадовского от сибирской сказочницы Винокуровой) с текстом пересказа А. Н. Толстого.

Следуя довольно близко композиционной схеме источника, писатель совершенно переработал текст Винокуровой в стилистическом отношении. Он устранил и заменил все диалектизмы, которыми изобиловал источник, убрал и переработал элементы мещанской речи (сказочница в молодости служила горничной, и это отразилось на ее речевой манере). Кроме того, и в этом случае, как всегда, устную речь переключил в строй речи литературной.

Текст сказки Винокуровой:	*Текст пересказа Толстого:*
«Дорогой наш папаша, отчего вы стали такой печальный? Дорогой наш папаша, лучше мы станем сами преследовать похитчика, только ты не печалься!»	«Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить».

И далее:

Наступило время младшему брату стерегчи идти сад. Как пошел Иван-царевич, меньшой брат, сад отцов стерегчи и даже боится присясти, не то что прилягчи. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, не ложится — все пасет сад. Половина ночи, так что ему чудится, в его саду освещается что-то. Все светлее, светлее становится.	Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз. Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет светлее и светлее. Весь сад осветило.

В сказке Винокуровой опять-таки стилевое построение подчинено законам устной речи, и автор пересказа переключает его в строй речи литературной.

Так, учитывая все особенности содержания и формы фольклорных произведений, А. Н. Толстой на основе тщательного всестороннего изучения и творческого освоения огромного материала, на основе

знания жизни и распространения сказки в ее живой традиции, используя опыт предшествующей литературной практики популяризации фольклора, по строго продуманному плану создавал свою книгу русских народных сказок.

А. Н. Толстому не удалось завершить свою работу. В законченном виде он оставил нам лишь первую книгу, издававшуюся при жизни писателя.

В первой книге напечатаны главным образом сказки о животных. Лишь впоследствии к этим сказкам присоединены пересказы А. Н. Толстого из цикла волшебных сказок. По общему плану предполагалось, что волшебные сказки составят две отдельные книги.

Задуманное издание осуществлено лишь в небольшой части. И тем не менее опыт этот представляет значительный интерес и заслуживает большого внимания.

Сказки в пересказах А. Н. Толстого выражают их подлинно народное содержание, пленяют манерой повествования, богатством языка и свежестью красок.

Сказка «Репка» и остальные, до сказки «По щучьему велению» включительно, впервые напечатаны в сборнике: Алексей Толстой, Русские сказки, т. I, Детиздат, М.—Л. 1940.

Печатаются по тексту этой публикации.

Сказка «Присказка» и остальные, до сказки «Сивка-бурка» включительно, впервые напечатаны в книге «Русские народные сказки в обработке А. Толстого», Детгиз, М.—Л. 1944.

Печатаются по тексту этой публикации.

Сказка «Медведь и три сестры» и остальные, до неоконченной сказки «Василиса Премудрая» включительно, при жизни писателя не публиковались. Впервые напечатаны в Полном собрании сочинений, т. 15, Гослитиздат, 1953.

Печатаются по тексту рукописи.

Книга первая

РЕПКА

Создана на основе двух вариантов из сборников: Афанасьев — № 89 и Ончуков — № 105.

КУРОЧКА РЯБА

Создана на основе двух вариантов, из сборника Афанасьева №№ 70 и 71. А. Н. Толстой в своем пересказе значительно сократил материал источников, выбрав из всех известных ему вариантов наиболее благополучный конец.

КОЛОБОК

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 36. А. Н. Толстой улучшил песенный текст этого варианта сказки заимствованиями из других записей.

ТЕРЕМОК

Создана на основе различных вариантов, имевшихся в распоряжении писателя, и представляет собою сложное соединение многих записей, но ближе всего к сказке из сборника Афанасьева — № 83.

КОЧЕТОК И КУРОЧКА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 68. В пересказе писателя устранены диалектизмы.

БОБОВОЕ ЗЕРНЫШКО

Создана на основе вариантов из сборников: Афанасьева — № 69, Садовникова — № 49, Смирнова — № 13, Карнауховой — № 93.

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ

Создана на основе варианта из сборников Афанасьева — № 60 и Смирнова — № 66.

ЛИСА И ЗАЯЦ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 14, обогащенного заимствованиями из сборника Зеленина — «Пермские сказки» — № 88 и Смирнова — № 248.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 53; вариант нарочито стилизованный. В пересказе А. Н. Толстого сказка приобрела черты подлинно народной манеры рассказывания.

КОЗА-ДЕРЕЗА

Создана на основе варианта из сборника Нечаева.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Создана на основе варианта из сборника Смирнова — № 16. Первые три строки песенки кота:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума? —

взяты из примечания к сборнику Афанасьева—№ 37 (текст в примечании перепечатан из сборника Авдеевой «Русские сказки для детей»).

ЛИСА И ВОЛК

Создана на основе трех вариантов из сборников: Афанасьев — № 1, Смирнов — № 293 и Куприяниха — № 19.

МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 57. А. Н. Толстой вводит из другого варианта эпизод кражи медведем репы у крестьянина, чтобы оправдать и мотивировать поведение старика, отрубившего у медведя лапу.

Начало песни медведя также изменено.

В пересказе Афанасьева:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят...

В пересказе Толстого:

Скырлы, скырлы, скырлы
На липовой ноге,
На березовой клюке,
Все по селам спят... и т. д.

Замена понятия звукоподражанием как раз вполне отвечает народной манере повествования.

МИЗГИРЬ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 85, писателем устранены книжные обороты и славянизмы.

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Создана на основе варианта из сборника Карнауховой — № 53, записанного от известной сказительницы Коренной.

ЛИСА И ДРОЗД

Создана на основе многих вариантов и представляет собой сложную творческую переработку документальных записей.

ЛИСА И РАК

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 35.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 31.

ЛИСА И ПЕТУХ

Сюжетные положения в пересказе А. Н. Толстого близки сказке из сборника Ончукова — № 11. По стилевой манере: по ритмичности, склонности к рифмовке — сказка Толстого близка к варианту из сборника Афанасьева — № 16. Однако текстуальная близость пересказа Толстого с вариантом афанасьевским может быть отмечена лишь в одном случае:

У Афанасьева:	*У Толстого*:
Петух умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу.	Тут петух умилился, стал спускаться с ветки на ветку, с сучка на сучок, с пенька на пенек. Спустился на землю и сел перед лисицей...

В отличие от афанасьевского текста, изложенного в книжном витиеватом стиле, насыщенном славянизмами, пересказ А. Н. Толстого написан в подлинно народной манере.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 38.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 72.

КОТ И ЛИСА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 40.

СТАРИК И ВОЛК

Создана на основе многих вариантов. Первоосновой пересказа следует считать варианты из сборников: Смирнов — № 171 и Карнаухова — № 23. Некоторые детали живо напоминают соответствующие места из других источников: начало сказки близко к началу записи из сборника Смирнова — № 246, начало песенки взято из сборника Карнауховой — № 23, а конец этой же песни ближе всего к соответствующим стихам в сказке из сборника Зеленина «Пермские сказки» — № 78.

КАК СТАРУХА НАШЛА ЛАПОТЬ

Создана на основе варианта из сборника Карнауховой — № 24. Песенка старухи:

Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй, не стой...

заимствована из варианта в сборнике Афанасьева — № 8.

О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 81. Стилевая правка источника весьма незначительна.

БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА

Создана на основе варианта из сборника Садовникова — № 56. Изменений почти нет.

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Создана на основе трех вариантов из сборников: Ончуков — № 11, Садовников — №№ 53 и 54.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 87.

КОТ — СЕРЫЙ ЛОБ, КОЗЕЛ ДА БАРАН

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 45.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Создана на основе девяти вариантов. А. Н. Толстой пользовался главным образом текстами из сборников: Ончуков — № 149 и Садовников — № 51. При этом сюжетные положения в пересказе Толстого ближе к варианту из сборника Ончукова, особенно в начале сказки, а вся сказовая манера, язык и стиль очень близки к варианту из сборника Садовникова, записанному от крупнейшего русского сказочника Абрама Новопольцева.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Создана на основе трех вариантов, представляет собою сложную творческую переработку мотивов из сборников: Куприяниха — № 32, Афанасьев — №№ 55 и 56.

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 28. Текст основы подвергнут значительной правке.

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Создана на основе вариантов из сборников: Афанасьев — № 59 и Смирнов — № 68.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Создана на основе сказки «Про медведя и лису» из сборника «Сказки Саратовской области».

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 23 и записи из рукописного собрания Нечаева, обогащена некоторыми заимствованиями из сборника Смирнова — № 105.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Создана на основе варианта из сборника Карнауховой — № 29 с привлечениями деталей из вариантов сборников: Ончуков —№ 30 и Смирнов — № 167.

КОБЫЛЬЯ ГОЛОВА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 99. Эта запись украинского варианта сказки переработана писателем весьма значительно. Сказка в пересказе А. Н. Толстого зазвучала по-русски, напоминая варианты из сборников: Карнаухова — № 101, Худяков — № 13 и Смирнов — № 155а.

ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК

Создана на основе варианта из сборника Садовникова — № 58.

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Создана на основе варианта из сборника Карнауховой — № 99, со значительными следами книжных оборотов. В пересказе А. Н. Толстого сохранены сюжетные положения источника, но изложены живым народным языком.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ

Создана на основе двух вариантов из сборников. Афанасьев— № 188 и Садовников — № 48.

ТЕРЁШЕЧКА

Создана на основе вариантов из сборников: Афанасьев — №№ 112 и 108, Красноярского сборника, вып. I — № 41 и из сборника «Сказки Саратовской области». Эти варианты выбраны из двадцати шести известных писателю (см. библиографию сказки в архиве писателя).

КРИВАЯ УТОЧКА

Создана на основе сказки, слышанной писателем в детстве.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Создана на основе вариантов из сборника Афанасьева — № 261 (из четырнадцати известных автору). Источник подвергнут значительной правке, обогащен деталями из вариантов сборников: Куприяниха — № 7, Зеленин, «Вятские сказки» — № 11 и Афанасьев — № 260.

ХАВРОШЕЧКА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 100.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Создана на основе вариантов из сборников: Карнаухова — № 159, Садовников — № 15, Афанасьев — №№ 163 и 164.

ВОЙНА ГРИБОВ

Создана на основе варианта сказки-песни из сборника Афанасьева — № 90.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Создана на основе двух вариантов из сборников: Афанасьев — № 113 и Худяков — № 53.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 300. Главная сюжетная линия источника сохранена, исключен лишь эпизод встречи мальчика с пальчик с ворами.

МОРОЗКО

Создана на основе многих вариантов, представляет собой сложную и свободную переработку вариантов из сборников: Афанасьев — №№ 95 и 96, Зеленин, «Пермские сказки» — № 77, Карнаухова — №№ 27 и 28 и записи, хранящейся в рукописном Архиве фольклорной секции.

ЧИВЫ, ЧИВЫ, ЧИВЫЧОК...

Создана на основе варианта из сборника Смирнова — № 149, обогащенного заимствованиями из сборников: Афанасьев — № 76 и Худяков — № 37.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Создана на основе многих вариантов (в архиве писателя имеются одиннадцать вариантов записи сказки и три редакции ее пересказа А. Н. Толстым).

Первооснова опубликованного варианта пересказа — текст из сборника Афанасьева — № 165, подвергнут весьма значительной обработке. Сказка в сборнике Афанасьева, перепечатанная из старых лубочных изданий, изобилует архаизмами и канцелярскими оборотами. А. Н. Толстой рассказал сказку в манере живой народной речи.

Книга вторая

ПРИСКАЗКА

Взята писателем из зачина к сказке «Иван-царевич и богатырка Синеглазка» (сборник Б. и Ю. Соколовых — № 139) и с незначительной правкой была первоначально предпослана А. Н. Толстым к его пересказу сказки «О молодильных яблоках и живой воде», а затем вынесена в качестве зачина-присказки к пересказам всех волшебных сказок.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

Создана на основе варианта из сборника Нечаева «Андрей-стрелец» — № 2, обогащенного заимствованиями из других документальных источников в сборниках: Афанасьев — №№ 214, 215, 216, 217, Зеленин, «Пермские сказки» — № 42. В архиве А. Н. Толстого имеется библиография и материалы двадцати шести вариантов. Первоначальный текст пересказа написан от руки; кроме того, имеется переписанный на машинке и выправленный автором текст. И, судя по тому, что в изданной сказке есть разночтения с машинописным экземпляром, можно утверждать, что отделка пересказа продолжалась и во время издания сказки.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Создана на основе вариантов из сборника Б. и Ю. Соколовых— № 139, обогащенного заимствованиями из сборников: Озаровская — № 36, Ончуков — № 3 и др. (в архиве писателя имеется библиография восемнадцати вариантов).

ИВАН — КОРОВИЙ СЫН

В библиографии отмечено двадцать две записи сказки.

Сказка создана на основе многих вариантов, представляет собой сложную переработку, основанную на вариантах из сборников: Афанасьев — №№ 136, 137 и 138 и Карнаухова — № 163 с заимствованиями некоторых деталей из источников в сборниках: Зеленин, «Пермские сказки» — № 9 и Садовников — № 1.

В архиве писателя сохранился план пересказа, написанный рукой А. Н. Толстого: 1) Рождение. 2) Булавы. 3) Основание поездки. 4) Кровь. 5) Бой. 6) Три жены (колодезь, яблоня). 7) Кузница.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Создана на основе вариантов из сборников: Азадовский, «Сказки Верхнеленского края» — № 14, Худяков — № 1 и неопубликованной записи Нечаева.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Основа сказки не установлена. Писатель совершенно свободно использовал, творчески переработав, несколько вариантов этой сказки. Многие эпизоды, мотивы и отдельные выражения, судя по их близости, заимствованы из сборников: Афанасьев — №№ 267, 269, Куприяниха — № 25 и Нечаев — № 7.

СИВКА-БУРКА

Создана на основе варианта из сборника Ончукова — № 68. Обогащая основной источник, А. Н. Толстой заимствовал эпизоды, мотивы и отдельные выражения из записей в сборниках: Зеленин, «Вятские сказки» — № 114; Афанасьев — №№ 179 и 180; из рукописного архива фольклорной секции Института этнографии и антропологии Академии наук СССР (в архиве писателя хранится библиография двадцати шести вариантов этой сказки).

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

ЛИСА ТОПИТ КУВШИН

Создана на основе варианта из сборника Смирнова — № 29.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 22, дополненного эпизодом встречи старика с волком.

СНЕГУРУШКА И ЛИСА

Создана на основе варианта из сборника Афанасьева — № 34, концовка изменена.

МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ

Создана на основе вариантов из сборника Садовникова — № 29 и Худякова — № 58.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Сказка не окончена, создана на основе вариантов из сборника Афанасьева — №№ 211 и 219, как это видно из пометок писателя в тексте варианта из сборника Садовникова — № 1, А. Н. Толстой предполагал привлечь и этот материал.

А. Нечаев

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ СКАЗОК-ПЕРЕСКАЗОВ А. Н. ТОЛСТОГО И УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КОММЕНТАРИЯХ

Афанасьев.— А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и Ю. М Соколова, т. I, «Academia», 1936; т. II, Гослитиздат, 1938; т. III, Гослитиздат, 1940.

Азадовский. — М. Азадовский, Сказки Верхнеленского края, вып. I, изд-во Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, Иркутск, 1925.

Зеленин, Вятские сказки. — Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XI, П. 1914.

Зеленин, Пермские сказки.— Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губернии, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XII, П. 1915.

Карнаухова. — И. В. Карнаухова, Сказки и предания Северного края, «Academia», 1934.

Куприяниха. — Сказки Куприянихи. Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и комментарии А. М. Новиковой и И. А Оссовецкого. Вступительная статья и общая редакция проф. И. П. Плотникова. Воронежское областное книгоиздательство, 1937.

Красноярский сборник. — «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии», т. I, вып. I, Красноярск, 1902, вып. II, Томск, 1906.

Нечаев.— Сказки Карельского Беломорья, т. I, Сказки М. М. Коргуева, кн. 1 и 2. Запись, вступительная статья и комментарии А. Н. Нечаева, Петрозаводск, 1939.

Озаровская.— О. З. Озаровская. Пятиречие, «Academia», 1931.

Ончуков. — Н. Е. Ончуков, Северные сказки, СПб. 1908, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXII.

Садовников. — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым, СПб. 1884, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XII.

Смирнов.— А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. I—II, П. 1917, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XIV.

Соколовы. — Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М. 1915.

Сказки Саратовской области.— Сказки Саратовской области. Составители Акимова и Степанов, Саратов, 1937.

Худяков.— И. А. Худяков, Великорусские сказки, I—II—III, М. 1860, 1861, 1862.

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив фольклорной секции Института русской литературы (Пушкинский дом), Академия наук СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Солнечные песни

За синими реками

СКАЗКИ

Русалочьи сказки

Сорочьи сказки

Алексей Николаевич
ТОЛСТОЙ

Собр. сочинений, т. 8

Редактор *Л. Красноглядова*
Художеств. редактор *Ю. Боярский*
Технич. редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *Т. Кузина*

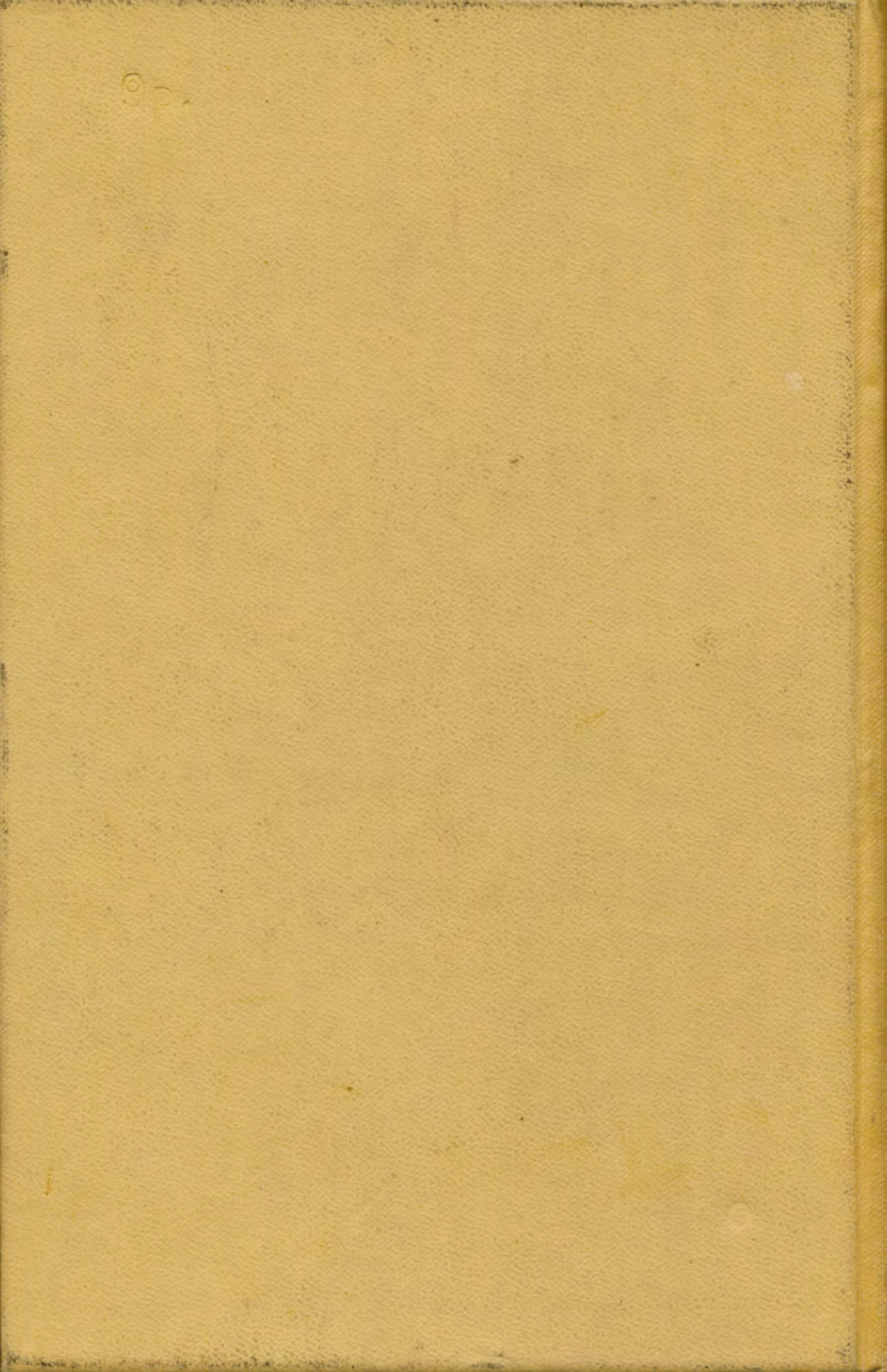
*

Сдано в набор 29/V 1959 г.
Подписано в печать 25/VIII 1959 г. А04296
Бумага 84×108 $^1/_{32}$.— 17,75 печ. л. 29,11 усл.
печ. л., 23 17 уч.-изд, +1 вклейка = 23,22 л.
Тираж 650000 экз. Заказ № 3158. Цена 9 р

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

9p

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ
8